

Юрий Бахорин Нептун: Похитители тел

Соломон Хук – 2

«Нептун: Похитители тел: Фантаст. роман / Ю. Бахорин»: АСТ; М.; 2003
ISBN 5-17-017078-5

Аннотация

Поклонники классической фантастики!

Перед вами — книги, возрождающие для читателей мира Эдмонда Гамильтона, Ли Брекетт и Эдгара Р. Берроуза. Миры космических пиратов и работяг, авантюристов и искателей приключений.

Книги «старомодные» в лучшем смысле слова!

Век XXX. Солнечная система.

Планеты-прииски. Планеты-тюрьмы. Планеты-притоны. Космопорты. Мегаполисы. Колонии.

Наемники. Бродяги. Авантюристы.

Солнечная система. Век XXX.

Добро пожаловать!

...Нептун. Планета, на один из спутников которой послана обычная экспедиция по разработке полезных ископаемых. Экспедиция, члены которой вскоре начинают гибнуть один за другим... Эпидемия? Совпадение? Преступление? Агент специальной службы отправляется к Нептуну, чтобы провести расследование — И ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ установить истину...

Юрий Бахорин Нептун: Похитители тел

ГЛАВА 1

Мускулистая фигура африканца скрылась в телефонной кабинке. Аксель опустил

слиток в карман пиджака и придирчивым взглядом окинул нетронутые закуски. «Спиртного маловато,— привычно отметил он, рефлекторным жестом подзывая официанта, дабы исправить упущение,— да и съестного не мешало бы добавить». Оставшись в одиночестве, Хук неожиданно ощутил зверский аппетит и нешуточную потребность в выпивке. Впрочем, говорить о неожиданности желания было бы не совсем верно. Скорее, наоборот: желание залить неприятность спиртным являлось для него обычной реакцией, а неумный аппетит говорил о скором выздоровлении, что было хорошо в любой ситуации, даже в сложившейся, безотрадной. Он сделал обильный заказ и неторопливо осмотрелся.

Все вокруг жевали — старательно и увлеченно. Собственно за этим и они пришли сюда со Мтомбой, но сейчас Хук ощущал непривычную вражду к этим людям, которым нет дела ни до него, ни до его проблем. А что, с другой стороны, с них возьмешь? Сыты, одеты, обуты... Солнышко светит и никаких проблем. Острая боль сдавила сердце гиганта. Он поймал себя на мимолетном желании стать таким же, как окружающие, травоядным — без чувств, без желаний. Отдавать трудовую дань обществу, а в остальное время не думать ни о чем — спокойно жевать подножную травку. Аксель представил себе эту идиллическую картинку, и его передернуло от отвращения. Бр-р...

Чтобы отвлечься от неприятных ассоциаций, он попытался вернуться мыслями к только что завершившейся беседе. Не то, чтобы его нечто встревожило... скорее, показалось странным. Воспоминание упорно не давало покоя, но и в руки не давалось, дразня своей близостью и выводя из равновесия недоступностью.

— У вас не занято? — знакомый голос оторвал его от размышлений, и Хук медленно поднял взгляд.

— Насколько я помню, ты уходить собрался,— вымолвил Сол.— Можно вежливо поинтересоваться: какого хрена ты тут делаешь?

— Что мне всегда в тебе нравилось, так это твоя ненавязчивая манера предельно доходчиво выражать свои мысли.— Улыбка африканца сделалась шире.— Я, видишь ли, отзвонился в контору и оказалось, что на сегодня в графике встреч образовалось окно в несколько свободных часов.

— Которые ты решил посвятить мне,— с улыбкой закончил за него фразу Соломон.— Что ж, приглашаю за мой столик.— Поморщившись, Аксель заставил непослушное тело пошевелиться и радушно махнул рукой в сторону свободного кресла.— Ну, так как? Присядешь?

— Вне всякого сомнения: бросать слабоумного друга в беде неблагородно.

— Что такое? — насторожился Сол.— Это что, шутка?

— Для старого друга не жалко и шутки,— подпустил Мтомба, и оба, не сговариваясь, хмыкнули.— Кто-то из великих сказал: «Не оглядывайся назад — прошлое не отпустит». Что держит тебя, Сол?

Присаживаясь, Мтомба испытующе посмотрел на друга. Хук ответил красноречивым взглядом — психоаналитик, мать твою...

— Судьбу не обманешь, дружище...— несколько туманно ответил он.— Она тебя обманет, а ты ее нет.— Он помолчал.— У меня кулаки тяжелеют от воспоминаний...

Конечно, Мтомба понял, о чем идет речь, и на некоторое время над столом повисла напряженная тишина. Стали даже слышны негромкие разговоры за ближайшими столиками. Африканец недовольно поморщился: вовсе не тяжких воспоминаний он добивался от друга.

— Сол, посмотри на дело иначе: ты все-таки жив. Значит, ты победил.

— Победил...— Сол пренебрежительно фыркнул, всем видом показывая, что не клонет на эту туфту для малолетних.— А на кой черт мне нужна такая победа? Сам я чувствую себя, как столетний, Анна мертва...

— Красоты в ней было больше, чем силы, а в драке нужны кулаки.— Мтомба понимал, что слова его — не более чем констатация банального факта. Быть может, лучше было бы промолчать, нежели мучить друга ненужными замечаниями, но мысль эта пришла слишком поздно.

— Банально, не правда ли? — Аксель не думал злиться. — Банально, как сама жизнь, — с горечью повторил он.

— Что я могу тебе сказать? Все мы игрушки в руках Всевышнего...

— Быть может, ты прав, — кивнул Аксель, — хотя прежде я бы с тобой и поспорил. Я, видишь ли, всегда считал, что сам выбираю игру, а главное — правила, по которым она ведется. А теперь вот не знаю, что и подумать...

— Да уж, — согласился африканец. — Этот Ми-надо оказался тем, что называется: маленькая тварь, но большой прохвост. Жаль, что он сделал ноги.

— Наверное, ты прав, — в свою очередь согласился Аксель. — А впрочем, он и не сбегал вовсе, — с горечью возразил гигант. — Это мы его так и не поймали.

— Перестань играть словами, — недовольно проворчал Мтомба, глядя, как подоспевшие официанты уставляют стол заказанными другим блюдами.

— А что мне еще остается? — пожал плечами Сол. — Остальные игрушки отобраны... — Он посмотрел на официанта: — Смените, пожалуйста, прибор моему другу — он составит мне компанию. — Официант согласно кивнул и мгновенно скрылся; Аксель вновь заговорил с Оварунгой. — Давай-ка, дружище, для аппетита текилы... — Он отвинтил крышку и потянулся бутылкой к стакану друга.

— Хватит, хватит... — несколько запоздало спохватился тот, когда зеленоватая жидкость достигла середины сосуда.

Аксель усмехнулся и наполнил свой стакан до краев, залпом выпил его и, следуя собственным пристрастиям, добавил к полученным ощущениям вкус хрустящего солененького огурчика. Хорошо-то как!... На краткий миг выпитое едва ли не примирило его с мрачной действительностью. Перед Мтомбой появился чистый столовый прибор, и Аксель, не мешкая, принялся за жаркое.

— Ну, так что там с Минадо? Твои люди напали на его след? — спросил он, отхватил здоровенный кусок, со сдавленным рычанием отправил его в рот и с наслаждением заработал челюстями. Мтомба лишь улыбнулся, отрезал полагающийся по этикету кусочек бифштекса и принялся тщательно его пережевывать.

— Сколько лет мы знакомы, а никак не привыкну к твоим аппетитам, — признался он, запивая мясо красным «Божанси».

— Не обращай внимания, — проворчал Аксель, отправляя вторую безразмерную порцию следом за первой, — это реакция на концентраты «Неудержимого».

— Неужели они такие скверные? — вежливо поинтересовался африканец, не обладавший, правда, аппетитом друга, но никогда не отказывавшийся от хорошего застолья. Сказать по правде, его мало интересовали кулинарные достоинства сублимированных продуктов. Он просто использовал возможность сменить тему разговора.

— Скверно — не то слово, дружище, — расправившись со вторым куском, пояснил Сол. — Ты не поверишь, но пару раз мне являлась в голову крамольная мысль — попробовать упаковку... Вдруг она окажется вкусней содержимого?

— Ха-ха-ха! — расхохотался Мтомба. — Надеюсь, ты шутишь, друг мой? — спросил он, отсмеявшись, довольный, что разговор все дальше уходит от опасной темы.

— Отнюдь, — возразил Хук. — А впрочем, как тебе больше нравится. — Он явно не считал нужным развивать «безопасную» тему. Скорее даже наоборот. — Так что с Минадо?

— А ничего!

— Ну вот, что называется — приехали.

— Растворился, как кусок рафинада в кипятке, — нехотя пояснил Мтомба. — Так что все пребывает на уровне бесполезных наблюдений, типа того, что, несмотря на фамилию, на японца он не похож.

— Быть может, это потому, что он поляк? — Аксель улыбнулся и вопросительно посмотрел на друга.

— Все может быть, — проглотив кусочек жаркого, безразличным тоном откликнулся тот. — А, впрочем, какая разница?

— Вот и я о том же,— заметил Хук, вновь берясь за бутылку.— Будешь?

— Разве что самую малость,— благосклонно разрешил африканец, дивясь про себя тому факту, что спиртное не оказывает на друга ожидаемого воздействия. Казалось бы, давно пора к этому привыкнуть, но нет... Не подозревая о мыслях собеседника, Хук плеснул другу на два пальца и вновь наполнил свой стакан до краев.

— Не пей так много, ободья лопнут,— не удержавшись, предостерег друга Мтомба.

— Отнюдь,— сказал Хук, влил в себя содержимое высокого стакана и с новой энергией принялся за жаркое.

— Мальчики, у вас не занято? — проворковал над ухом Акселя женский голос.

— Проваливай, милая,— не оборачиваясь, недовольно проворчал Хук. Шлюх им только за столом не хватало...— Вокруг полно мужиков,— на всякий случай добавил он, надеясь на здравый смысл «жрицы любви».

— А я, между прочим, и обидеться могу,— твердо проворковал тот же голос над правым ухом Акселя.

Только теперь он уловил в модуляциях голоса отдаленно знакомые нотки и удивленно обернулся. Перед ним стояла Лори собственной персоной. Ее серые, как море, глаза твердо и гневно смотрели на Соломона.

— Ах, мадемуазель Марти, прошу прощения, садитесь! — скрипя поломанными ребрами, он вскочил, выдвигая перед девушкой кресло.— Я думал, это...— на миг он запнулся, подбирая приемлемые выражения,— служба сервиса заведения.

— Вот как? Звучит не очень-то лестно, но я вас прощаю,— кивнула девушка, проходя к предложенному креслу, в то время как Аксель, опустив глаза и зардевшись, словно юная барышня, шаркал ножкой по земле, старательно изображая смущение новичка.

На секунду девушка остановилась рядом с Соломоном. Он ощутил слабый аромат духов и почти осязаемость ее красоты. Тут он поймал на себе недовольно-выжидательный взгляд девушки, вспомнил об обязанностях хозяина и заторопился. Аксель жестом подозвал официанта, велел принести еще один прибор и выбранные гостьей блюда. Он принялся незаметно наблюдать за девушкой, радуясь тому, что не находит ни малейшего сходства ни с Анной, ни с Николь — двумя красавицами, с которыми судьба свела его некоторое время назад и легко разлучила. Свела и разлучила, казалось, лишь затем, чтобы поселить в его душе глухую тоску. Именно поэтому всякая схожесть с прежними подружками причинила бы Солу боль, но, к счастью для себя, аналогий он не находил. Любая деталь облика мадемуазель Марти казалась обыкновенной. И темно-каштановые волосы — вполне типичны, и нос, как нос, даже слегка вздернут, и овал лица сам по себе не производил сногшибательного впечатления... Зато все вместе создает то ощущение гармонии, замены которому не найдешь.

— Как себя чувствуете, мистер Соломон? — обменявшись не ускользнувшим от внимания Хука взглядом с Мтомбой, спросила девушка.— До меня дошли слухи, что вы были серьезно ранены.

— Ну...— Сол помялся. Вопрос явно застал его врасплох.— Я в приличной форме... для расплущенного,— признался он.

— Вот как? — Лори с интересом посмотрела на собеседника. Если ее вопрос и удивил Хука, то ответ явно оказался неожиданным для девушки. По долгу службы ей не раз приходилось сталкиваться с подобного рода мужчинами, способными, как они сами любят выражаться, есть канцелярские скрепки, а по-большому ходить кнопками. Они не нравились ей гипертрофированным самомнением, стремлением казаться не тем, что есть на самом деле. Аксель явно из их породы, но лишен глупейшего суперменского апломба.

— Именно так,— подтвердил Аксель, кивком благодаря подоспевшего официанта.— Вот почему я не люблю драться: противник всегда норовит дать сдачи.

Расставляя на столе принесенные закуски, официант старательно делал вид, что разговор посетителей его не касается, но при последней фразе волосатого верзилы мимолетная усмешка тронула его губы.

— Ха-ха-ха! — Мтомба, до сих пор молча прислушивавшийся к разговору, не выдержал и расхохотался.— Обожаю тебя за непосредственность!

— Может, произнесешь тост в мою честь? — ненавязчиво предложил Хук, бросая мимолетный взгляд на девушку. Мтомба просиял, наполнил рюмки и встал, торжественной позой подчеркивая значимость момента.

— Закончился очень важный этап работы,— явно красуясь перед Лори, произнес он.— Ты, как всегда, классно справился со своим делом, Сол,— покровительственным тоном поздравил он друга,— и, как всегда, оказался на высоте. Скажу больше: ты проник на самую границу обитаемого мира, пресек гнусные замыслы могущественных врагов. Легкий, как тень, ты уворачивался от коварных ударов противника, а сам разил верней Громовержца! Как всегда, ты оказался неуязвим и бесстрашен!

Мтомба закончил пламенную речь, переглянулся с Лори, оба снисходительно улыбнулись Акселю, как взявшемуся за ум подростку, и на душе у Соломона потеплело. Что ни говори, а хорошо, когда тебя окружают настоящие друзья. Конечно, Мтомба — трепач, но именно благодаря ему Хук впервые со смерти Анны почувствовал, как потеплело на душе. Все трое выпили и принялись за закуски. К удивлению Акселя, Лори переправила на свою тарелку гору салата и принялась за еду. Впервые в жизни он увидел девушку, не заботившуюся о лишних граммах, но имевшую при этом идеальную фигуру, и невольно залюбовался ею.

— Мама всегда ругала меня,— поймав на себе удивленный взгляд Сола, смущенно пожаловалась девушка.— Она говорила, что я ем не как будущая леди, а как шахтер.

— Ха-ха-ха! — Мтомба откровенно радовался тому, что удалось отвлечь друга от мрачных мыслей.— Ничего страшного. Женщина имеет право на маленькую слабость,— заметив конфузливую мину, омрачившую хорошенькое личико девушки, сказал африканец.

— В особенности, столь очаровательная,— поддержал его Сол, с удовлетворением поймав на себе благодарный взгляд девушки. Не сопротивляясь, он утонул в прозрачных озерах ее глаз и, побарахтавшись, вынырнул и почувствовал себя окончательно размякшим. Ох, говорила мама: «Сынок! Держись подальше от женщин!» Он поймал на себе взгляд Мтомбы, по хищному огоньку, мелькнувшему в его глазах, догадался о заготовленной африканцем фразе и поспешил упредить нападение.

— Если ты думаешь, дружище, что от лстивых речей я раскис настолько, что соглашусь на твое предложение то,— сказал он, — ты ошибаешься. Вопрос старый и ответ прежний.

— Но...

— Я устал повторяться.

— Повторение — мать учения.

— Повторение — мать заикания,— резко возразил Аксель.— Мтомба, мы ведь знакомы не первый год, и ты должен понимать, как неприятно мне отказывать старому другу, но если тебе нечего добавить к сказанному...

— Мне подумалось, что ты не откажешься поработать в паре с мадемуазель Марти.

Хук осекся, словно на него неожиданно выплеснули ведро ледяной воды, и против воли покосился на девушку. Ее серые глаза искрились звездным светом, обещая много... очень много. Он даже побоялся отпустить фантазию дальше многообещающей неопределенности. Похоже, на этот раз его обошли. Хук раздраженно фыркнул. Правильно говорят: чтобы стать умным, нужно хоть раз почувствовать себя дураком. Аксель ясно почувствовал, что на этот раз, словно последний придурок, продался еще до того, как ему предложили приемлемую цену. Ладно, дружище. Пусть считается, что ты повел в счете.

— Не мытьем, так катаньем, да? — Он бросил на Мтомбу вопросительный взгляд, мстительно думая о том, как вытянется его эбеновое лицо, когда он назовет цену сделки.

— Так ты согласен?!

— Да.— Лицо африканца озарилось восторгом. Что ж, Мтомба ему друг, а значит, мести он себе не может позволить. Пусть так. Назовем это возмездием.

— Только не воображай, что я согласен продаться в рабство неважно кому: тебе, Лиге или какому-то из ее чиновников.

— Твои условия?

— Статус внештатного агента Службы Безопасности Лиги с полномочиями Посла по Особым Поручениям и гонорарами за каждое из заданий не ниже тех, что я имел до сих пор.

— Согласен! — коротко отчеканил африканец.

— Что ж, обещания и дураку приятны, но, думаю, ты понимаешь, что мне хочется получить зримое подтверждение серьезности твоих намерений и, по возможности, немедленно.

— Чего же ты хочешь? — Мтомба продолжал играть роль жизнерадостного до тошноты парня, но невольная озабоченность на миг скривила его черные губы, превратив в неуверенную улыбку паралитика. Аксель удовлетворенно кивнул — так-то, дружок.

— Все просто, — с готовностью пояснил он. — Мне необходимы гравитатор и квантовый преобразователь.

Мтомба изумленно присвистнул, и улыбка окончательно покинула его лицо. Вот и тебе, дружок, стало не до смеха. Значит, сравнялись.

— Согласен. — Африканец обреченно вздохнул, едва ли не физически ощутив себя в шкуре Токадо. Шкура оказалась минимум на шесть размеров больше, но, как ни странно, душила его, словно накинута на шею удавка. — Когда ты хочешь получить плату?

— Вчера, — быстро и лаконично ответил Аксель. Он видел, что Мтомба готов расплакаться от странной смеси счастья при обретении давно желанной игрушки и горечи от вполне реальных затруднений, связанных с ее оплатой, а он не переваривал плачущих работодателей.

— Тогда приходи завтра, — не обращая внимания на изумленный взгляд Лори, сказал Мтомба. — Она встретит тебя в холле конторы.

— Лори? — Аксель оторвался от созерцания озабоченной физиономии друга и удивленно посмотрел на девушку. — А при чем здесь Токадо?

С момента прихода мадемуазель Марти этот вопрос назойливо вертелся на языке Акселя, но прозвучал он только сейчас.

— Послушай! — Оварунга вскинул руку в успокаивающем жесте. — Лори — моя сотрудница. Просто возникли некоторые обстоятельства, в силу которых ей пришлось на неделю переселиться в приемную Токадо, но теперь все позади.

— Хорошо. — Хук не стал уточнять причин странной метаморфозы в служебных обязанностях будущей напарницы — придет время, и он узнает обо всем.

— Прекрасно! — в тон Соломону, хотя и чересчур оптимистично, откликнулся Оварунга. — Так с чего ты предполагаешь начать?

Вопросительно и в то же время требовательно африканец уставился на друга, как бы говоря: настало время, дружище, отрабатывать баснословные гонорары!

— Понятия не имею, — вполне искренне признался Хук, пожав могучими плечами. Гонорары давно отработаны, а он — вольный стрелок. К тому же Сол не то чтобы не принимал предложенного Мтомбой эмоционального тона, просто предпочитал следовать избранному им самим спокойному аргументированному стилю. — Мы ведь равным счетом ничего не знаем о противнике, а без этого... — Он многозначительно посмотрел на друга и увидел, что тот не желает внимать его аргументам; перевел взгляд на девушку, словно ища поддержки у женской рассудительности. Та улыбнулась и кивнула, показывая, что полностью разделяет взгляды своего партнера. «Сработаемся!» — захотелось похвалить Солу, но произнес он совсем иное, да и обратился не к ней. — Мы в тупике, дружище, а при любой тупиковой ситуации первое правило гласит: выиграй время! — как ни в чем не бывало продолжил он, словно втолковывал новичкам прописные истины.

— Кончай трепаться! — Мтомба рубанул ладонью воздух и недовольно поморщился, раздосадованный собственной несдержанностью. — Время летит, и, несмотря на твои янские приключения, гору трупов и кучу улик, мы по-прежнему топчемся на месте! — Он

выразительно посмотрел на друга.— Либо мы в ближайшее время сделаем решительный рывок, либо...— Он вновь махнул рукой — на этот раз не столь энергично,— и демонстративно отвернулся от собеседника.

— Кто спешит, рискует промахнуться,— назидательно произнес Аксель.

— Опять ты со своими расхожими истинами,— поморщился Мтомба.— Следуя им, мы так и останемся ни с чем.— Лори благоразумно молчала, предпочитая спору десерт.— Пойми! Совет Директоров давит на Токадо, как на ответственного за янский проект, Токадо давит на меня...

— Только не вздумай наседать! — огрызнулся Аксель, предостерегающе подняв указательный палец.— Начальственное давление смекалку не стимулирует.— Он сделал паузу, ожидая возражений, но их не последовало.— Давай рассуждать здраво. Перед моим полетом на Ян противник имел внушительную фору: не ограниченный ни временем, ни деньгами, он тщательно продумал план предстоящей кампании и заранее разбил на добрый десяток тактических поединков маршрут вынужденного отступления, буде таковое случится. Именно поэтому, несмотря на полное крушение своих планов, он сумел вывернуться, по сути, оставив нас с носом.

— Сам знаю,— мрачно проворчал Мтомба.— О том и речь,— добавил он через мгновение, показывая, что недовольство его вызвано не словами друга, а малоприятной ситуацией.

— Рад, что мы сходимся во мнениях,— удовлетворенно откликнулся Аксель. Он прекрасно видел, чего стоит Мтомбе согласие с его аргументами... Можно сказать, что это самое согласие он силой вытягивает слово за словом, но, как известно, худой мир лучше доброй ссоры...— Надеюсь, ты согласишься и с дальнейшим. Несмотря на тщательную проработку его действий, я вовсе не считаю нашего противника гениальным. Вспомни Минадо — метр с шапкой, да и то, если подпрыгнет, а как самоуверенно действовал! На нахальстве он и вырулил, и, на мой взгляд, его нахальство говорит о многом...

— Так у тебя есть идеи! — Мтомба перестал коситься на готовившихся к выступлению музыкантов на подиуме и перевел взгляд на друга. Похоже, заинтересовался. Соломон удовлетворенно кивнул — его уже начало раздражать созерцание уха Мтомбы.

— Люди, за которыми мы охотимся, ничуть не умнее нас с тобой,— со значением произнес он.— К настоящему моменту нам удалось приблизиться, тем не менее, мы их не догнали, а все еще вынуждены продолжать погоню.

— Самое скверное то, что мы по-прежнему не знаем, ни кто эти люди, ни того, чего они добиваются,— вмешалась в разговор мадемуазель Марти. Аксель покосился на напарницу — похоже, девочка успешно расправилась с десертом. Несколько мгновений он размышлял над вопросом: не стоит ли занять ее еще чем-то съедобным?

— Кто они, мы действительно не знаем,— наконец, согласился Аксель.— Что же касается их целей, то здесь секретов нет. Получив в руки ресурсы Яна, человеческая цивилизация станет на голову выше. Коммуникации внутри Системы сделаются несравнимо более удобными и безопасными, начнется бурная экспансия в Дальний Космос. В итоге наше общество получит мощный импульс к очередному витку своего развития. А они хотят этому помешать.

— В самом деле? — спросила Лори.

Утверждение, что кому-то может не нравиться идея благоденствия собственных сограждан, ей явно казалось противоестественным.

— Верно,— не стал спорить Аксель,— кое-кому такое развитие событий пришлось не по нраву...

— Но кому?! — не унималась девушка, и Сол понял, что ей необходим прямой, конкретный ответ, причем — немедленно, иначе она не позволит им двигаться дальше, поминутно предпринимая попытки удовлетворить свое женское любопытство.

— Сходу могу предложить два варианта: Пустынное Братство, которое очень скоро может оказаться не у дел. Но пираты, если можно так выразиться, желанные противники.

Может статься, что кому-то мешает не благополучие человечества, а тот факт, что даровано оно окажется Лигой, укрепив ее авторитет.

— И этот кто-то сам намеревается стать благодетелем! — понимающе кивнула мадемуазель Марти.

— Верно, — благодушно согласился Аксель и, поймав на себе вопросительный взгляд друга, пожал плечами — обилие построенных на песке предположений не идет к делу. Сказанного вполне достаточно, чтобы удовлетворить любознательность Лори. — Я склонен думать, что неизвестные, кем бы они ни были, сейчас не столько планируют свои дальнейшие действия, сколько пытаются обмозговать, почему их тщательно продуманный план не сработал.

— И во что, ты считаешь, выльются их размышления? — поинтересовался Мтомба.

— Они либо затаятся на время, — мгновенно отреагировал Аксель, — либо наоборот — попытаются энергичными действиями скомпенсировать недавние неудачи. Причем, я склоняюсь ко второму варианту. — На мгновение он задумался. — Впрочем, думаю, что пауза неизбежна. Речь в обоих случаях идет о группе людей, а это означает, что они должны встретиться, обсудить положение, а уже потом действовать.

Музыканты наконец заиграли, Мтомба недовольно поморщился и, мельком взглянув на Хука, кивнул.

— Беда в том, что улик у нас не прибавилось, а без них мы лишены возможности маневра. — Он раздраженно ударил кулаком по столу, недостаточно сильно для того, чтобы привлечь к себе ненужное внимание окружающих, но достаточно энергично, чтобы собеседники получили представление о степени его раздражения.

— Не прибавилось, верно, — вновь согласился Аксель, — но улики, тем не менее, существуют. Вот и используй их на все сто! Разошли снимок Минадо во все полицейские участки, усиль патрули в космопортах. Это первое, что необходимо было сделать еще вчера!

— Вчера и сделано! — огрызнулся Мтомба. Его что, за ребенка принимают?

— Не сомневаюсь, — поспешил успокоить друга Аксель. — Теперь останки роботов. Перетряхни все фирмы-производители, но на них не останавливайся. Пусть твои люди займутся подрядчиками и даже субподрядчиками, если найдется формальный повод. Замучай их проверками и ревизиями! Постарайся не слишком прятаться, но и не афишируй себя, установи неформальный контакт с лидерами Братства Пустынников и выведай, не пропадали ли кто из них в последнее время при загадочных обстоятельствах? И если да, то кто наниматель? И побольше энергии! Пусть у наших противников не останется сомнений, что недостаток ума сыскари Лиги пытаются восполнить избытком энергии!

— Что это нам даст? — Мтомба, безусловно, понимал, что это даст, и просто желал услышать версию друга, чтобы сравнить ее со своей. Что ж, он, Аксель, ничего не имеет против.

— Две вещи, — начал он. — Во-первых, что-то небезынтересное и впрямь может всплыть на поверхность.

— Нам бы это сильно помогло, — согласился африканец. — А во-вторых?

— Что сделает любой нормальный злоумышленник в условиях тотальной облавы? — вопросом на вопрос ответил Аксель.

— Мне нравится это словосочетание: нормальный злоумышленник, — улыбнулась Лори, демонстрируя, что следит за ходом разговора.

— Положим, они на время затаятся, — согласился Мтомба, не обратив ни малейшего внимания на лирическое отступление сотрудницы. — И я согласен: пауза в их действиях пришлась бы для нас как нельзя кстати. Именно поэтому я уже начал претворять в жизнь именно этот план действий, но скорее от отсутствия вариантов, нежели всерьез рассчитывая на успех. Ты, я вижу, придерживаешься иной точки зрения... Итак, я обеспечиваю шумиху. Чем собираешься заняться ты? — Он посмотрел на мадемуазель Марти, перевел взгляд на Акселя и поправил себя: — Чем вы собираетесь заняться?

— Будем бить палкой по траве! — усмехнулся Сол. Ну вот, он опять со своими

афоризмами! Мтомба хищно оскалился и угрожающе зарычал, но в следующий миг его гневная «гримаса уже превратилась в добродушную ухмылку: раз Аксель перешел в разговоре от конкретики к полузагадкам, значит, считает, что беседа из серьезного обсуждения перешла в категорию полупутливого обмена мнениями, поскольку главное уже сказано.

— Перестань говорить загадками — ты меня просто используешь,— включился он в игру друга.

— Попытаемся выгнать змею на открытое пространство,— охотно пояснил тот.

— И каким образом, позволю любопытствовать? — стоял на своем Мтомба.

— Пока не знаю,— смочив горло хорошим глотком красного вина, признался Соломон. А что еще он мог сказать? Есть люди, которым все вынь да положь, а жизнь сложнее, и для того, чтобы желанное «нечто» вынуть из потаенного «откуда-то», необходимо, как минимум, отыскать место, где до поры до времени скрытно пребывает искомое. А на поиски, как правило, требуется время, и порой — немалое...

— Хороший ответ.— Лори лукаво улыбнулась своему напарнику.

— Я рад, что вам нравится.— Несмотря на серьезное выражение лица, ответ Акселя прозвучал шутливо. Глаза его смеялись, сводя на нет попытку сохранить благопристойность.

— Так! — Африканец шлепнул ладонью по столу, требуя внимания.— А посерьезнее нельзя?

— Дело в том... — нахмурился Аксель, что любое преступление оставляет финансовый след. Вот для начала мы и попытаемся схватить беглецов за этот волочащийся по земле хвост, но действовать следует крайне осторожно, чтобы...

— Не заставить их уйти в глубокое подполье,— понимающе кивнула Лори. Ишь, какая смышленная девочка! Тут же Сол выругался про себя и подумал, что напрасно он придирается. По сути-то, девчонка права, просто не знает характера противника.

— Ну, нет! — усмехнулся Аксель.— Наши противники не из тех, кто привык упускать из рук инициативу. Правда, я очень надеюсь на то, что шум по поводу неопознанных останков они загодя не планировали. Сказать по правде, я уже устал разрушать их домашние заготовки. Наша задача — играть у противника на нервах до тех пор, пока он не совершит серьезный промах.— Аксель на секунду задумался.— Конечно, и опасности на этом пути немалые — начни мы и вправду приближаться к разгадке, они придумают для нас что-нибудь особенное. Но тут уж ничего не поделаешь. Единственная альтернатива: заняться чем-то менее опасным, чтобы не подставить себя под удар. Разведением роз, к примеру...

— Чудненько... — чуть задумчиво откликнулся Мтомба, впрочем, без радости в голосе. Хорошенькая сложилась ситуация. Кто мерзавец — непонятно, цели его неясны, да еще приходится постоянно оглядываться: как бы кто не подкрался сзади. А подлое начальство поминутно требует немедленного результата! Причем позитивного!!! Не жизнь — малина!

— Понимаешь,— продолжал развивать свою мысль Аксель,— я давно усвоил одну простую истину — ни в коем случае не ввязывайся в драку, если нет возможности в ней победить. Поэтому поступим так: пока твои люди будут шуметь, мы займемся промывкой грубого песка фактов в поисках спрятанных там крупниц золота.— Аксель умолк, еще раз обдумывая сказанное. Не упустил ли чего?

— Ты согласен с предложенным планом действий?

— Пожалуй... — задумчиво кивнул Мтомба. Он прекрасно понимал, что следует подготовиться, прежде чем «бить палкой по траве»: одеть высокие сапоги, и огородить место охоты не помешает.— И все-таки! — Он досадливо побряхтел.— Ты можешь хотя бы приблизительно назвать сроки? — Он с надеждой посмотрел на друга. Аксель ответил ему задумчивым взглядом.

— Что мы знаем о нашем противнике? — снова принялся он рассуждать вслух.— Ровным счетом — ничего. Что мы знаем о его целях? Ровно столько же. Я говорю о фактах, не о наших с тобой предположениях,— торопливо добавил Аксель, видя, что Лори собирается возражать.— Что мы вообще знаем? Мы знаем, что без малого месяц назад

группа неизвестных начала действовать, причем действия их носили весьма энергичный характер. А это, в свою очередь, может означать только одно — они вышли на финишную прямую. Не знаю, как вы,— Хук обвел собеседников выразительным взглядом,— а я делаю из этого факта однозначный вывод, что скрытно наши противники действовали лишь до тех пор, пока считали это возможным, а, следовательно, и целесообразным. Сейчас борьба перешла в силовую фазу, и я уверен, что мы очень скоро возьмем их след! И вот здесь главное — действовать так, чтобы они узнали об этом не раньше, чем мы осмыслим факты и тоже подготовимся к драке. Поверь мне, Мтомба, мы их раздолбаем. Не могу доказать тебе на фактах, но меня не покидает ощущение, что в определенный момент наши противники переоценили себя и поторопили события... Не знаю, как выразиться точнее. Словом, ошиблись, а я по опыту знаю, что чем хитроумнее планы злоумышленника, тем опаснее для него любая неожиданность. Ты понимаешь, к чему я клоню? Драка, к которой они столь тщательно готовились — а они к ней подготовились, не сомневайся! — должна обрушиться на них раньше времени! Во внезапности — наш единственный шанс!

Аксель умолк. Монолог получился продолжительным, и в горле у него пересохло. Да и разговор затянулся, переломанные ребра ныли все сильнее, так что он ощутил настоящую потребность выпить. Тем более что именно в данный момент грянул игравший до этого тихо оркестр, заставив Сола вздрогнуть. Он без лишних слов наполнил бокал Мтомбе и осушил свой еще до того, как друг успел поднять посуду с выпивкой. Жаркое уже остыло, но Аксель не привык обращать внимания на подобные мелочи и на некоторое время всецело погрузился в процесс поглощения пищи, дивясь неожиданно пришедшей в голову мысли: как быстро мы теряем привычки! Совсем недавно он относился к закону, как к ненужному своду правил, затрудняющих выполнение желаний заказчика. Прошел всего месяц, как он перешел на сторону этого самого закона, и поди ж ты — рассуждает, как добропорядочный обыватель! С другой стороны, что-то подсказывало, что не время сетовать. Теперь наступил момент, когда никто не имеет права отказаться от выбора...

— Пожалуй, я сделаю пару звонков своим людям. Если повезет, к утру получим первые результаты.— Мтомба достал из кармана миниатюрный аппарат и через стол протянул его другу, но тот отрицательно покачал головой.

— Нет! Спасибо! — перекрикивая музыку, пояснил он.— Эти лабухи все равно не дадут спокойно поговорить.

Быстро поднявшись, Соломон удалился довольно бодрым для человека в его состоянии шагом. Вскоре он возвратился с гримасой озабоченности на лице. Он поймал на себе взгляд девушки — теплый, как луч солнца погожим летним днем. Мтомба без слов понял, что беседа себя исчерпала, и настала пора расставаться.

— Что с твоими звонками? — поинтересовался он, поднимаясь. '

— Только один удался,— откликнулся Аксель,— зато самый многообещающий. А сейчас извини, но давай попрощаемся,— нетерпеливо сказал он,— у нас с мадемуазель Марти еще много дел, а ты...— усмехнулся Аксель,— человек женатый.

Лори закусила губку и премоило покраснела, но протестовать против балансирующего на грани приличия намека не стала. Мтомба, прежде чем покорно убраться, припал губами к ручке мадемуазель Марти.

— Мтомба! — усмехнулся Аксель.— Отлипни от ручки моей девушки, пусть она немного просохнет.

— Мадемуазель Марти, между прочим, моя сотрудница,— сдерживая усмешку, заметил директор.

— Но находится в моем непосредственном подчинении,— продолжал хорохориться новоиспеченный сотрудник Службы Безопасности Лиги.— Сейчас уже солнце клонится к закату. Нам пора.

Солнце и впрямь находилось на полпути к горизонту, и Хук рефлекторно посмотрел на часы — почти семь. Самое время попрощаться — напарникам есть о чем поговорить с глазу

на глаз. Он галантно взял девушку под руку.

— Так мы не расстаемся? — лукаво взглянув на спутника, поинтересовалась она.

— Разве ты забыла? — деланно удивился Аксель. — Мы теперь — одно целое. Будешь моей правой рукой. Это серьезное повышение.

— Так мы перешли на ты? — удивилась она, предпочтя игнорировать тему карьерного роста. Девушка с интересом взглянула на Акселя, мол, тоже мне — повышение, но встретила с его насмешливым взглядом и смущенно потупилась.

— Только что перешли, — кивнул Аксель. — Ты разве не заметила?

Мтомба беззлобно усмехнулся — Акселератор в своем репертуаре. Глаза горят, копыто нетерпеливо взрывает землю, приятель вот-вот сорвется в галоп! Сам он, Оварунга, и за меньшее схлопотал бы по морде.

— Ну, так до завтра. — Африканец не собирался до бесконечности испытывать терпение флиртующей парочки. — И не забудь про Сукомп — времени на оснащение может уйти больше, чем нам с тобой кажется.

Последние слова Оварунга произнес уже на ходу. Они втроем спустились с вершины скалы, на которой располагался ресторан, у подножия распрощались. Мтомба направился к городу, а парочка осталась провожать его взглядом, пока высокая фигура африканца не скрылась за углом ближайшего здания.

— Куда поведет меня мой повелитель? — игривым тоном поинтересовалась девица.

Прежде чем Аксель осознал провокацию, Лори протянула руку и быстрым, естественным движением взъерошила длинные волосы своего кавалера. Ее глаза лукаво сверкнули и, словно по мановению волшебной палочки, девушка снова стала воплощением добродетели. Несмотря на свой опыт, Хук вновь поразился. От Мтомбы он знал, что Лори — отличный оперативник, но сейчас — уже не в первый раз за вечер — заметил, что она умеет при этом оставаться женщиной.

— Я вчера гонорар получил, — начал он несколько издали, — и вот только что подумал... Быть может, совместно промотаем хотя бы его часть?

— С охотой, — улыбнулась Лори, — но не сегодня. — Она заглянула Акселю в глаза, и взгляд ее неожиданно посерьезнел. — Ты не забыл о своих словах? У нас еще много дел...

О Боги! Конечно же, но забыл! Только он-то имел в виду совсем другие дела! Хук едва не застонал от разочарования, но в этот момент глаза очаровательной Лори вновь лукаво сверкнули... Один взгляд, а как много сказано!... Во всяком случае, достаточно, чтобы потухшая надежда вспыхнула в груди Акселя с новой силой. В следующий миг девушка встала перед ним на цыпочки, ее бархатные губки слились с его губами, а упругое тело прижалось к его груди.

— А я было испугалась, что начинаю стареть, — насмешливо призналась она, куснула мужчину за мочку уха, обняла, прижалась к плечу щекой и сладко вздохнула. «Похоже, опасность потерять женственность ей не грозит», — с облегчением подумал Аксель.

— Ну что ж, поговорим о делах, — с усмешкой откликнулся он и по дрогнувшей руке девушки понял, что его легкая месть удалась.

— Поговорим! — рассмеялась она, быстро взяв себя в руки. Что ж, она обладает быстрой реакцией. Это хорошо.

Однако, как они ни старались, разговор не клеился. Мысли упрямо растекались по двум руслам одновременно, отчего вопросы и ответы звучали невпопад. Постепенно оба поняли причину сбоя и пошли на молчаливое перемирие. В молчании они добрались до галечного пляжа и, разувшись, двинулись на восток вдоль кромки воды. Закатное солнце светило им в спины. Длинные тени неторопливо шествовали впереди, исправно исполняя роль проводников. Волны лениво накатывались на берег, захлестывали ноги парочки и неспешно отползали назад, в океан, чтобы через полминуты повторить набег. Загорающих почти не осталось — Солнце скатилось слишком низко. Только молодежь продолжала резвиться, распивая прохладительное и горячительное, купаясь либо играя в волейбол на тщательно ухоженных песчаных площадках. Еще издали заметив группу игроков, Аксель и Лори

молча наблюдали за ними, неспешно приближаясь. Игра шла живая и веселая. Бронзовые от загара тела волейболистов совершали невероятные броски, привлекая все новых зрителей. Лори остановилась, поглощенная зрелищем.

— Нравится? — с деланным равнодушием поинтересовался Аксель. Собственно, ему и самому нравилось. В иное время он бы не преминул принять в игре участие, но сейчас мысли его сосредоточились на иных проблемах.

— Какие красавчики! — не отрывая восторженного взгляда от зрелища, откликнулась Лори.

— Уроды... — ревниво проворчал Аксель и потянул девушку за собой. Она не сопротивлялась, лишь изумленно посмотрела на Акселя, а потом не выдержала и рассмеялась.

— Я слышала, что знаменитый Соломон Хук невозмутим как в деловых отношениях, так и в личных. — Она вновь лукаво посмотрела на своего спутника, и он не удержался от того, чтобы досадливо фыркнуть, но тут же взял себя в руки. С каких это пор он начал поддаваться на женские уловки?! Этак недолго оказаться под каблучком у коварной красотки и... закиснуть на службе у Мтомбы! Стратеги, мать их!!! Ну, уж нет! Дудки!

Аксель привык доверять своим мыслям. Он не допускал и тени подозрения, что может ошибаться. Впрочем, следует отдать должное — он ни разу не попал впросак от избытка самоуверенности.

— То, что все говорят, обыкновенно — ложь, детка, — назидательно заметил он и, понимая, что так просто закруглить тему не удастся, поспешил добавить: — Давай, наконец, поговорим о деле.

— Конечно, — покорно откликнулась искусительница, показывая, что безропотно признает его превосходство. Однако глаза ее — в который уже раз! — лукаво сверкнули, внушая Акселю мысль, что не все так просто, как кажется.

Хук строго взглянул на нее — так сказать, приструнил взглядом, — и девушка тотчас посерьезнела. Так-то лучше... Четкий шаг, спинка прямая, грудки вперед... Тьфу ты, черт! Он едва не выругался вслух и нехотя отвел взгляд.

— И что ты сама думаешь о нашем деле? — поинтересовался Аксель, испытывая настоящую необходимость общения на отвлеченную тему.

— Я абсолютно согласна с твоей точкой зрения, мой повелитель.

Так вот — по-военному четко и по-граждански фамильярно. Соломон искоса взглянул на девушку, и, хотя она выглядела серьезной, не мог отделаться от ощущения, что плутовка остается себе на уме. Он сурово посмотрел на напарницу.

— А что тебе вообще известно? — произнес он, давая понять, что настал подходящий момент для серьезного разговора.

— Все, — лаконично отрапортовала девушка, с явным усилием остановила спутника, заглянула Акселю в глаза, и ощущение розыгрыша исчезло так же необъяснимо, как и появилось. — Забудь обо всем, Сол, или прошлое сожрет тебя. Поверь, я знаю, о чем говорю. Я помогу тебе. — Девушка потянулась к нему губами, и мужчина вновь не устоял. — Ух! — выдохнула она после долгого и страстного поцелуя, который им пришлось прекратить из-за острой нехватки воздуха.

Вот тебе и серьезный разговор! Три персонажа драматического действия под названием «Жизнь» стремительной каруселью пронесли в голове — Николь, Анна, Лори! — и мгновенно умчались прочь, оставив после себя странную смесь неизбывной тоски по прошлому и слепой надежды на лучшее будущее. Вот только места для мыслей о деле в голове не осталось... Ну и черт с ним! Соломон пошел вперед, ни о чем не думая, как в юности наслаждаясь запахом моря, тишиной вечера и теплом прижимавшегося к нему девичьего тела. Тени еще удлиннились, путники свернули к городу и некоторое время шли молча. Наконец солнце село, и наступил тот момент, когда день начинает угасать, а сумерки еще не наступили. Хук шел, обнимая девушку за плечи и периодически поглядывая на нее сверху вниз, и пытался угадать, о чем она думает.

— Знаешь, Сол, — острым женским чутьем угадав ход его мыслей, заговорила

девушка,— мне часто приходит в голову крамольная мысль о том, что люди в массе своей весьма ограниченные создания. Я не обывателей имею в виду — о тех вообще речи нет. Два часа необременительной работы «на благо общества» — и сытый досуг обеспечен. Но даже в нашем ведомстве... — Она посмотрела на Хука, словно испрашивая его дозволения продолжать. Тот кивнул.— Мсье Мтомба, перед которым я преклоняюсь, и то зачастую озабочен не столько делом, сколько успешным рапортом начальству. Но он, по крайней мере, сохранил способность мыслить... хотя бы тогда, когда иного выхода не остается. Прочие же... — Она устало махнула рукой и замолчала то ли в ожидании ответа, то ли пытаясь ответить самой себе на риторический вопрос: не слишком ли строго судит она окружающих?

— Трудно сказать, Лори,— усмехнулся Аксель.— Именно мне нечего возразить. Поэтому я долгие годы отказывался от весьма соблазнительных предложений Мтомбы. Я понимал, что рано или поздно, но неизбежно поддамся рутине и стану больше думать о продвижении по службе, чем о деле.— Он помолчал.— Видишь ли, Лори, дело не столько в самих людях, сколько в обществе, ими созданном. Люди создают общество, общество трансформирует людей. Так замыкается круг. Так происходит взаимная обработка. Иногда медленно и незаметно, но если нежелательные изменения накапливаются катастрофически быстро, происходит неизбежный взрыв. Рано или поздно, но происходит.

Некоторое время они снова шли молча. Аксель думал о неожиданных проблемах, одолевающих хорошенькую головку этой девочки. Только что он радовался тому, что дело не изгнало из нее женщину, а теперь обнаружил, что она не только хороша собой, но и умна. Похоже, Мтомба умеет подбирать людей. По крайней мере, с такими не все потеряно.

Лори в свою очередь размышляла над ответом Акселя. Станные чувства будил в ней этот длинноволосый бородатый великан, способный есть за двоих, а пить за четверых, в чем она только что убедилась. Обычно такие люди вызывали у нее пренебрежительные мысли о близком родстве с братьями нашими меньшими. И все-таки... Как легко, с лету разобрал он по полочкам мучающие ее вопросы. Нет, не то, чтобы она безоглядно поверила в его импровизированную теорию, но эта теория произвела на девушку сильное впечатление именно своей логичностью.

— Интересно, что заставило тебя изменить принципу? — почувствовав, что пауза затянулась, Лори почла за благо возобновить разговор.

— Сам не знаю.— Аксель пожал могучими плечами.— Возможно, сознание того, что это дело — не совсем обычное, что от его исхода зависим все мы, а значит, дозволительно на время отступить от принципов, существующих лишь затем, чтобы защититься от общества.

— Значит, я не ошиблась... — задумчиво протянула девушка.

— Ты о чем?

— После твоего возвращения с Яна в отделе поднялся такой переполох... — Она покачала головой.— А главное, все кругом, словно плохие шахматисты, предлагали свои ходы, по большей части совершенно бездарные... Будто играют одновременно на сорока досках и весьма смутно представляют положение дел на каждой в отдельности. Но главное даже не в этом — никто из них представления не имеет об ответных ходах противника. Если в чем-то они и правы, так это в анализе твоих действий.— Она влюбленно посмотрела на спутника.— Впрочем, как раз в этом мудрено ошибиться. Лично я не понимаю, как ты сумел остаться в живых!

— Мне приятна твоя похвала, Лори, но ты преувеличиваешь. Такое частенько случается. Судьба любит сталкивать нас в воду и смотреть: выплывем или утонем? Но если она видит, что человек старается плыть, то сама и выносит его на сушу.

Лори покосилась на спутника, пытаясь угадать, говорит он всерьез или шутит, но лицо мужчины казалось непроницаемым. «Подшучивает», — решила она.

— И все-таки, Сол... С чего мы начнем?

— Если бы я знал... — повторил он то, что уже высказывал Мтомбе.

— Похоже, нам попался искусный противник,— не сдавалась девушка.

— Если бы... — И, поймав на себе удивленный взгляд напарницы, добавил: — Это противоречие не дает мне покоя — скрупулезно просчитанный план действий и полная неосведомленность в человеческой психологии. Как раз то, о чем ты говорила применительно к своим коллегам...

— Неосведомленность? — переспросила девушка. Говоря по правде, ей подобное рассуждение на ум не приходило. Она со стыдом осознала, что хотя не разу — ни в мыслях, ни вслух — не произнесла этого, считала противостоящую Лиге группировку неизвестных **ВСЕМОГУЩИМИ** и **НЕПОГРЕШИМЫМИ**! А вот Аксель даже после бутылки спиртного трезво смотрит на вещи. Он и у противника отыскал слабые места, что, безусловно, делает ему честь и чего, к великому сожалению, не скажешь не только о коллегах, но и о ней самой! Поделом тебе, Лори Марти!

— А как иначе назвать сотворенную ими бойню? — продолжал между тем Аксель. — Если людей убивают направо и налево — это дело рук маньяка или зеленого новичка, если только определение «зеленый» применимо по отношению к кровавому подонку. Новичка, достаточно умного для того, чтобы качественно спланировать свои действия, но полностью неосведомленного по части ответных реакций противника. — Хук пожал плечами. — Такое иногда случается, когда человек изучает мир по бульварной литературе, где жизнь героев бурлит фальшивыми эмоциями, — сказал он скептически. — Если психика сформирована искаженной информацией о действительности, преступник начинает реагировать неожиданным для нормального человека образом. Как действуют герои прочитанных им дурацких книжек. Искусный же интриган играет на людской осторожности и страхах. Он может накалять страсти, даже должен это делать, но самому никогда им не поддаваться. Не то что наши неизвестные друзья.

Лори молчала. И опять он прав... Что там случилось на Яне? Не надо ломать голову, чтобы припомнить. Погибла экспедиция в полном составе, за исключением Акселя и Анны, которых так и не сумели прикончить роботы-киллеры. Доктора Анну смерть настигла уже на Земле. Всего девять человеческих жизней. Мтомба не утаил от Лори ничего, а потому она знала об отношениях Сола с Анной, и еще раз подивилась его психической устойчивости. Даже недавняя трагедия не сбивала его с позиции привычного здравомыслия, хотя по многим признакам девушка безошибочно поняла: смерть подруги его потрясла.

Впрочем, она отвлеклась. Итак, восемь погибших на Яне уничтожены лишь затем, чтобы... запугать человечество? Ей самой предположение показалось настолько нелепым, что Лори едва не расхохоталась. И все-таки дело, похоже, обстоит именно таким образом. Но ведь человечество давно выросло из коротких штанишек. И все-таки злоумышленники действовали именно так, как высказался Аксель. Люди с неадекватной реакцией... Лори задумалась на миг, но в следующий момент согласилась с собственными доводами. Вернее, примирилась с тем, что приняла точку зрения Акселя. Но, как только это произошло, перед девушкой встал другой, ничуть не менее важный вопрос: кто же они? Кто эти кровавые убийцы с инфантильным мышлением восьмилетних детей? Вопрос есть, ответа нет, и для того, чтобы его получить, они должны отыскать этих людей, а после разбираться: кто они такие и почему поступают именно так, а не иначе?

— И все-таки, с чего мы начнем? — повторила девушка.

— Не знаю, — упрямо тряхнул головой Аксель. Конечно, он несколько лукавил, поскольку определил для себя направление движения, но не любил делиться с другими непродуманными планами и менять привычек не собирался. — Есть старое правило, — сказал он, — не знаешь, как поступить, заставь ошибиться противника. Вопрос в том, как это сделать? Для начала следует определить сферу их интересов. Что мы знаем? Они настолько сильны, что замахнулись на проект Лиги по освоению Яна. Смею предположить, что это не первый их шаг, значит, по его размаху можно предположить и масштаб предыдущих. Они попросту не могли не наследить. Выходит, для начала нам следует этот след обнаружить. — Он виновато посмотрел на девушку. — Ты извини, но у меня такое чувство, будто я повторяюсь.

— Это ничего.— Лори ободряюще сжала руку Сола.— Давай подытожим: нам предстоит составить перечень металлопотребляющих отраслей и выяснить, каким из них грозит крах в случае перенасыщения рынка редкоземельными элементами,— перечисляла она,— и справиться о последних финансовых перемещениях в этих отраслях.

— Я в полнейшем восхищении!

Если Аксель и лукавил, то лишь слегка. Тем не менее, Лори сумела уловить едва различимую иронию в его голосе и одарила спутника не обещающим ничего хорошего взглядом. Тяжело все-таки иметь с ним дело: то, вроде бы, он — сама серьезность, а через минуту уже не понять — где шутка, а где... И главное — ничего с этим не поделаешь. Видно, придется ей приспособливаться. Придя к столь неутешительному выводу, девушка обреченно вздохнула и сменила гнев на милость.

Они присели на скамье, обулись и бодрым шагом направились к выходу с пляжа.

— Но почему ты так уверен, что твои выкладки верны? — сама от себя не ожидая, выпалила Лори. Видно «непогрешимость» Акселя и его кажущаяся самоуверенность против воли действовали ей на нервы. Как, впрочем, и многим другим людям, имевшим удовольствие общаться с Соломоном Хуком.

— А ты поставь себя на их место и порассуждай,— простодушно предложил Аксель.

— Представь, что мы с тобой занимаемся некоей деятельностью, о цели которой по вполне понятным причинам сейчас упоминать не станем. Мы обладаем огромными финансовыми ресурсами и, поскольку действуем тайно, до поры до времени не встречаем никакого противодействия. Наши позиции становятся все прочней, но тут Лига выступает с проектом, который на корню рубит наши далеко идущие планы. Вопрос: что мы предпримем?

— Попытаемся зарубить проект! — не задумываясь, воскликнула девушка.

— Молодец, куколка,— похвалил Аксель, и, несмотря на недовольство, отразившееся на лице девушки, продолжил, как ни в чем не бывало,— и мы станем действовать скрытно, чтобы не запятнать себя противодействием правительству! — Хук вопросительно посмотрел на напарницу, и девушка, подумав мгновение, кивнула в знак согласия.— А вот теперь я задам второй вопрос. Как бы там ни было, но массовое убийство совершено. Каким бы извращенным мышлением мы с тобой ни обладали, попасться мы не хотим. Ответ: ограничилась бы ты простым замечанием следов? — Она отрицательно мотнула головой, и Аксель ответил коротким утвердительным кивком.— Верно. Мы наверняка оставили бы пару-тройку ложных следов...

— За исключением того случая,— не дала ему договорить Лори,— при котором мы вышли бы на финишную прямую, когда времени на отработку отвлекающих маневров у нас бы не осталось.

— Точно,— опять согласился Аксель.— Это предположение означает, что времени и вправду не осталось.

— Потому ты и предложил моему шефу бить палкой по траве,— согласилась Лори.

— Ага,— подтвердил Аксель.— Он пошумит, а мы посмотрим, не прекратит ли кто своей деятельности...

— Или наоборот — не ускорится ли заключение некоторых контрактов даже на невыгодных для покупателя условиях,— подхватила Лори.

— Умница,— похвалил он и тут же замахал руками, видя, что девушка собирается приступить к допросу с пристрастием.— И отстань от меня! Я выдохся! Мне нужен отдых!

Аксель остановился, глубоко вздохнул и невольно взялся за разбитые ребра. Скрипят, заразы, как доски скверно сколоченного пола под ногами нерадивого хозяина...

— Тебе больно? — Лори остановила спутника и попыталась усадить его на скамью.

— Только когда дышу,— с каменным лицом признался он, и девушка не поняла — шутит он или говорит искренне.

— Посерьезней, ладно? — нахмурившись, велела она.— Не пойму я тебя — иногда ты мне кажешься самым умным...

— И самым красивым,— подсказал Аксель.

— А иногда,— повысила Лори голос,— ничемным взбалмошным мальчишкой! Веди себя прилично! Садись!

— Слушаюсь, моя госпожа.— С этими словами Аксель безвольно рухнул на диван распахнувшего перед ними двери такси. Лори коротко кинула: «К „Галактике“!». Окошко тотчас закрылось, и машина резко взяла с места. Некоторое время Хук бессмысленно смотрел в потолок. Какое блаженство!

— И как только мистер Мтомба заставит их проявить себя, мы их накроем.— Прозвучавшие грубой прозой слова, тем не менее, вернули его к реальности.

— Торопиться не стоит,— нехотя приходя в себя, недовольно заметил Хук. Вот всегда так, подумал он, стоит только усталому человеку прилечь на минутку отдохнуть, как тут же следует строгий окрик: в ружье! — Загнанный в угол — опасен вдвойне,— добавил он, на самом деле озабоченный совсем иным: чего ей неймется?

— Ну, хорошо,— наконец, проговорила она.— Я со всем согласна, но кое-что мы все-таки упустили из виду.

— Да? — лениво поинтересовался Сол. Он изнемог от говорильного марафона. Если, что сейчас и интересовало Соломона Хука, то, скорее, предстоящая ему в недалеком будущем битва иного рода... Впрочем, время для нее еще не настало.— Что именно? — поинтересовался он скорее из вежливости.

— Имеющиеся улики безлики, так? — Аксель вздохнул, и взгляд его обрел осмысленность.— Скверный стих,— прокомментировал он слова Лори, гадая про себя, к чему она клонит.

— Согласна,— не стала спорить девушка.— Стих скверный, но верный.

— Согласен,— в тон ей хмыкнул Аксель и добавил: — Второй уже лучше.

Лори ответила благодарной улыбкой.

— Так вот, улики безлики,— повторила девушка,— чего не скажешь о свидетелях. Одного они убрали.— Она не стала уточнять, что имеет в виду Анну, но Сол кивнул, показывая, что понимает, о ком идет речь.— Не кажется ли тебе, что наши противники не остановятся на достигнутом и займутся тобой и экипажем «Неудержимого»?

— Мной — вряд ли,— после минутной паузы отозвался Хук.— Я ведь для них — труп, а вот людям с «Неудержимого» действительно стоит поостеречься. Конечно, «говорящие головы» и бортовой компьютер планетолета и сами способны поведать о случившемся, но они — лишь машины, чье свидетельство не идет в сравнение с показаниями людей.

— Я не смогла бы сформулировать лучше,— призналась Лори,— но даже если мы ошибаемся, не грех перестраховаться. До заседания Совета Директоров тебе следует где-то укрыться.

— Я согласен уступить тебе пальму первенства по части осторожности,— ответил Хук на ее комплимент,— но давай взглянем на вещи здраво. Официально я скончался прошедшей ночью в больнице, куда был привезен из отеля «Галактика», и где в меня стрелял мерзавец Минадо. Об этом имеется официальное медицинское заключение.

— Ты забываешь о том, что после нападения тебя видели в отеле живым,— не удержалась от замечания Лори.

— Я ничего не забываю,— возразил Аксель.— И я не говорю, что меня застрелили в отеле. Я говорю лишь о том, что, следуя рекомендациям врача скорой помощи, обратился в клинику, где произошло резкое ухудшение самочувствия, закончившееся летальным исходом.— Он выразительно посмотрел на Лори.— Несмотря на все старания врачей.

Лори молчала, недовольная всем: и изворотливостью Сола, а в особенности — неумением отстоять свою точку зрения. Ведь она чувствует, что права, а соглашается с ним! И как это у него получается?!

— Ночь я провел в доме Мтомбы,— продолжал Аксель.— Первую половину дня я просидел в кабинете Токадо, вторую — в ресторане, а вечером мы с тобой гуляли по пляжу — лучшего места для покушения не придумаешь. Согласна? — И, не дожидаясь ответа,

продолжил: — Ты заметила хоть что-нибудь подозрительное? Я — нет. Так стоит ли на ночь глядя пороть горячку?

Некоторое время они ехали молча, глядя на огни ночного Космополиса. Девушка переживала очередное «поражение», Хук давал ей время остыть, прийти в себя, стать прежней веселой и беззаботной Лори. Однако что-то в словах спутницы против воли продолжало тревожить и его. По большому счету она права — от излишней осторожности никому еще не было вреда. Но и с рассудком не поспоришь — если его пожелают достать, они это сделают, и тогда остается надежда только на силу, изворотливый ум, интуицию. С нарочитым упорством он продолжал смотреть на проплывающее за окном многоцветье огней. Цветная реклама никогда не нравилась Акселью, но сейчас он едва ли не впервые в жизни осознал ее частицей и своей жизни тоже. Жизни, которую кто-то хочет исказить, а, быть может, и отобрать.

Такси плавно затормозило у парадного входа, и в тот же миг перед ним появился швейцар, услужливо распахивая двери машины. Аксель расплатился и, очутившись снаружи, подал девушке руку, помогая выйти. Воздух снаружи оказался теплее, чем в охлажденном кондиционером салоне такси, и Аксель с наслаждением вдыхал ночные ароматы, показавшиеся сейчас необыкновенно приятным. Он удивился тому, что словно бы вновь открыл для себя воздух, насыщенный с детства знакомыми запахами, на которые давно уже привык не обращать внимания.

— Любуешься? — Лори неслышно остановилась рядом и с мягкой улыбкой посмотрела на мужчину.

— Космополис не такой, как другие города. Я люблю его, — неожиданно для себя признался Аксель. — Он не рвется ввысь, и он не съел на газонах всю зелень, и здесь в воздухе порхают птицы, а не гравилеты. Он архаичен и в то же время современен, как ни один из земных мегаполисов.

— Я тоже люблю его, — неожиданно серьезно согласилась Лори. — К сожалению, виденное тысячу раз перестает очаровывать.

— Неужели красота становится меньше, если и раньше любовался ею? — Вопрос прозвучал настолько неожиданно — в особенности из уст не склонного к сентиментальности сурового мужчины, — что в первый момент Лори не нашла, что ответить.

— Вот уж не ждала от тебя, — нашла Лори. — Пойдем, лирик, осмотрим твои раны.

Глаза девушки вновь светились лукавством, а фраза показалась Акселью настолько многообещающей, что он и не подумал спорить, а, подхватив подружку за талию, направился к двери, всецело отдавшись приятным мечтам о грядущем «медосмотре».

— Мистер Хук... — метрдотель почтительно склонился за гостиничной стойкой орехового дерева и, дожидаясь ответного внимания, остановился взглядом на поглощенной друг другом парочке. — Для вас есть звонок, — молвил он и, став обладателем искомого внимания, пояснил: — Некий... Алекс Блэкфилд. Если желаете ответить немедленно, пройдите в кабинку, — его рука отработанным жестом указала направление, — если нет, я попрошу мистера Блэкфилд а перезвонить через пять минут, когда вы подниметесь в номер.

— Не стоит, — обменявшись с Лори быстрым взглядом, откликнулся Аксель, — я поговорю отсюда — друзей не заставляют ждать.

Он принял из рук метрдотеля услужливо протянутые ключи от номера и передал их своей спутнице.

— Я поднимусь в номер и закажу ужин, — принимая брелок с ключами, сказала девушка. — Стыдно признаться, но я вновь голодна, как волчица.

— Договорились. — Хук улыбнулся, коротко кивнул подруге и нырнул в кабинку. — Привет, дружище! — не удержался он от восклицания, едва дверца из толстого тонированного стекла закрылась за ним, и в центре мгновенно засветившегося голополя возникло улыбающееся бородатое лицо друга. — Сколько воды утекло! — И, после паузы: — А ты все такой же, чертяка! Вижу — стареть не собираешься!

— Все это — борода, да волосы, — улыбнулся действительно молодой на вид мужчина

с заросшим волосами лицом. При первом взгляде было невозможно разобрать, где заканчивается шевелюра и начинается борода.— Молодого они, как известно, старят, старого — наоборот — молодят. Сам знаешь...

— Это ты-то старый! — усевшись в кресло, воскликнул Аксель.— Я вот себя стариком не считаю и еще долго не намерен!

Он насмешливо посмотрел на приятеля, с которым не виделся уже лет пять. Тот и впрямь не изменился — худощавый, но элегантный, в прекрасно пошитом костюме, то есть такой, как и всегда. Вот, разве что, взгляд сделался более цепким.

— Перестань придирается к чужим словам! — Алекс лениво взмахнул холеной рукой — еще одна зримая перемена. Нынешней вальяжности Сол за другом не помнил.— Я тоже в патриархи записываться не собираюсь, но годы, они годы и есть, и недостаток их всегда предпочтительней избытка. Впрочем, что я тебе рассказываю, мы ведь с тобой погодки! Не тебе, кстати, заводить разговор о годах — ни седого волоска в бороде, ни приличествующих солидному человеку зачеса и лысины!

— Что правда, то правда.— Соломон кивнул, но не рассмеялся, все пристальней вглядываясь в лицо друга, пытаюсь догадаться о причине звонка, но не желал показаться нетерпеливым и добросовестно тянул время, пока терпение не лопнуло.— Судя по твоей хитрой роже, ты что-то уже нашел? — с надеждой задал он рвавшийся с языка вопрос.

— Ну, нашел — пожалуй слишком громко сказано,— небрежно произнес бородач в голополе, но по тому, с какой скромностью Блэкфилд произнес эти слова, Аксель понял, что единственный из ресторанных звонков принес-таки ожидаемый результат. Он почувствовал знакомый зуд и теперь едва сдерживался, давая другу возможности вести себя так, как тот собирался.

— Времени-то прошло совсем чуть,— пояснил Блэкфилд,— так что вернее будет сказать: я сам кое-чем заинтересовался некоторое время назад. И это «кое-что» по счастливой случайности имеет все шансы заинтересовать и тебя,— скромно закончил он.

— Не томи,— простонал Аксель, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень нетерпения.

— И не собираюсь,— успокоил Соломона Блэкфилд. Он увидел, что друг уже «делает стойку», что само по себе служило достаточной для него наградой.— Дело в том, что примерно с полгода назад начали меняться хозяева ряда фирм. Такое происходит постоянно. Как гласят экономические законы: оживление рынка сменяется спадом, тот в свою очередь переходит в застой, за которым следует подъем... На этих процессах, собственно, и построена биржевая игра: угадай колебания курса, сделай верный ход, и ты на коне. Не в силах угадать — и ты на щите... Но такого всплеска деловой активности, как нынешний, прежде не бывало.

Алекс говорил спокойно, тщательно подбирая слова. Он, по сути, лишь подошел к главному — к цифрам, фактам, конкретным сделкам! Именно они интересовали сейчас Соломона, но, еще не услышав об их сути, он уже знал, что не ошибся. Хук почувствовал, как сильнее заколотилось сердце. Он еще не слышал ни одного подтверждающего догадку факта, а подсознание уже шепнуло на ухо: «Вот оно!» Аксель не стал торопить друга, он почти смаковал оставшиеся мгновения ожидания.

— Я даже специально поднял архивы, чтобы убедиться, что прежде такого не бывало! — От волнения Аксель и сам не заметил, как стал повторять произнесенные ранее фразы.— Да что там не бывало — быть не могло! Буря, ураган, тайфун, торнадо, а биржевая публика словно заснула в самом Оке Бури и понятия не имеет о происходящем вокруг! Говорю тебе: люди словно ослепли и оглохли! — Лицо Алекса сияло, словно он сам являлся демоном бури, словно его воле подчинялись ее всплески и затишья.— Происходящее сейчас, не бум даже — взрыв активности! И никто не видит взрыва, а те немногие, что заметили его, понятия не имеют о том, что взорвалось!

Аксель изнемогал от нетерпения. Он безошибочно чувствовал, что стоит на пороге тайны, которую ему через мгновение предстоит узнать. Тайны, в которой найдется место для

всего, что он до сих пор безуспешно пытался собрать воедино и скрепить между собой зыбкою цепью человеческой логики: странную жестокость противников, неподдающуюся осмыслению логику их действий, их огромные финансовые ресурсы. В следующий миг пол под ногами неожиданно дрогнул. Голоизображение замерцало и заколебалось, точно отчаявшийся обмануть человека мираж, но через несколько секунд восстановилось. Хук увидел встревоженное лицо друга и успел услышать его голос:

— Что происходит?!

Аксель услышал вопрос и только после этого понял, что Алекс кричит, а такое случалось с ним совсем нечасто. В следующее мгновение отдаленный расстоянием и стенами отеля глухой хлопок взрыва докатился до него вместе с осознанием простой мысли: Лори! Имя взорвалось в его голове, мгновенно вернув к действительности. Все стихло, и в этой тишине особенно дико звучал крик всегда сдержанного друга.

— Что там у тебя?! — уже не кричал, орал Алекс, тщетно вглядываясь в искрящееся изображение, пытаясь по выражению внезапно покрасневшего лица Акселя уяснить смысл происходящего. Словно не видя и не слыша его голоса, Хук рванулся было наружу, но в последний миг остановился.

— Ты можешь немедленно приехать сюда? — рявкнул он в голополе.

— Да! — мгновенно откликнулся Блэкфилд, на лице которого явственно обозначилось облегчение, из-за которого Соломон готов был прибить старого друга.

— Вместе с документами! — вскрикнул он.

— Да! — лаконично ответил Алекс.

— Приезжай! — гаркнул Соломон напоследок. — Если возникнут проблемы со входом, сошлись на меня или директора Службы Безопасности Лиги Мтомбу!

Алекс изумленно присвистнул — похоже, увидев, что друг в порядке, он успел полностью прийти в себя, — всем своим видом выражая удивление, но Хук его уже не видел и не слышал. Он рванулся к лифту, едва не высадив на старте дверь кабины. В холле суетились люди, беспорядочно натываясь друг на друга, больше мешая, нежели помогая. Аксель стремительно лавировал в людском потоке, хватая за грудки тех, на кого натыкался, и пытался выяснить у них, что случилось, но почти сразу понял, что они не имеют понятия не только о происходящем, но даже о причинах собственной суеты. Лишь от невзрачного, облаченного в фирменную ливрею служителя отеля, он сумел добиться бессвязной информации о том, что вызваны пожарные, медики и полиция, но большего не знал и тот.

Чтобы не закричать от ярости, Аксель стиснул зубы — слабоумные черви! — и теперь уже, нещадно раскидывая попадавших навстречу людей, вновь рванулся к лифту, но тот оказался обесточенным — где-то в недрах гигантского здания сработала система противопожарной безопасности. Дьявольщина! До чего же не вовремя! Глухо зарывав и проклиная все на свете, Аксель рванулся вверх по лестнице. Забыв о боли, он скакал горным козлом, перепрыгивая через две ступени и моля Бога, чтобы опасения его не сбылись, хотя внутренне уже не сомневался — случилось худшее. Подъем казался нескончаемым, но, не снижая темпа, Хук упрямо преодолевал пролет за пролетом. Никогда еще Сол не бегал с такой скоростью. На конечном отрезке пути он почувствовал, что если не стиснет зубы, сердце через рот выпрыгнет на пол. Когда он ворвался в коридор, дыхание вырывалось хрипом, травмированная грудь горела, словно в огне. Пропитанный дымом и кисловатым запахом взрывчатки воздух заставил Акселя закашляться. Напуганные постояльцы попрятались, явно не торопясь проявлять гражданскую активность. Вызванная этой мыслью злость лишь мимолетно коснулась сознания Акселя и тут же испарилась, словно ветром унесенная, при виде лежащего на полу тела девушки.

— Лори!

Аксель кинулся перед ней на колени, поднял голову, гладил волосы. Нигде он не увидел ни кровинки, и сгоряча это показалось ему хорошим признаком, но черные как ночь глаза безучастно смотрели мимо. Сол целовал их, гладил девушку по щеке, просил ответить ему — безрезультатно. И тогда он поднял ее почти невесомое тело на руки и унес в

искореженные недра своего временного обиталища.

* * *

Когда Мтомба вошел в номер, Хук так и сидел перед диваном, на котором покоилось мертвое тело Лори Марти, лицо его было безжизненным, словно гранитный блок. Развернувшись с неспешной монотонностью поврежденного робота, он поймал устремленный на себя взгляд директора. Мтомба отметил про себя, что проживи он хоть сотню лет, никогда не видеть ему тех изумления и боли, что прочел он в этот миг в глазах друга. В следующий момент ярость затопила светлый ум Соломона. Ярость и злоба на неизвестных, одного за другим убивающих дорогих ему людей.

— Но почему, Мтомба?! — с горечью произнес он. — Почему это происходит именно со мной?!

— Не только с тобой, — мрачно откликнулся тот, и, посмотрев на друга, Аксель понял, что тот прав. И хотя правоту Мтомбы принял разум Соломона, но упрямо отказывалось учитывать сердце; осознание этого факта несколько умерило ярость, но усилила горечь. Он почувствовал настоятельную необходимость излить ее, выговориться.

— Аксель, с тобой ничего не случилось? — Еще один человек появился в дверном проеме, и Хук узнал Алекса. Впрочем, Мтомба тоже узнал бывшего сокурсника, и хотя желанная в иных условиях встреча не сулила радости, они обнялись. — Что с ней? — Стремительно обежав гостиную, взгляд Блэкфилда остановился на лежащей на диване Лори.

— Мертва, — деревянным голосом отозвался Аксель, — а ведь это я должен был открыть дверь, — он посмотрел на друга отсутствующим взглядом, — твой звонок задержал меня в холле. — Аксель сложил ладони и крепко, с усилием растер лицо, словно надеялся смыть с него наложенную отчаянием деревянную маску.

— Если бы ты открыл дверь, — мрачно возразил африканец, — то сейчас бы лежал на диване, а она убивалась от горя, сидя перед твоим бездыханным телом. А, скорее всего, оба вы лежали бы рядышком в коридоре.

— Брось! — огрызнулся Аксель. — Мой череп копытом не прошибить! — В глубине души он понимал, что друг прав, а сам он только что высказал вопиющую глупость, но испытывал искреннюю благодарность за эту возможность излить горечь в ничего уже не значащем споре. — Вы оба не понимаете, — тихо произнес Аксель, перевел взгляд с Оварунги на Блэкфилда и сокрушенно покачал головой, — ведь она предупреждала... — он задохнулся от накрывшего чувства вины. — Она предупреждала, что меня не оставят в покое, что стоит на время укрыться... — Хук скользнул взглядом по телу бездыханной Лори, и лицо его болезненно дрогнуло. — Я же повел себя как мальчишка и вместо того, чтобы последовать совету, доказал ей... — он вяло всплеснул руками, сию секунду что-то изобразить, — доказал ей буквально на пальцах, что опасаться нечего. Что все ею сказанное — не более чем женские страхи. Я ее убедил, понимаете?! Убедил, чтобы убить! Я — соучастник!!!

— Крепко сказано. — Мтомба недовольно поморщился. — Но ты не соучастник, ты дурак, если забыл о нашем вчерашнем разговоре! Во всех газетах появились твои некрологи! Никто не знал, что ты жив! — гаркнул африканец. — И не думай, что ты один страдаешь — я тоже несу свою долю ответственности за случившееся, а Лори, несмотря ни на что, была мне ближе, чем тебе!

— Кто-то все-таки знал, — угрюмо выдавил из себя Аксель.

— Судьбу не обманешь, друг мой, — поддержал африканца до сих пор не вступавший в разговор Алекс. Сейчас же, уяснив его суть, он мог позволить себе вмешательство на правах старого друга. — Многие пробовали... — Он покачал головой. — Она тебя обманет, а ты ее — нет.

— Неприятности следует переживать по мере их поступления, — поддакнул Мтомба.

— Перестань пошлить! — поморщился Хук. — Сколько раз в своей жизни я повторял

этот дурацкий совет другим.

— Вот и последуй ему хоть раз сам. Если вместо работы мы станем горевать, то все скоро... — Он не договорил фразы, но остальные и без слов поняли, что он имеет в виду. — После погорюешь, когда все закончится.

В этот момент в развороченный взрывом номер вошел врач. По брошенному на африканца взгляду, Аксель сразу понял, что доктор принадлежит Службе Безопасности Лиги. Похоже, ночной звонок поднял его с постели, и именно этим объясняется его опоздание.

— Что здесь произошло? — будничным тоном поинтересовался служитель Эскулапа.

— Судя по запаху — отбомбилась небольшая армада тяжелых бомбардировщиков, — огрызнулся Аксель. Он даже попытался рассмеяться, но из горла вырвалось только жалкое бульканье. И тогда Хук откинулся в кресле, закрыл лицо огромной ладонью и беззвучно, без слез заплакал, как плачут сильные мужчины, сознающие свою вину и полное бессилие исправить последствия случившегося.

Мтомба с Алексом понимающе переглянулись, и африканец шагнул к бару. Три стакана и бутыль виски — как раз то, что им сейчас нужно. Он наполнил один стакан до краев, плеснул в два других на пару пальцев, и, кивнув Алексу, шагнул к Хуку, потряс его за плечо. Тот колыхнулся, точно тряпичная кукла, и бессмысленным взглядом уставился в глаза друга.

— Это реакция, дружище, это пройдет, — словно маленького мальчика успокаивал друга Мтомба. — На-ка, выпей.

Аксель тяжело вздохнул, но взял протянутый стакан, однако пить явно не торопился, будто тут же забыл о его существовании. Все его внимание поглощали действия врача, словно убитый горем великан надеялся, что тот и впрямь способен воскрешать, подобно Всевышнему. Во всей комнате сделалось так тихо, что он без труда услышал собственное неровное дыхание. Прошло не больше минуты, когда доктор обернулся и мрачно покачал головой. Тут же вошли двое санитаров с носилками, механически, словно исполняли давно привычную работу, переложили тело девушки с дивана на носилки и так же молча удалились. Алекс перевел взгляд на Хука — желваки играли на скулах великана, бородатое лицо казалось маской мрачного скандинавского бога, глаза горели холодной решимостью.

— Давайте, друзья, — кивнув на зажатый в ладони стакан он попытался взять себя в руки, — я всегда говорил, что пить следует больше, но чаще. — Он припал губами к стакану. Алексу показалось, что его содержимое, даже не коснувшись глотки друга, так и ухнуло ему в желудок. Он еще шутит!

Аксель шумно выдохнул и посмотрел на Блэкфилда. Загнав боль поглубже, он уже не занимался самоистязанием, взгляд его обрел осмысленную решимость. — Там, в холодильнике, должны отыскаться маслины... Сделай одолжение. За последние сутки я столько выпил, что сейчас мне полагалось бы валяться мертвецки пьяным, но я, как видишь, трезв. Лишь зол и подавлен — отвратительное сочетание эмоций.

— Да ты и выглядишь не лучшим образом, — невесело усмехнулся Мтомба. Он видел друга насквозь, и то показное спокойствие, которым он прикрылся, ни на миг не обмануло африканца.

— Да? — мрачно поинтересовался Аксель. — И на что это похоже со стороны?

— На лопнувший презерватив.

— Я этого не перенесу, — только и смог сказать Сол. В кои-то веки Мтомба прибег к пошловатому юмору, которого всю жизнь старательно избегал. — Извини, дружище, но мне сейчас кажется, что даже на свет я появился не вовремя.

— Перестань, Сол. Ты же всегда был самым стойким из нас. Допустим, Анну я не знал, но Лори... Чего бы я не отдал, чтобы вернуть ее. Надеюсь, в этом ты не сомневаешься? Знаешь, сколько наших гибнет, хотя войн не ведется уже сотни лет?

— Перестань, Мтомба... — Аксель болезненно поморщился. Господи! Да что он говорит! И разве имеет значение тот неоспоримый факт, что Мтомба прав и горевать не

время? Хук встряхнул головой, и перевел взгляд на Оварунгу. Это я виноват, Мтомба. Она предупреждала, что станут убирать свидетелей,— с горечью повторил он,— а я отмахнулся. Понадеялся на нашу уловку, и вот результат. Сам ведь не устал повторять: нельзя недооценивать противника, нельзя брать то, что он тебе предлагает.

— Разве тебе что-то предлагали? — Мтомба искренне удивился.

— Мне, дураку, предложили иллюзию безопасности,— ровным голосом, словно речь шла о материальной взятке, произнес он,— я же купился, словно последний простак, забыв, что мне слишком многое известно, а знание — это смертельная болезнь, как чума или черная оспа!

Молчавший до сих пор Блэкфилд кинулся было возражать, но Мтомба резким жестом остановил его, и Алекс снова умолк, негодуя глядя на друга.

— Ты считаешь, что виноват? Пусть так! — стиснув зубы, яростно процедил африканец.— И пусть эта трагедия послужит тебе уроком! Посмотри на себя! — Он бешено крутанул глазами, белыми пятнами выделявшимися на эбеновом лице.— Ты раскис, как баба, и забыл, что, играя на чувствах человека, ничего не стоит завлечь его в такую ловушку, из которой даже смерть не окажется выходом! Возьми себя в руки! Встряхнись! Вспомни, что сам мне говорил когда-то — опасность рождает осмотрительность! Осмотрительность, мать твою! Ты что, перестал соображать?! Где твоя Мэри-Эн?! Она должна была все видеть!!!

— Черт!... — процедил Аксель, кляня себя на чем свет стоит.— Мэри-Эн! Кто это был?!

Не сговариваясь, трое мужчин обернулись к столу как раз в тот момент, когда над сероватым диском Сукомпа взметнулось голополе, а в нем...

— Смертоносец-перехватчик, мать твою! — прошипел Хук, глядя, как тщедушный Минадо, притаившись у двери, пристраивает мину-ловушку.— Хватит! — вскочив, обратился он к Мэри-Эн, и голополе мгновенно пропало.— Пора всерьез взяться за этого мерзавца!

— Аксель, успокойся,— попытался урезонить друга Алекс.— Он наверняка зарылся так глубоко, что его и экскаватором не отроешь.

— На-ка вот,— протянул ему второй стакан Мтомба,— выпей. Сейчас это лучше всего поможет тебе.

— Если сегодняшних помощников поставить в строй, места на столе не останется,— неожиданно ровным голосом произнес Аксель и пить не стал.— Ты прав, дружище,— скользнув взглядом по лицу Блэкфилда, обратился он к Мтомбе.— Я забыл о собственных принципах. Все мы забыли — сидим и баюкаем друг друга сказками, как на дружеском мальчишнике. Что-то я не вижу полиции, и мне это не нравится.

— Это я приказал никого сюда не впускать, но все равно — ты прав! — Мтомба забеспокоился.— Если уж наши враги узнали о том, что ты не погиб вчера, значит, о том, что выжил сегодня, им и подавно известно. Едем.— Он вопросительно посмотрел на друга, словно ожидал, что тот станет возражать, но Аксель утвердительным кивком отменил его опасения.

— Мне и самому надоело изображать из себя мишень,— мрачно изрек он и решительно поднялся.— В особенности, в условиях, когда жертвами неизменно становятся окружающие меня люди.— Он перевел взгляд на Блэкфилда.— Ты поедешь с нами, Алекс.— Приглашение прозвучало не вопросом, а беспрекословным утверждением.

— Это похищение! — запротестовал бородач. Впрочем, по лицу его Мтомба видел, что возражения друга поверхностны, а шуточный тон предназначен персонально для Акселя.

— Верно, но для твоей же пользы,— по инерции произнес он, сознавая, что если что и поможет Солу, так это время, которое, как известно, лечит все, но именно времени у них сейчас и не хватает.

Хук собирал вещи меньше пяти минут, тем более что единственный чемодан с одеждой он так и не удосужился распаковать. Когда трое мужчин вышли в коридор, лифты уже

заработали, а постояльцы, осмелев, толпились, как и накануне, но на сей раз люди Мтомбы удерживали любопытных на расстоянии. Директор Службы Безопасности отдал подчиненным необходимые распоряжения, и на скоростном лифте все трое спустились в вестибюль. Метрдотель проводил Акселя изумленным взглядом — видно, несмотря на все предпринятые Мтомбой меры секретности, он все-таки знал о происшедшем наверху. Что ни говори, а два трупа за два дня — явный перебор. Возможно, он даже решил, что Сола арестовали. Впрочем, какая разница? Пусть думает, что хочет.

Едва они вышли, как перед входом мягко затормозил выруливший из-за угла мощный бронированный гиромобиль представительского класса, и дверь салона отворилась, словно приглашая пассажиров в глубь уютного салона. Через минуту багаж Акселя исчез в чреве вместительного багажника, а трое людей — в недрах салона. Стремительно набрав скорость, машина понеслась по автостраде.

Аксель без сил откинулся на спинку дивана и испытал странное и прежде посещавшее его ощущение, что опасность миновала, что он удаляется от нее со скоростью несущего его в неизвестность экипажа.

— Налей-ка мне, дружище. Я высох, как щепка,— сказал он.

Бояться Аксель не любил, хотя и не стыдился этого чувства, справедливо считая, что смелый не тот, кто не испытывает страха, но тот, кто способен преодолеть его. Мтомба открыл бар и достал объемистую бутылку.

— Что-то вспомнил? — передавая другу наполненный стакан, поинтересовался Оварунга. Аксель видел, что африканец пытался удержаться от вопроса, но не сумел.

— Извини, дружище,— принимая из его рук выпивку молвил Хук,— но я должен поразмыслить. После скажу.— И закрыл глаза.

Лениво отхлебнув спиртного, даже не осознав, что пьет, убаюкиваемый мерным покачиванием лимузина, он погрузился в размышления. Факты, фактики, подозрения и предположения назойливо крутились в мозгу, побуждая подсознание отмести все ненужное, а относящееся к делу собрать воедино и расположить в должном порядке. Такой стиль размышлений сознательно культивировался Соломоном еще в студенческие годы, экономя ему массу времени, да и в дальнейшем не давал сбой. И вот он, результат: ужасное подозрение, от которого кровь стыла в жилах,— подозрение, давно уже не дававшее ему покоя, наконец оформилось в стройную последовательность событий. То небольшое, что успел сказать ему по телефону Алекс, прекрасно укладывалось в уже существующую цепочку рассуждений, дополняя ее недостающими звеньями. Хук почти ухватил ее там, в переговорной комнате, но взрыв в номере направил его мысли по иному руслу. Так что в момент затишья он неторопливо поглощал свежую порцию спиртного, лениво обкатывая складывавшийся в мозгу сценарий. Отвратительный сценарий... Липнувшие друг к другу мысли не слишком-то нравились ему, но они существовали, и не просто существовали, а не давали покоя. Слишком многие смутные опасения превращались в реальные неприятности, и потому не следовало смотреть на них сквозь пальцы.

— Здесь можно говорить? — неожиданно поинтересовался он, когда понял, что дальнейшее перетряхивание раздумий ни к чему не приведет— лишнего в них и без того не осталось.

— Конечно.— Казалось, африканец даже немного обиделся.— Это же машина Службы Безопасности.— Нет, в самом деле... что за бред?!

— Не обижайся, Мтомба, на еще один вопрос,— извиняющимся тоном произнес Аксель,— но ситуация обязывает... Не существует ли какой-нибудь Секретной Службы, контролирующей Службу Безопасности? — Он выжидательно замолчал.

— Ну, ну...— запротестовал Оварунга, но запротестовал с явно озабоченным видом. Подобные подозрения никогда не приходили ему на ум. Для них просто не существовало почвы. Нет, не может быть! — Паранойя и осторожность понятия достаточно разные,— добродушно заметил он, немного подумав.— Лига ни с кем не ведет военных действий.

— Даже если у меня паранойя, это не значит, что за мной не гонятся,— резонно

заметил Аксель.— Утечка ведь каким-то образом произошла? Ты сам сказал, что никому не известно о том, что я жив, помнишь? — Он вопросительно посмотрел на друга, но тот молчал. Какого черта? Взгляд африканца выражал растерянность и постепенно приходящее понимание. И по мере того, как последнее крепло, на душе Сола становилось все муторнее. Хуже, чем крысы в доме, ничего нет!

Сол обернулся к Блэкфилду.— Алекс, расскажи подробнее о своих изысканиях.

— А что тут скажешь...— Бородач привычным жестом поддернул брючину, закинул ногу на ногу — благо салон авто позволял подобную вольность — и ответил Акселю прямым взглядом.— Если свести воедино все имеющиеся в моем распоряжении факты, то создается впечатление, что большинству владельцев процветающих фирм приелось любимое дело, в то время как некая прослойка обывателей вдруг ощутила непреодолимую тягу к предпринимательству.

— И кто эти люди? — поинтересовался Хук, в то время как Мтомба ограничился лишь озабоченным взглядом.— Я имею в виду не тех, кто решил уйти на покой,— пояснил он,— а тех, кто вдруг воспылал любовью к бизнесу.

— Я понимаю,— кивнул Алекс.— Я даже пытался навести справки. Не обо всех, сам понимаешь, но...— Он демонстративно развел руками.— Никто из них в деловых кругах не известен.

— А источники их капитала? — не унимался Аксель.— Тут не поможет разбитая копилка малолетнего отпрыска, да и бабушкин чулок наверняка окажется недостаточно велик. Насколько я понимаю, основать или откупить процветающую фирму стоит немалых денег...

— Я займусь этим.— Мтомба посмотрел на Сола.— Знаешь, Соломон, у меня в руках огромные возможности. Быть может, большие, чем у кого бы то ни было на Земле, и при этом я последним узнаю о том, о чем должен был бы сам тебе рассказать.

Выслушав довольно расплывчатые соображения Алекса, он испытал нечто вроде обиды. Идет тайный передел собственности. Если кого-то сей процесс и должен заинтересовать, так это Службу Безопасности Лиги.

— Это потому, что твои сотрудники занимаются тем, что им предписано, в то время как наши друзья интересуются необычными, я бы даже сказал, настораживающими фактами.— Для Акселя не существовало вопросов там, где все ясно, как на ладони.

Мтомба кивнул, то ли соглашаясь, то ли принимая сказанное к сведению, и задумался. Конечно же, Сол прав! Рутину съедает все, а ведь когда-то Служба Безопасности задумывалась как организация, обеспечивающая безопасность всего сообщества в целом, неважно, откуда исходит угроза — зреет внутри или приходит извне. Реально же они превратились в наделенный чрезвычайными полномочиями дубликат Всемирного Полицейского Управления!

— А что, масштабы сделок действительно столь велики? — Вопрос Акселя оторвал африканца от невеселых мыслей.

— Я бы сказал так,— ответил Блэкфилд.— Идет негласный передел промышленности,— ни больше, ни меньше.

— И никто ничего не заметил? — Директор окончательно очнулся от своих мыслей и недоверчиво покосился на друга. Впрочем, взгляд его выражал скорее удивление, чем недоверие.— Ни слова не просочилось в печать, не поползли тревожные слухи? Разве такое возможно?

— Люди разобщены.— Алекс демонстративно развел руками.— Мало кого заботят дела ближнего. Разве что твой конкурент разоряется или подрядчик опаздывает с поставками... Конечно, стоит всерьез покопаться в экономических обзорах, в коммерческих вестниках, и многие вещи начинают видаться иначе, но кто нынче этим занимается? Прибыль укладывается в норму, а остальное... К тому же, с чего ты взял, что все так просто? Я вовсе не говорил, что собранная мной информация касается официальных продаж. Практически во всех случаях смена владельца происходила негласно. Для этой процедуры

существует много не очень сложных способов. Правда, к ним почти никогда не прибегают: к чему лишняя канитель, если дело делается честно? Кстати, как раз появление смутных слухов о негласных продажах и привлекло мое внимание...

— И все-таки, странно все это,— помолчав, откликнулся Оварунга.— Ты-то заметил неладное, а остальные что?

— Наверняка еще кто-то заметил,— не стал оспаривать возражений друга Блэкфилд.— Заметил, подивился и думать забыл — мало ли в финансовом мире странностей? Терпят крах непоколебимые, а никому не известные неожиданно вырываются вперед. Впрочем, я должен был оговориться сразу, что дело касается лишь высокотехнологичных отраслей, таких как электроника, точное машиностроение, роботехника, двигателестроение, синтезаторы пищи и так далее. Если говорить только о них, то не меньше девяноста процентов фирм сменили своих владельцев, но этих фирм достаточно немного. На общем же фоне ситуация далеко не столь впечатляющая. Быть может, остальная часть рынка недвижимости оказывает маскирующее воздействие?

Некоторое время все трое молчали, переваривая озвученную информацию, в то время как машина плавно несла их по автостраде. Мир за затемненными стеклами лимузина словно перестал существовать для этих троих. Аксель подумал, что Алекс прав: если кто-то решил сохранить свою деятельность в тайне, то он избрал верный путь. И все-таки не удалось...

— Когда, ты говоришь, прокатилась волна странных продаж? -прервал молчание Аксель.

— Примерно шесть месяцев назад,— подумав, ответил Блэкфилд.— Месяца четыре назад я узнал об одном странном случае: скончался глава фирмы «Старз», одного из конкурентов «Вестерн Юнион Инкорпорейтед», специализирующейся, в отличие от нее, не только на производстве гиперприводов, но и фотонных двигателей...— При этих словах друга Аксель невольно насторожился.— Так вот,— продолжал Алекс,— по завещанию фирма отошла никому не известному молодому человеку. Странно, правда? — Он сделал паузу, дождался утвердительных кивков друзей и продолжил: — Дальше — еще страннее: родственники покойного не выразили ни малейшего несогласия с решением главы семейства, словно речь шла о никому не нужных безделушках, а не о многих миллиардах, в которые оценивается недвижимость «Старз».

Мтомба лишь изумленно присвистнул. Быть может, он и спросил бы о чем-то, но его опередил Сол.

— И такое прошло незамеченным? — недоверчиво произнес он.

— Ну, почему же? — усмехнулся Алекс.— Пресса достаточно много писала о смене владельца одной из крупнейших звездолетостроительных компаний. Печатались сдержанные интервью членов семейства... Кстати, именно они представили нового председателя Совета Директоров Майка Мейерса, как жениха одной из внучек почившего старца. Якобы они с пяти лет обручены, и поскольку никто в семье не испытывает тяги к бизнесу, решили, что управлением займется Майк. Заметьте — речь шла лишь об управлении. Никому и в голову не пришло, что вместе с передачей управления фирмой семейство отказывается от права владения, а на самом деле речь шла именно о завуалированной передаче контрольного пакета акций. Дальше. Поскольку семейство готовилось к похоронам, немногочисленные интервью быстро начали повторять друг друга, а вскоре интерес газетчиков к теме и вовсе сошел на нет. Так-то вот,— многозначительно добавил Блэкфилд.

— Ну и как ты докопался до остального?

— Мне это дело показалось странным,— не стал тянуть Алекс,— я навел справки о Майке Мейерсе и удивился еще сильнее: оказалось, что такого человека не существует! — Он обвел друзей победным взглядом. — Неизвестно, откуда он вообще взялся. Словно появился вдруг, на пустом месте, как чертик из коробочки. Такое случается, когда человек сознательно уничтожает о себе информацию, и вот что я вам скажу: этот Мейерс ОЧЕНЬ тщательно уничтожал свое прошлое.

— Что-то я не слишком ясно понимаю ситуацию,— заметил Аксель.— На моей памяти

свершилось немало дурацких сделок. Как говорится: охота пуще неволи. Желаете удовлетворить свою блажь, платите деньги. Все просто. Люди посмеются и забудут о вашей глупости, а вы остаётесь счастливым владельцем неприлично дорогой игрушки.

Слушая его, Мтомба мрачно молчал. Все, что он только что услышал, походило на завязку скверного детектива — сказочно богатый скряга-старец умирает, прекрасный принц в образе таинственного незнакомца беспрепятственно завладевает наследством заодно с рукой и сердцем любимой внучки патриарха, но тут в бочку меда выплескивается традиционная ложка дегтя — в силу неизвестных читателю причин прекрасный принц вынужден тщательно скрывать свою биографию... Чушь собачья! В книжках подобное случается, в жизни — нет. Тут Аксель прав. А если что-то и происходит не совсем подобающим с точки зрения закона образом, то так гладко, как Мейерсу, редко кому удастся спрятать концы. Впрочем, насчет Мейерса он пока ничего не знает, так что следует попридержать обвинения. Тем не менее, история явно с душком.

— Ты абсолютно прав,— согласился Алекс.— Я сразу почувствовал, что здесь дело нечисто.

— И каким же образом Мейерс облапошил мнимых родственников? — продолжал допрос Аксель. В отличие от Мтомбы он не искал материальных доказательств преступности сделки. Образно говоря, ему достаточно и того факта, что приближаться к ней допустимо только с наветренной стороны. Это судье необходимы веские улики для вынесения обвинительного вердикта. В жизни же случается и так, что злой умысел налицо, доказательства отсутствуют, а здравый смысл в суд не представишь... Человека обходят стороной, и вынужденно мирятся с формальным признанием его порядочности. Как в случае с Мейерсом. Пожалуй, только сейчас Оварунга впервые начал понимать, почему Аксель так настойчиво отказывался от его «заманчивых» предложений — кому охота копаться в бумагах, доказывая очевидное.

— В том-то и дело, что формально ситуация кристально чиста,— словно в подтверждение размышлений Оварунги, сказал Алекс.— Существует завещание покойного, и к нему не придраться. Родственники довольны, а значит, с этой стороны к делу тоже не подобраться, но когда журналистка отдела светских новостей «Гардиан» Ума Турман попыталась копнуть глубже, ничего у нее не получилось.

— Да? — Вопрос прозвучал достаточно нейтрально, но Блэкфилд понимал, что Алексу с Мтомбой нужны подробности.

— Видимо, решила постимулировать серые клеточки своего мозга,— с мрачной иронией произнес он,— и не рассчитала сил. Официальное заключение — передозировка наркотика.

— Ого! — не удержался Мтомба.— Экзотический диагноз! — Он, как никто другой, знал историю борьбы с наркоманией. И хотя полностью уничтожить проблему так и не удалось, формально с ней покончили добрую сотню лет назад. Недуг общества уменьшили до приемлемых размеров, загнали поглубже и сделали вид, что его не существует.

— Лучше не скажешь,— согласился Блэкфилд.— Названия препарата я не помню... какой-то длинный фармакологический термин. Девочку я знал. Хорошая девушка, совсем еще молоденькая. Прыти много, осторожности никакой, но этой дрянью она никогда не баловалась, даже спиртного по возможности избегала.

— Дай-ка я угадаю...— встрял в разговор Аксель.— Именно ее смерть подвигла тебя на собственные изыскания?

— Нет...— Алекс явно смутился, словно воспринял слова Сола не как случайное предположение, а единственно возможную для него, Алекса, реакцию на происшедшее.— Хотел бы я выглядеть благородно... таким рыцарем в сверкающих доспехах и на белом коне, но я не молоденькая девочка с неумной энергией и знаю, что там, где...— он поискал подходящее определение,— на дух не переносят не в меру любопытных журналистов, многого не раскапашь. Он болезненно поморщился.

— Просто времени не хватит,— понимающе кивнул Аксель. Он, наконец, понял

причину самооправданий Блэкфилда. Алекс изо всех сил не желал показаться трусом в глазах старых друзей. Он забыл, что трусливой его позицию мог назвать только не знакомый с ним, исполненный глупой бравады человек, знавший опасности лишь понаслышке.

— Верно, — с явным облегчением согласился Алекс, — но раз Уму поспешили убрать, значит, всерьез опасались, что она сумеет подобраться к чему-то важному. — Он помолчал. — Я же для себя уразумел, что пресловутый Мейерс — не просто темная лошадка. Он дикий жеребец с зубами крокодила и хвостом скорпиона! И вот тогда я задумался. Ладно, Ума. Жалко, конечно, девушку, но кто она такая? Рядовая гражданка Лиги. Богатых родителей не имеет, а значит, реальной силы не представляет. На что она может рассчитывать? Успей она раскопать что-то, хотя бы отдаленно отдающее сенсацией, и еженедельник наверняка защитил бы ее от возможных угроз, а в этих условиях смерть сотрудницы солидного издания вызвала бы громкий скандал, неизбежно влекущий за собой серьезное журналистское расследование. Но ей никто не угрожал — она лишь подступила к порогу тайны, но узнать ничего не успела. Защищать же наркоманку никто не пожелал, да и от кого? И тогда я задался вопросом: а не пошел ли еще кто по пути Умы? Нет, не из журналистской братии, а из числа сильных мира сего? Я рассуждал примерно так: молодой, энергичный бизнесмен пришел к рулю процветающего предприятия. Такое событие не может не насторожить конкурентов. Как, скажем, к этому отнеслись в «Вестерн Юнион Инкорпорейтед»? И я подкинул знакомому обозревателю мысль взять интервью у Бьёрна Стенсена. Тому идея понравилась, и он добился встречи. Каково же было мое удивление, когда, просмотрев по головизору интервью, я узнал, что мистер Стенсен нимало не озабочен появлением молодого агрессивного конкурента. Ни тени волнения, сплошная доброжелательность, одним словом, он вел себя так, словно сам стал владельцем «Старз».

— Может быть, поза? — предположил Мтомба. — Стремление показать, что ты по-прежнему в седле и как никогда силен и уверен в себе?

— Возможно, — пожал плечами Алекс. — Это первое, что приходит в голову, но я не верю в благодушие акул бизнеса. Уж о чем, о чем, а о «добрых отношениях» между конкурентами мне известно не понаслышке. — И он презрительно усмехнулся.

Все верно. Хищник не терпит вторгающегося на его территорию конкурента и либо убивает его, либо гибнет в схватке сам, либо... договаривается о разграничении территорий, но зубы при этом держит наготове.

— С какой же стороны ты решил подойти к делу? — поинтересовался африканец. Ему самому предстояло заняться именно этим вопросом и, вполне естественно, он желал знать, чем закончилась предыдущая попытка человека, знающего, как подойти к делу.

— Со стороны антимонопольного законодательства, — охотно пояснил Алекс. — На протяжении веков власть над миром многим не давала покоя, и если военным путем добиться ее давно уже никто не пытается, то этого не скажешь о способах экономических. И я подумал: а не предпринимается ли новая попытка? — Он обвел друзей взглядом. — Если принять такое предположение за основу, все, вроде бы, становится на свои места: и строгое инкогнито мистера Мейерса — невозможно проследить связи человека без прошлого, — и жестокая расправа с Умой — поскольку наказание за нарушение антимонопольного законодательства самое суровое в Лиге, — и демонстративное благодушие Бьёрна Стенсена.

— Что верно, то верно. Лжец должен иметь очень хорошую память, — подтвердил Аксель. — К тому же, Бьёрн Стенсен — человек прямой. Трусливо прятать за ложью свою шкуру — не в его стиле. А вот отвести от себя подозрения, лишний раз продемонстрировав свою силу — это да. Это на него похоже.

— И к чему ты пришел? — Этот вопрос задал Мтомба. Не то, чтобы его не интересовала психологическая оценка личности Стенсена или конкретные моменты в расследовании Алекса, но африканцу не терпелось поскорее добраться до конца рассказа, чтобы осмыслить картину в целом.

— Я очертил круг партнеров мистера Стенсена, его конкурентов, партнеров конкурентов и принялся за дело. Так вот, к моему удивлению выяснилось, что некоторое

время назад и там начался передел, если психологически и не столь впечатляющий, то, по своей сути, ничуть не менее значительный. Тогда я расширил круг поисков, перешел к анализу дел в других отраслях промышленности и остался в итоге с теми фактами, о которых говорю. Кто-то на корню скупает высокотехнологичные фирмы вне зависимости от профиля выпускаемой ими продукции.

— Почему высокотехнологичные? — задумчиво переспросил Мтомба. Больше всего директора Службы Безопасности волновал именно этот вопрос, потому что любой ответ на него если и не сужал круг поисков, то высвечивал суть неожиданно возникшей проблемы. Что не менее важно.

— Ну, на этот вопрос и я могу тебе ответить, хотя корректного ответа на него не знаю, — усмехнулся Аксель.

— Хлестко, — признал Мтомба, — но мне бы хотелось поближе к делу.

— Изволь, — не стал спорить Соломон. — Итак, вариант первый. Высокотехнологичные фирмы наиболее рентабельны. Да, они требуют больших начальных вложений, но оборудование быстро окупается. Поскольку автоматизация на таких производствах чрезвычайно высока, себестоимость выпускаемой продукции получается низкой, а прибыль, соответственно, велика. Ресурсы же наших предполагаемых монополистов хоть и огромны, но наверняка не безграничны. Как тебе такая возможность?

— Подходит, — подумав, согласился Мтомба. — Плохо другое — при неоспоримой разумности твоя теория даже не намекает на возможного злоумышленника. А сейчас важнее всего именно это. Я должен знать, кто наш противник, какими ресурсами он обладает, а значит, какие средства необходимы для его нейтрализации.

— Тогда изложу второй вариант. Высокотехнологичные производства сплошь автоматизированы и не нуждаются в человеческих ресурсах, — повторил Аксель уже сказанное ранее. Нельзя ли оценить этот факт с другой стороны?

— Колонисты с Марса или Венеры... — прошептал Мтомба.

— Или Пустынное Братство, — подкинул идею Алекс.

— Если кто-то сумел объединить их и убедить, — тотчас ухватившись за идею, принялся вслух рассуждать Мтомба, — что с началом освоения Яна для Братства настанут черные времена... — Он замолчал, оценивая варианты, а Подумать было над чем. Никто не знал всех пиратских баз. Никто не знал точно их численности и состава группировок. Но вот что известно достоверно, так это внушительная сумма ежегодного ущерба, наносимого Лиге в результате нападения пиратов на мелкие планетарные базы и перехвата судов на трассах. И еще известно, что последние несколько лет операции, проводимые Братством, становятся все наглее...

— Ну, а еще что? — спросил он

— А тебе этого мало? — Аксель ухмыльнулся. — Братство, не Братство — какая разница? Возьми за основу теорию о том, что в среде Братства Пустынников появился лидер, вооружившийся одной из древних философий... Анархизм, фашизм или что-то еще — значения не имеет. Важно другое... Ты никогда не замечал, как легко глупость находит укромное местечко в мозгу, как цепко укореняется в отвоеванном гнездышке и как стремительно способна изменить личность попавшего под ее влияние человека? — Аксель выразительно взглянул на друга. — А лидер, если ты помнишь, это человек, который: «а» — знает, чего он хочет; «б» — знает, как добиться того, что он хочет; и «с» — умеет увлечь своей идеей окружающих. То есть нанять бесплатную армию фанатично преданных сторонников. Чем тебе не подходит идея армии увлеченных единой целью, готовых на все людей? Если же со временем на первый план выдвинется иная теория — заменишь прежнюю. Уверяю тебя: в твоей деятельности никаких перемен не наступит. — Мтомба молчал, никак не реагируя на испытующий взгляд Хука.

— Что — не годится?

— Нет, почему же... Просто, я думаю. Теория с Братством отлично объясняет загадочность личности Мейерса, объясняет и жестокое подавление любой попытки

проникнуть в их тайну, вот только...

— Что — только?

— Я никак не могу представить себе, что такой человек, как Бьёрн Стенсен, фигура в деловом мире значительная, пользующаяся заслуженным авторитетом, мог стакнуться с бандитами.

— Э-э-э!... — Хук погрозил другу пальцем. — В мире существуют идеи, но ведь существуют и технологии. Это разные вещи. До сих пор мы говорили об идее, если можно так выразиться, о сути происходящего, но ведь и технология ее претворения в жизнь не менее важна. Хочешь поговорить о технологиях? Изволь. Но для начала договоримся, что ты не станешь канонизировать все высказанные мною мысли — они ведь не более чем предположения. — Он едва не расхохотался, глядя, как вытянулось черное костистое лицо Мтомбы. — Так вот, что касается упомянутых тобой пиратов... Пираты они лишь до тех пор, пока грабят мирные суда, так сказать, в целях личного обогащения. К власти-то они не стремятся. Но если их объединить идеей... скажем, мирового господства, то они — уже не пираты. Они — тайное сообщество! И потом. Кто тебе сказал, что Братство завербовало президента «Вестерн Юнион Инкорпорейтед»? Такое предположение действительно выглядит достаточно глупо. Я бы сказал, что если версия взаимодействия Стенсена с Братством верна, то я скорее поверю, что именно Бьёрн Стенсен, поразмыслив на досуге над реалиями бытия, решил направить хаотичный поток бессмысленно растрачиваемой силы Братства на колесо своей мельницы. 4

— То, что ты только что сказал, выглядит гораздо страшнее, — заметил Алекс.

— То-то и оно, — согласился Аксель. — Но есть во всем этом деле еще один момент, которого мы пока всерьез не касались — деньги! Я затрудняюсь назвать даже приблизительное количество триллионов — уже вложенных в скупку!

— Может статься, дело обстоит несколько иначе, — заметил Алекс. — Случается, человек попадает в затруднительное финансовое положение. Все, что у него есть — недвижимость, стоимость которой значительно превышает сумму долга. И тогда она передается в качестве платы — на условиях солидной пожизненной ренты прежнему владельцу.

— Ну, это частные случаи, — заметил Мтомба. — Вряд ли они составляют значительную часть сделок. Так что Аксель прав, но, кроме как разделить с ним изумление по поводу бездонной казны скупщиков, я ничего не могу.

— А я могу указать тебе этот источник, — неожиданно заметил Аксель, — хотя, думаю, слова мои тебе не слишком понравятся. — Африканец невольно напрягся и вопросительно посмотрел на друга. — Приготовился? Это Ян. Думаю, кто-то давно к нему прилепился и потихоньку буравит ценную породу, а стружку не выбрасывает, а, наоборот — аккуратно собирает и привозит сюда, на Землю.

— Трепло! — с выражением произнес Алекс.

— Да не трепло я, — фыркнул в густые усы Сол. — Просто я вижу то, чего вы, братцы, по своей близорукости не замечаете. Могу добавить, что Ян ковыряют не первый год, а может быть, и не один десяток лет, потому что быстро такую массу золота в наших условиях не обналичишь.

— Ну, как раз это легко проверить, — заметил Мтомба. — Завтра же я вышлю сторожевой эсминец, и они просканируют всю поверхность Яня на километр в глубину, и если кто-то там орудует, не беспокойся, найдут. Согласен?

— И да, и нет, — неожиданно уклончиво откликнулся Аксель. — Пока не знаю.

— То есть?

— Алекс, — вместо ответа обратился к Блэк-филду Хук, — ты не пробовал проследить динамику заключения сделок?

— А как же! — улыбнулся маклер. — Плавная синусоида, к настоящему моменту практически сошедшая на нет.

— Но ведь это значит... — прошептал Мтомба. Он понял! Аксель с любовью посмотрел

на африканца. Нет, он никогда не считал друга недалеким человеком, просто знал, что тому, как и большинству «тельцов», необходимо время на осмысление, что ум Оварунги, если можно так выразиться, глубок, но нетороплив.

— Это значит,— заговорил вместо него Аксель,— что сошедшая на нет волна потребительского спроса на высокотехнологичные фирмы — часть плана, ведущего к предполагаемой нами ужасной цели.

— Ужасной...— Вот дьявольщина! Действительно ужасной! Мтомба попытался представить, что произойдет в будущем, если в ближайшие несколько суток не удастся сдержать тайную пока экспансию неизвестных, и не сумел.

— Исходя из масштабов, иного определения я не подберу,— ответил Аксель.— Могу лишь повторить уже сказанное: за нынешним переделом собственности наверняка стоит мощная организация, действующая с дьявольской тщательностью и стремительностью, а главное — в полной тайне. Этой тайны мы лишь коснулись, получили гору трупов и ни единой зацепки. А сколько было задействовано людей, я даже боюсь предположить. Вдумайся,— сейчас он обращался исключительно к Мтомбе,— финансисты, юрисконсульты, биржевые маклеры... Кто-то ведет поиски, кто-то — переговоры, в руководящие верхушки фирм вливаются новые люди...

— Не обязательно,— возразил прислушивавшийся к разговору Алекс.

— Мое предположение легко проверить,— парировал Хук,— но не это главное — прав я полностью или частично, все равно получается невесть откуда взявшаяся армия специалистов, о которых прежде никто и не слышал. Чем все эти люди занимались до сих пор? Кстати, Алекс, ты не пытался прояснить для себя кадровый вопрос?

— Нет.— Блэкфилд угрюмо помотал вихрастой головой.— По сути, я лишь из интереса занимался подборкой примечательных для меня фактов, а ресурс времени...— Он недовольно поморщился.— Сам понимаешь.

— Да ты не скромничай,— усмехнулся Аксель.— От нечего делать, коротая вечера за биржевыми сводками, ты обскакал — прошу простить, если таковой не существует в реальности — Экономическую Разведку Службы Безопасности Лиги! — Он выдержал эффектную паузу.— Кстати, не удивлюсь, если наш общий друг, Мтомба, начнет осаждать тебя предложениями о переходе к нему на службу.

— А ведь это мысль! — Эбеновое лицо африканца расплылось в белозубой улыбке.— Никакой Экономической Разведки у нас и в помине нет, но в свете последних событий необходимость ее создания ни у кого не вызовет сомнений. Что, если ты ее возглавишь? — Он вопросительно уставился на явно ошеломленного Блэкфилда.

— Да я, право, не знаю,— замялся тот. Уж больно неожиданно прозвучало это предложение. Тут нужно взвесить все «за» и «против», продумать возможные последствия... Короче — время нужно!

— О нет...— простонал африканец, предчувствуя худшее.— Еще одной четырехлетней осады мне не выдержать!

— Четырехлетней...— Алекс перевел изумленный взгляд с Оварунги на Акселя и обратно.

— Именно столько наш общий друг мотал мне нервы, прежде чем сегодня утром дать согласие,— со вздохом разъяснил ситуацию директор Службы Безопасности.

— Так ты теперь в должности...— взял, наконец, себя в руки Блэкфилд и с уважением уставился на Акселя.

— Тайного Посланника по Особым Поручениям,— напустив на себя важный вид, прояснил ситуацию Соломон.— Так что, прошу любить и жаловать.

— Это дело следует отметить.

Спонтанное предложение Алекса ни у кого не вызвало возражений. Они отметили назначение. Потом отметили его еще раз, потом еще, еще и еще. Подобно черной молнии, лимузин мчался в ночи, светом фар выхватывая из тьмы все новые участки оставшегося до цели пути. После седьмого или восьмого тоста Алекс дал согласие возглавить

Экономическую Разведку, и все трое принялись с усердием отмечать двойную удачу Мтомбы, предвидя скорый крах противника и собственную победу. Подвыпивший Аксель заметил, что не часто в один день столько дураков

попадает на крючок удочки неумелого рыбака по имени Мтомба.

* * *

Набравшийся накануне Аксель не помнил многого: ни куда они приехали, ни когда это произошло, ни как он сумел добраться до постели. Говоря проще, он вообще ничего не помнил. Тем не менее, утро встретило его пробивающимся сквозь плотные шторы ослепительно ярким солнечным лучом. Он нехотя перевернулся на другой бок. Кровать под ним пронзительно-жалобно скрипнула, окончательно выбивая остатки сна. Он понял, что заснуть больше не удастся, откинул одеяло в сторону и сел, изумленно оглядываясь по сторонам.

Воспоминания о прошедшем дне по капле просачивались в сознание. Первым делом он вспомнил, что здорово надрался накануне, но голова не болела, а от чрезмерного возлияния осталась только ледяная пустота в сознании. Эта форма похмелья изредка посещала его и, хотя и не сопровождалась иными болезненными ощущениями, справедливо причислялась К одной из самых неприятных категорий состояния организма, о котором сигнализировал и металлический привкус во рту.

Аксель стянул со спинки кресла в изголовье роскошный халат, даже не задумавшись над вопросом, откуда тот взялся. Он отправился на поиски необходимого сейчас лекарства, по опыту зная, что клин легче всего вышибается клином. Запахнув полы и сделав два шага к низкому столику у стены, он обнаружил, что некто неизвестный позаботился не только о халате. Воздав хвалу неизвестному, он отпил из граненой бутылки и вскоре почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы проявить интерес к окружающей обстановке.

Комната, в которой он находился, больше всего походила на просторный каземат с узкими окнами-бойницами, сводчатыми потолками, плавно переходящими в сложенные из гранитных блоков стены и крепкими дубовыми дверьми с бронзовым зарешеченным смотровым окошком наподобие тюремного. Хук понял, что находится внутри замка, цитадели либо чего-то похожего, чего давно уже не строят. Тут дверь отворилась, и в комнату вошел Мтомба. Аксель как раз завершил повторный осмотр апартаментов, но ничего достойного внимания не обнаружил. Не произнеся ни слова, Оварунга опустился в кресло и кинул на стол кипу утренних газет.

Аксель отставил стакан и взял со стола внушительную стопу бумажных листов. Ему не пришлось утруждать себя поисками. Еще издали он заметил обведенные красным фломастером редакционные статьи и, расправив белоснежные полотнища на коленях, углубился в чтение.

«Сегодня утром президент и владелец компании «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» Бьёрн Стенсен созвал пресс-конференцию и объявил о начале производства гиперпространственных приводов полного спектра грузоподъемностей без использования в конструкции редкоземельных элементов и, как следствие, по цене, не превышающей пятнадцати процентов нынешней».

Аксель откинул газету, скользнул по хмурому лицу Мтомбы мимолетным взглядом и перешел к следующей, где тоже имелась обведенная фломастером заметка.

«Паника на бирже! Через десять минут после проведенной Бьёрном Стенсеном пресс-конференции акции правительственных компаний аналогичного профиля упали на шестьдесят пунктов! Всеобщая паника привела к временному прекращению торгов, сколько продлится пауза, никто сказать не в состоянии! Эксперты предрекают скорый крах промышленности, поскольку до шестидесяти процентов мирового производства так или иначе задействовано в подрядных и субподрядных контрактах!»

Аксель откинул очередной лист в сторону. Здесь все понятно. Значит, Стенсен не врал, значит, ему действительно удалось добиться того, над чем безуспешно бились многие институты в течение десятков лет — создать дешевый гиперпространственный движок.

«Мы обратились за консультацией в Академию наук. Профессор Старк выразил полнейшее недоумение касательно принципов, заложенных в проект нового поколения гиперпространственных приводов, но предрек аналогичную судьбу и фирмам-производителям субсветовых двигателей, поскольку заложенные в них принципы аналогичны. Что же касается ядерных приводов, то, похоже, уже лет через пять их можно будет увидеть только в музеях».

Одну за другой он пробежал взглядом оставшиеся издания, но во всех размещалась стандартная информация, как и полагается при сенсации подобного масштаба. Он поднял взгляд на Мтомбу, и тот, наконец, заговорил:

— Везде одно и то же,— констатировал он.— В деловых кругах царит паника! Финансисты пребывают в растерянности! Эксперты в один голос твердят о грядущем крахе и резком падении уровня жизни населения!

Мтомба выразительно посмотрел на друга, словно именно его считал повинным в случившемся. В этот момент в дверь постучали.

— Войдите! — крикнули оба в один голос.

Дверь отворилась, и на пороге появился облаченный в такой же, как у Акселя, халат и шлепанцы на босу ногу Алекс. В правой руке он держал запотевшую бутылку виски и старательно прижимал ее попеременно ко лбу и вискам. Синие круги под глазами яснее слов говорили о его самочувствии. Он остановился на пороге, окинул друзей внимательным взглядом и хриплым голосом изрек:

— Не нравитесь вы мне... Какие-то вы мрачные... Плохо выглядите...

Парень явно пытался завязать беседу, но получалось это у него далеко не образцово. Мтомба с Хуком хмуро переглянулись. Выглядят они, видишь ли, плохо...

— В зеркало посмотришься,— огрызнулся Хук.

Мтомба мрачно оскалился: он тоже выглядел неважно и знал об этом. Блэкфилд болезненно поморщился. Что ж, как говорится — намек понял. Грубо, зато доходчиво. Алекс вздохнул, качнулся вперед, и ввалившееся в комнату тело потянуло за собой заплетающиеся ноги. Таким вот странным аллюром он просеменил к свободному креслу и, громко охнув, повалился на мягкое сидение.

— Голова болит? — участливо поинтересовался Аксель.

— Змей бородатый,— беззлобно ругнулся Алекс, отнимая от головы емкость.

— Ты неправильно применяешь микстуру. Содержимое следует принимать внутрь — через стекло не подействует,— терпеливо объяснил Сол допущенную слабоумным другом ошибку.

— Да я с этим и пришел,— откликнулся Блэкфилд, показывая, что Сол напрасно опасался — ситуация не столь безнадежна.— Одному-то нехорошо...

— Бродить по коридорам с такой, как у тебя, мордой нехорошо,— заметил Аксель, забирая из его рук бутылку. В два оборота пробка отделилась от горлышка, и янтарная жидкость потекла в высокие стаканы, весьма к месту подставленные Мтомбой.— Давайте-ка, приведем себя в порядок,— молвил Аксель, протягивая наполненные стаканы друзьям.

Морщась и вздрагивая, Алекс заставил себя выпить содержимое и, шумно выдохнув, откинулся на спинку кресла. Некоторое время страдалец сидел, закрыв глаза, потом веки его раздвинулись, и он окинул приятелей явно повеселевшим взглядом.

— Чем это вы тут без меня занимаетесь? — Ожившие глаза неуместно, словно инородные тела, смотрелись на серой отечной маске лица.

— Оклемался, родимый? — вопросом на вопрос ответил Аксель, передавая другу кипу принесенных Мтомбой газет.

Алекс взглянул на него вопросительно, но говорить ничего не стал, вовремя заметив помеченные фломастером статьи. Не задавая вопросов, он углубился в чтение. По мере того,

как смысл текста доходил до него, выражение лица трансформировалось от глуповатой растерянности огорошенного неожиданным известием алкаша до трагической маски умудренного опытом мужа.

— Что скажешь, маклер? — ехидно поинтересовался Аксель. — Что нам пророчат мистеры Доу и Джонс?

— А что тут скажешь? — Проигнорировав замечание насчет индекса Доу-Джонса, Алекс пожал плечами и еще раз пробежал взглядом статьи. Он еще не настолько пришел в себя, чтобы кощунствовать над святыми для любого финансиста понятиями. — У жизни в запасе всегда найдется сюрприз.

— Я ожидал от тебя ответа поумнее, — строго заметил Мтомба. В отличие от Алекса он вообще не был настроен шутить.

— Вот как — поумнее, — медленно проговорил Блэкфилд. — Что ж, изволь. Могу ответить иначе. — Шаркнув шлепанцем по дорожному паркету, он церемонно закинул белую волосатую ногу на ногу и по привычке попытался щегольски поддержать брючину, но тут же сконфузился, не обнаружив таковой. Аксель оскалился в беззвучном хохоте, которого Алекс почел за благо не заметить. — Я не верю в крах. Считаю, что для одних подобные заявления — попытка сделать себе имя на сенсации, для других — обычная игра на доверчивости обывателя. Третьи просто не разобрались и подхватили лозунг, чтобы не отставать от лидеров...

— Но никто не выступил против! — воскликнул Мтомба. — Ты понимаешь?! Никто! Вот что меня тревожит!

— Это рефлексорное! — Вялым взмахом холеной руки Блэкфилд небрежно отмел возражения. — Для того чтобы идти против всех, необходимы знания и смелость. — Он посмотрел на внимавшего его сентенциям африканца и поспешил добавить: — Подумай сам — всегда приятней оказаться в дураках в компании с другими опростоволосившимися пророками, нежели противопоставить себя всем и вляпаться в лужу одному. Люди — животные стадные... — Он сокрушенно пожал плечами и вдруг оживился. — Я вам вот что скажу: трудности возникнут неизбежно, но ни о каком крахе и речи быть не может!

— Смелое заявление, — заметил Мтомба, приготовившись слушать дальше, и мельком взглянул на Хука. Тот промолчал, но кивнул, не уточнив, правда, с кем он сейчас соглашается.

— Давайте порассуждаем, — продолжал развивать свою теорию Блэкфилд. — Что произойдет завтра? Что нас ожидает еще через день, когда минет первый, вызванный неожиданностью, шок? Что случится через неделю, через месяц? Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы предсказать следующее: для конкурентов мистера Стенсена настанут трудные времена, потому что столь специфическое производство, как предприятие по выпуску гиперприводов, быстро не перепрофилируешь. Если они не сумеют повторить фокуса «Вестерн Юнион Инкорпорейтед», то им придется либо ему же продать дело за бесценок, либо... у того же Стенсена купить лицензию на производство двигателей по его революционной технологии.

— Предположим худший из возможных вариантов — «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» стал монополистом на рынке производителей суб- и гиперсветовых двигателей, — подсказал Мтомба, и продолжил развивать собственную мысль. — Вряд ли вчерашние конкуренты пожелают идти на поклон к победителю... Что им в таком случае остается? Ты упомянул о перепрофилировании? Но рынок и так забит не находящими сбыта товарами... Сам знаешь — официальная рабочая неделя для граждан Лиги всего лишь десять часов...

Африканец задумался.

— Если взять за отправную точку твои рассуждения, то получается парадоксальная ситуация, ты не находишь? — заметил Аксель, отвлекая Мтомбу от прочих мыслей. — Остановившиеся предприятия разоряется. Зато Стенсену никто не в состоянии помешать взвинтить цены на свою кардинально подешевевшую продукцию, зато при первой же

попытке нарушить монополию «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» Стенсен тут же скинет цены и разорит конкурентов. Положение у него, прямо скажем, бесприкрытое.

Мтомба выглядел мрачно. Будучи правительственным функционером, он не мог не думать в первую очередь о благе государства. Лига контролировала больше половины производства приводов и почти девяносто процентов звездолетостроения. Это огромные деньги. Больше того — именно в этой сфере сосредоточена передовая техническая мысль Земли, и если отрасль постигнет крах, неизбежно настанут тяжелые времена и для остальных сфер экономики. Экономика, подобно живому существу, функционирует, как единое целое. Если человек получил инфаркт, то и остальные части его организма окажутся мало на что годны.

— Я не разделяю твоего пессимизма, Аксель, — вновь заговорил Блэкфилд. — Если рынок производства двигателей обрушится — а он непременно обрушится, — то Стенсену волей-неволей придется резко расширять производство, а, значит, идти на огромные вложения...

— Он вполне может выкупить за бесценок предприятия обанкротившихся конкурентов, — подкинул еще одну идею африканец. — Многие окажутся рады получить хотя бы остаточную стоимость мертвого производства.

— Разве что сегодня, — вмешался в разговор Хук. — Прямо сейчас, но столь крупные сделки не проводятся в один день.

— Не понял, — изрек Мтомба.

— Сол прав, — поддержал друга Алекс. — Завтра сегодняшние жертвы краха опомнятся и сообразят, что никто не станет строить дорогостоящие технологические линии при наличии уже существующих. Остается два варианта: продажа нерентабельного производства по более низкой нежели сейчас цене, либо все остаются на своих местах, и Стенсен начинает бодрую торговлю лицензиями.

— Ай да Стенсен! Каким бы боком ни обернулась к нему фортуна, он-то наверняка руки нагреет, ведь после вызванного переоснащением спада деловой активности начнется настоящий бум! — восторженно воскликнул Блэкфилд. — Кто захочет летать на старых ядерных калошах, когда по той же цене можно будет приобрести слишком дорогой сейчас субсветовой лайнер?!

— Плюс дальний космос, о котором в настоящее время больше мечтают и куда почти не летают, — заметил Аксель и сочувственно посмотрел на Мтомбу.

— И я предвижу новую волну нападков на Лигу с требованиями закрыть, наконец, унесший столько человеческих жизней янский проект ввиду его очевидной ненужности, — мрачно провозгласил Мтомба. Блэкфилд поморщился и отвел взгляд. — Им даже не придется особенно стараться. Мы рассчитывали снизить цены на приводы до двадцати пяти, минимум двадцати процентов нынешней стоимости, а они говорят о максимум пятнадцати, а то и десяти процентах!

Некоторое время все трое молчали, осмысливая создавшуюся ситуацию.

— А ведь Стенсен — один из немногих уцелевших, — неожиданно заметил Алекс.

На Мтомбу было страшно смотреть. Его черное лицо посерело от прилива крови, желваки играли на скулах, губы дрожали. Хук невольно вздохнул, потом немного подумал и тронул друга за руку.

— Не все так уж скверно, — попытался он успокоить африканца, еще не представляя, к каким аргументам прибегнет через минуту. Просто он по опыту знал, что жизнь всегда оставляет лазейку, нужно только суметь ее отыскать.

— Не надо меня успокаивать! — отмахнулся Оварунга.

— Я говорю серьезно, — продолжал Сол. — Подумай сам. Заменить золото или платину чем-то не слишком дорогим — хорошо, но цена готового продукта складывается не только из стоимости сырья. Если директорат Лиги не станет, подобно тебе, предаваться унынию, а заключит партнерские соглашения со вчерашними конкурентами, то, при условии оперативно организованных поставок полиметалла с Яна, сумеет одновременно с «Вестерн

Юнион Инкорпорейтед» поставить на рынок дешевые приводы.

— Которые, тем не менее, на пять, а то и на все десять процентов дороже новинки Стенсена,— огрызнулся Мтомба. Огрызнулся, скорее, по инерции, потому что вдруг понял, что замечание друга позволяет взглянуть на проблему с иной, оптимистической точки зрения.

— Но которых никто и в глаза не видел,— пожал плечами Аксель. Возражение прозвучало тем более веско, что родилось одновременно и в головах остальных собеседников.

— Верно! — поддержал его Алекс.— Заявить можно все, что угодно, но что их двигатели представляют собой на самом деле?! В то время как старые приводы пусть и дороги, зато надежность их подтверждена десятилетиями эксплуатации!

— К тому же не забывай еще об одном аспекте: чем большими партиями выпускается продукция, тем дешевле единица изделия,— добавил Сол еще один аргумент.— Здесь предприятия Лиги имеют несомненное преимущество перед «Вестерн Юнион Инкорпорейтед».

— Если я правильно вас понял, то мы еще и прибыль получим...— Мтомба хмыкнул и невесело покачал курчавой головой. Все-таки настоящие друзья — великое подспорье в беде!

— Твоя ирония великолепна, дружище.— Усмехнулся Аксель.— Только не надейся меня разжалобить. Я тебе вот что скажу: Стенсен решился в одиночку противостоять всем. Кстати, я с ним разговаривал накануне отлета на Ян и скажу честно: он произвел на меня впечатление сильного человека, который ясно представляет, что делать, а главное, знает ответ на вопрос: как добиться желаемого? Он тщательно все продумал, или, по крайней мере, уверен, что все предусмотрел. Помнишь наш вчерашний разговор? Стенсен серьезный противник, но даже если наши вчерашние выкладки верны, рано сдаваться — предстоит трудная борьба. Трудная, заметь, но не безнадежная. О капитуляции и речи нет!

— Если он таков, как ты говоришь, то не может этого не понимать, а, значит, приготовился к драке, чего не скажешь о нас. Ты ведь знаешь старую истину: кто подготовился к сражению, наполовину победил.

— Тем более, не время киснуть, как баба! — гаркнул Аксель.— Уверен, Стенсена перспектива борьбы не наводит на мысль о капитуляции. Что с тобой случилось, Мтомба? Ты же всегда бойцом был!

Африканец ответил на реплику Акселя гневным взглядом, но тот не отвел глаз. Блэкфилд с интересом следил за безмолвным поединком. В молодости Аксель всегда выигрывал. Чуть адекватнее реагировал он на события, чуть дальновиднее оценивал ситуацию, немного трезвее относился к невзгодам, капельку быстрее соображал... Интересно, изменилось ли что-нибудь за истекшие годы? Некоторое время двое состязались, как в молодости, пока Оварунга не отступил. Ничто не изменилось...

— Ты прав, друг,— признался в поражении Мтомба.— Слишком на меня подействовала магия цифр.

— Я тебе вот что скажу,— добавил Хук, не заостряя внимания на закончившемся поединке,— перед самым моим отлетом на Ян Стенсен предлагал мне выгодный контракт. По его словам, из проектного бюро фирмы похитили документацию на привод, не использующий драгметаллов. Он ни словом не обмолвился о производстве или испытаниях чего-то реально существующего. Наоборот, у меня создалось впечатление, что документация — это все, чем он обладал в тот момент. И что потеря ее будет полным крахом замыслов Стенсена.

— Ты хочешь сказать...— неуверенно начал Мтомба.

— Что он блефует? — подсказал Аксель.— Не-ет. Я просто подумал сейчас, что мистер Стенсен уже тогда планировал разразившийся сегодня кризис и, отговаривая меня от полета, попросту пытался выиграть время. Похоже, у «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» тоже не все идет гладко — они в цейтноте. Так что не удивлюсь, если вскоре после начала производства

сенсационной новинки «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» захлестнет поток рекламаций. И вообще, нутром чую, что-то здесь нечисто. Я, конечно, не специалист, но в свое время интересовался гиперприводами. Экспериментальные работали надежно, но перемещать могли практически лишь собственный вес. Доработка же и устранение недостатков неизбежно приводили к применяемой ныне дорогостоящей системе.

— Значит, Стенсен сумел обойти все трудности,— небезосновательно заметил Блэкфилд.

— Вероятно, ты прав. Мы можем только догадываться о том, что он сумел, а чего нет, но сейчас это не имеет значения. Повторяю: главное то, что никакого краха не предвидится. Это — во-первых, а во-вторых — вашим директорам пора очнуться от многолетней спячки, вытащить задницы из мягких кресел и заняться, наконец, своими прямыми обязанностями.

— За что я тебя люблю, Аксель, так это за способность никогда не унывать! — усмехнулся африканец.

— Это верно,— не без удовольствия согласился он.— А вот ты, как я погляжу, расклеился. Давай-ка сходи, сделай пару-тройку звонков, свяжись со своими. Пусть впрягаются в работу, пока Стенсен не перехватил контракты уцелевших независимых подрядчиков.

— У Лиги не хватит средств! — буквально простонал африканец.

— Не нужно заводить разговор о покупке! — терпеливо объяснил Сол.— Пусть договариваются о поставке сырья по демпинговым ценам.

Оварунга уважительно посмотрел на друга, не стал спорить, кивнул и вышел.

— Посланник!...— хитро усмехнулся Алекс, едва дверь за Мтомбой закрылась.— А ведешь себя, как Председатель Совета Директоров! Диктатор! — резюмировал он.

— Брось! — небрежно отмахнулся Аксель.— У директоров сейчас головы кругом идут. Подсказка Мтомбы может оказаться весьма кстати, хотя...

— Хотя? — насторожился Блэкфилд.

— Хотя, думаю, вряд ли это поможет,— несколько неожиданно пояснил свою мысль Аксель. Вернее, не пояснил, а подпустил для маскировки шапку дыма.

— Вот те раз! — усмехнулся Блэкфилд.— А я думал, ты у нас оптимист!

— Мой оптимизм тут ни при чем,— заметил Сол.— Просто я пытаюсь размышлять, и размышления приводят меня не к слишком приятным выводам.— Он взглянул на друга, как бы приглашая того поразмышлять вместе.— Давай-ка, суммируем наши вчерашние и сегодняшние выводы. Гипотезы гипотезами, Но если правда, что именно Стенсен заранее позаботился и об устранении конкурентов, и о монополии на производство, то наша милая беседа приобретает зловещую окраску.

— Перестань, Аксель. Слышал, что сказал Мтомба? У Лиги не хватит средств! У Лиги, понимаешь?! А ведь мы сейчас говорим об одном человеке,— произнес он уже спокойнее. Видно, приведенные доводы подействовали, по крайней мере, на самого говорившего.

— А я не говорю об одном человеке,— спокойно возразил Аксель.— Я говорю о группе людей, из которых нам пока известен только один,— еще более спокойно добавил Хук.

— Ты это серьезно? — Алекс немного растерялся. Он вдруг взглянул на события последних суток как бы сверху. Еще вчера жизнь размеренно текла по привычному руслу, и вдруг все рухнуло в бездонную пропасть.

— А ты вспомни о собственных выкладках.— Аксель выразительно посмотрел на Блэкфилда.— Вспомнил? — И по тому, как медленно менялось выражение лица друга, осознал — да, вспомнил.

— Объясни мне тогда смысл твоего словесного... фонтана,— рефлексивно огрызнулся он.

— Осторожность никогда не помешает — ответил Аксель. К тому же, не исключено, что одного или другого мудреца из Директората посетит светлая мысль... раз уж так скверно сложилась конъюнктура — уступить принадлежащую Лиге часть рынка расторопному

частнику. Одним махом, кстати, избавившись и от болезненного янского вопроса. Как тебе такой расклад? — Он вопросительно взглянул на Алекса.

— Не нравится мне подобная перспектива,— признался Блэкфилд.— И даже если наш переменчивый друг дозвонится до кого следует и добьется успеха, не знаю...— Он невольно осекся.— Похоже, в сложившейся ситуации даже при идеальном для Лиги раскладе, драка предстоит нештучная.

— Верно.— Аксель держался спокойно. Настолько спокойно, что создавалось впечатление — он все знает наперед и сейчас лишь сверяет висящую перед мысленным взором хронологию предстоящих событий со словами друга.— Но еще хуже,— продолжал Сол,— если борьба, по сути даже не начавшись, уже закончилась, и нас сочли нужным известить лишь о ее завершении.— Он задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.— Нет! — внезапно решил он.— Я непременно должен поговорить со Стенсенем!

— Ты с ним в столь близких отношениях? — Алекс недоверчиво покосился на друга.

— Какие же вопросы ты собираешься задать мистеру Стенсену?

Аксель и Алекс обернулись. В дверях стоял Мтомба и молча слушал их разговор.

— Сказать по правде, я об этом еще не думал,— честно признался Аксель. Алекс изумленно посмотрел на приятеля.

— Ответа примерно такого рода я и ожидал,— мрачно кивнул Мтомба, всем своим видом давая понять, что, как и прежде, не одобряет склонности друга к различного рода авантюрам.

— Я полностью с тобой согласен,— поддакнул Алекс. Ведь это надо додуматься! Если хотя бы половина из того, что они вчера нафантазировали, верна, то назад вполне можно и не вернуться!

Аксель обвел приятелей удивленным взглядом и пренебрежительно фыркнул. Два перестраховщика — тени своей бояться! А главное, какое единодушие... И ведь оба не пьяны, и не под гипнозом...

— А что, собственно, вас не устраивает в моем желании получить информацию из первых рук? — поинтересовался он.— Любую информацию, вне зависимости от того, окажется она полезной или нет?

Мтомба открыл рот и тут же закрыл его — нужный ответ упрямо не шел на ум. Алекс нахмурился. А ведь на в самом Деле речь-то идет не о краже со взломом, даже не о вторжении в чужое жилище.

— Ну, не знаю,— признался Мтомба.— Не хочется мне, чтобы ты туда ехал.

— Отличный ответ! — Аксель удовлетворенно рассмеялся.— А главное — не содержит и намека на объяснение причины.— Может, со второй попытки получится? — поинтересовался он, но оба его оппонента молчали.— Ладно.— Хук посерьезнел.— Тогда я попытаюсь угадать: ВЫ ОБА БОИТЕСЬ,— ровным голосом произнес он, и Мтомба непроизвольно вздрогнул, а Алекс нахмурился. Ага, братцы, значит, стрела угодила в цель! — Вы опасаетесь, сами не знаете чего, и это обстоятельство не нравится вам. Но попытайтесь определить его первоисточник.— Он вопросительно посмотрел на одного, потом на другого.— Да просто дело здесь нечисто.

— Тем более! — Африканец упрямо стиснул зубы. В особенности его злило осознание того факта, что все убеждения напрасны. Аксель решил действовать и будет поступать так, как решил, какие бы доводы он, Мтомба, ни приводил.— Беда придет к тебе сама,— сказал он.— А ты прешь на рожон!

Алекс кивнул, показывая, что полностью согласен с точкой зрения друга, но не проронил ни слова. Спелись! Хороши, нечего сказать!

— А беда уже пришла! — рывкнул Аксель.— Вот только ни ты, ни я не оказались готовы к встрече.— Мтомба промолчал, и только по лихорадочно затрепетавшим ноздрям можно было судить о том, чего ему стоило это молчание.— Ты не хуже меня знаешь закон: либо ты, несмотря ни на что, идешь вперед, либо неизбежно отстаешь от лидера.

— Ну, хорошо,— наконец сказал Оварунга.— Чего ты хочешь добиться?

— Сам не знаю,— повторил Аксель и беззаботно пожал плечами.— Просто чувствую, что между утренним экономическим переворотом, событиями на Яне, гибелью Анны и приведшим к гибели Лори покушением на меня существует невидимая связь. Мне хотелось бы сделать ее зримой и проследить, куда ведет ниточка.

— Должен тебя огорчить,— Мтомба поморщился.— Ты еще этого не знаешь, но дело в том, что Анна — дочь Стенсена. Не думаешь же ты, что он собственное дитя принес в жертву прибыли?

— Вот черт! — Аксель вскочил и возбужденно зашагал по комнате. Чего-чего, а такого поворота он явно не ожидал. Хорош бы он был, явившись в дом Стенсена и с глупейшим апломбом обвинив его в убийстве собственной дочери!

— Быть может, передумаешь? — с надеждой в голосе поинтересовался Мтомба.

— С чего бы это? — рассеянно откликнулся Аксель, прекрасно понимая, что друг прав, и момент для визита не слишком удачен; но ведь время не терпит!

— Значит, я тебя не убедил... — Мтомба искренне огорчился. Чудак! Зная друга, как никто другой, он мог бы и заранее предугадать подобный результат.

— Ну, почему же? Я разговаривал со Стенсеном и не сомневаюсь, что такой, как он, человек скорее бросит бизнес ради спасения дочери, чем наоборот. Однако ничуть не менее я уверен в другом — не он отдает приказы киллерам. В любом случае, эта история с полетом Анны на Ян ставит больше вопросов, нежели дает ответов. Зачем дочери состоятельного родителя лететь в такую даль? К чему подвергать себя опасностям? И, наконец, почему глава семейства лично не позаботился о безопасности наследницы? В их семье явно не все гладко, вот только рассуждать об этом сейчас вряд ли стоит. Важнее другое — в твое отсутствие я уже говорил об этом Алексу. Стенсен, на мой взгляд, не лидер, но лишь один из многих, а смерть Анны, как бы ни была она тяжела для меня и для Стенсена, является хорошим поводом для визита.

— Ты забываешь о том, что есть вещи и поважнее: через несколько дней тебе предстоит выступать перед Советом Директоров, и от этого выступления будет зависеть очень многое, если не все.

— Надо, значит выступлю.— Аксель равнодушно пожал плечами — его мысли гуляли явно далеко от обозначенной Мтомбой проблемы.

— Надеюсь, ты не забыл о вчерашнем? — напомнил африканец.— Кто-то стремится тебе помешать. Не забывай: ты у нас единственный живой свидетель.

— Пусть стремится.— Напоминание явно не подействовало на Хука. За свою долгую карьеру профессионального авантюриста он привык к опасной близости смерти. Не раз она протягивала к нему свои костлявые руки, но так ни разу и не сумела дотянуться. Лишь пугающе щелкала костяшками пальцев, но Аксель в ответ только смеялся. С какой стати именно теперь праздновать труса? Разве он не прежний?

— Ты должен быть осторожен,— гнул свое Мтомба.— Осторожность — мать Победы.

— Была бы осторожной, не стала бы матерью,— отмахнулся Сол.

Молча следивший за разговором Алекс фыркнул. Аксель в своем репертуаре!

— Послушай, Мтомба, если ты что-то от меня скрываешь, то сейчас самое время все рассказать. Если нет, то перестань пугать меня призраками несуществующих угроз и сгущать действительно существующие проблемы.

Аксель вопросительно воззрился на друга. В самом деле — какого черта?! В конце концов все они в одной лодке!

— Токадо переметнулся,— нехотя признался Мтомба.— Я только что разговаривал с одним из секретарей Совета. Ситуация тревожная, более того: она развивается по предсказанному тобой сценарию. Получены весьма выгодные предложения, и шесть из пятнадцати директоров склоняются в пользу продажи принадлежащих Лиге предприятий.

— От кого исходят предложения? — быстро спросил Аксель. Собственно, этот вопрос являлся сейчас определяющим.

— Покупатель пожелал остаться неизвестным до момента подписания договора.

Алекс изумленно присвистнул. Сколько лет он занимается бизнесом, а такого не припомнит.

— Не свисти — денег не будет,— механически заметил Аксель, продолжая расхаживать по комнате. Внезапно он остановился и, словно решившись на что-то, направился в душевую, на ходу скидывая халат. Дверь за ним закрылась, и оставшиеся в одиночестве Алекс с Мтомбой переглянулись.

— Сол совсем не изменился,— с усмешкой заметил Блэкфилд.— По-прежнему из всех возможных продолжений он выбирает то, что ближе всего к драке.

— В данном случае думаю, что он прав, несмотря на все мои предостережения. События разворачиваются стремительно, а мы не только не в силах влиять на них, но даже не знаем, кто противостоит нам, каковы его цели... Нет, он определенно прав. Образно говоря, нас поставили на мостик и дожимают, а мы и противника в глаза не видели! Нет, прав Аксель,— в третий раз повторил он, словно убеждая самого себя,— с чего-то начинать следует. Пусть проведет разведку боем, тем временем ты завершишь свой экономический анализ, а я спущу с цепи своих людей — пусть выясняют, кто стоит за покупками.

* * *

В тот день Аксель так и не осуществил своего намерения. До самого вечера трое затворников ругались, пили, вновь ругались, ели, ругались опять, пока, наконец, исходя из сложившейся ситуации, не пришли к единой точке зрения на необходимую последовательность действий. Удовлетворенные, они разошлись спать с тем, чтобы утром убедиться, что ошиблись в предположениях, и события развиваются по совершенно иному руслу...

* * *

— «Старз» официально объявила о прекращении своей деятельности! — Мтомба с порога объявил неприятную новость.— «На срочно созванной пресс-конференции Майк Мейерс заявил, что в создавшейся после вчерашних событий ситуации директорат „Старз“ не видит возможности проводить независимую финансовую политику, отстаивать оригинальную философию двигателестроения, всегда отличавшую продукцию „Старз“, а без перечисленных только что составляющих нет и самой „Старз“».— Мтомба закончил цитату и пробежал глазами окончание статьи.— Далее следуют поздравления Бьёрну Стенсену, пожелания ему всяческих успехов в новом, революционном начинании и заверение потребителям, что все взятые на себя обязательства фирма выполнит и лишь после этого начнет сворачивать производство. Что сам он преисполнен скорби, но иного выхода не видит — становиться придатком более удачливого конкурента такой компании, как «Старз», не подобает... В общем, все это уже не имеет значения.— Со вполне понятным ожесточением он швырнул на стол внушительную кипу утренних газет.

— Вот, любуйтесь! «Интернешнл Гералд Три-бюн», «Дейли Уорлд», «Файнешнл Тайме» и прочие в один голос подхватили новость, щедро снабжая ее комментариями экспертов,— сообщил Оварунга.— Те заливаются, как соловьи, в один голос утверждая, будто сами не ожидали, что вчерашние предсказания обвала рынка начнут сбываться уже сегодня. Ясно как день, что в самое ближайшее время последуют аналогичные заявления подрядчиков; что же касается более мелких фирм-производителей, то они попросту лишены шансов на выживание. Вот так!

— Тебе ничего не показалось странным? — спросил Аксель. Он знал, что в создавшейся ситуации лучше всего занять друга не приходившей тому в голову проблемой.

— В смысле? — Мтомба вопросительно посмотрел на Сола.

— В том смысле, что молодой и энергичный владелец «Старз» даже не подумал оказать сопротивления: не попытался противостоять «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» в одиночку, не сделал даже попытки договориться с конкурентом о сотрудничестве, не обратился за поддержкой к властям, наконец! Просто капитулировал, безвольно и позорно подняв лапки вверх! Тебя это ни на какие мысли не наводит?

— У меня лично создалось впечатление согласованности действий. Уж больно все гладко и оперативно — вчера выступил Стенсен, сегодня Мейерс, завтра нас ожидают новые сюрпризы того же сорта... Словно Стенсен выстрелил из стартового пистолета, и его команда рванула вперед, а у наших подметки приклеились к колодкам!

— Что ты предлагаешь?! — спросил африканец.

— Я вижу два варианта развития событий. Первый, наихудший для нас, заключается в следующем: на совещании директората Лиги принимается решение продать Стенсену профильные предприятия. Если это произойдет — считай, говорить больше не о чем, ибо сим идиотским шагом Лига фактически самоликвидируется. — Он умолк. Такие вещи не обсуждают наспех. Необходимо все обдумать, все взвесить, а уж потом... повторить процесс еще раз, чтобы никакой ошибки не закралось.

Лицо Мтомбы посерело. Много о чем переговорили за истекшие двое суток, но он по-прежнему представления не имел о конечной цели заговорщиков и только сейчас, кажется, начал осознавать дальновидное коварство замысла. Не обладающее реальной силой правительство Лиги превратится всего лишь в театр марионеток в руках Стенсена и иже с ним. И это в лучшем случае. Он живо припомнил доводы Акселя о вполне возможном существовании заговора, гнездящегося пока на одной из тайных баз Пустынников, укрытой в недрах Пояса Астероидов.

— Что реально мы можем сделать, — спросил Алекс, — чтобы помешать воплощению этого предположения?

— Во-первых, — Аксель начал загибать пальцы, — необходимо приставить к неопределившимся членам директората негласную охрану. И не формально, по человечку, но по полновесной группе, включающей в себя спецов по наблюдению, боевиков, связистов и так далее. — Мтомба промолчал и только оскалился в мрачной усмешке. Здорово! Приставить тайных соглядатаев к членам правительства! Да за одно это его не только что со службы попрут... — Пусть пасут своих подопечных день и ночь, пусть спят у них под кроватями, мочатся в одном сортире. — Соломон Хук, подумал Оварунга, в своем репертуаре: главное — дело, и плевать на законность! — И запомни: лучше несусветный скандал и твоя отставка, чем наш провал на голосовании Совета. — Надо же... Он, оказывается, даже понимает, что предлагает... — Во-вторых, шестерка переметнувшихся. Немедленно заведи на них дела и пусти по следу самых опытных сыскарей. Пусть выяснят, где, когда и в силу каких причин эти шестеро приняли идущее вразрез с интересами Лиги решение. А главное — Токадо. Остальных я просто не знаю, но от него, честно скажу, не ожидал подобного ренегатства. Я не верю в то, что он добровольно отказался от своих взглядов. Либо его смертельно напугали, либо предложили столько... — Аксель покачал головой и замолк.

— Теперь все? — Мтомба уже полностью овладел собой и потому говорил спокойно.

— Что касается худшего из возможных предложений, то да, — пояснил Аксель. — Сразу оговорюсь, что лучшее из возможных продолжений вряд ли понравится тебе больше худшего. Оно всего лишь предлагает нам чуть больше времени и заключается в следующем: голосование заканчивается нужным нам результатом, и Лига отстаивает свою хозяйственную независимость, а, стало быть, и право на лидерство. Вопрос, к чему это приведет? Предприятия Лиги контролируют половину рынка суб- и гиперприводов и девяносто процентов космического судостроения. Причем в этих процентах сконцентрированы все правительственные заказы и крупнотоннажное производство. На долю остальных производителей остаются спортивные яхты, спасательные катера и прочая шелупонь.

— Ты хочешь сказать, что даже при лучшем раскладе Лига попадает в зависимость к

Стенсену? — уточнил Алекс.

— Именно,— кивнул Сол,— и что он предпримет в этом случае, остается только гадать. Быть может, бойкотирует правительственные фирмы, чтобы переманить на свою сторону недовольных покупателей и создать собственное крупнотоннажное производство, может — наоборот, решится на бархатное проникновение, да мало ли что еще он может придумать!

— Не понимаю, к чему ты клонишь...— Мтомба действительно не понимал и не стеснялся в этом признаться.

— Мысль простая. Если мы не ошиблись, и Мейерс только что дал сигнал к началу волны банкротств, то необходимо любой ценой сделать так, чтобы оборудование банкротов не прошло мимо наших рук.

Аксель не сомневался в собственной правоте, иначе попросту не решился бы советовать. И еще он понимал, что если Стенсен не получит контролируемых Лигой фирм, то у них останется очень мало времени для наращивания производства двигателей, чтобы довести его до ста процентов, и скупки оставшихся десяти процентов производства корпусов. Конечно, спортивные яхты не столь важны, но без спасательных шлюпок и грузовых челноков не отправится в рейс ни один лайнер или сухогруз. Не говоря уже о крейсере-матке, с целой флотилией истребителей.

— Но как?! — Они уже касались вопроса скупки производства конкурентов и разумного решения не нашли.

— Пока не знаю. Зато могу предсказать, что если этого не сделает Лига, тем же самым займется Стенсен и компания. Аксель пожал плечами, как бы говоря: ты не имеешь средств, но поскольку они нужны, отыщи их.— Для начала начни следствие,— подсказал он.— Пусть твои юристы выяснят подноготную всех сделок, какими бы законами ни охранялась их тайна.

— Думаю, это можно сделать,— подумав, согласился Оварунга.

— Прекрасно! — Алекс открыл роскошную папку крокодиловой кожи и положил на стол несколько листов.

— Список у тебя есть, и приставь к юристам по паре секретарей с наказом ни в коем случае не оставлять их с клиентами наедине. Еще лучше, если все беседы будут прослушиваться и протоколироваться.— Аксель с удовлетворением подумал, что в итоге все складывается не так уж скверно. Мтомба же поморщился, но промолчал, хотя последнее предложение пришлось ему явно не по вкусу.

— И что они должны искать? — Оварунга с удовлетворением проглядел список и не нашел ни одного незнакомого названия. Конечно, это не слишком много значило, но отсутствие «темных лошадок» всегда приятно.

— Пока не знаю,— пожал плечами Аксель.— Пусть ищут любую законную зацепку, какой бы идиотской она ни казалась.— Это было сказано таким серьезным тоном, что африканец едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

— Если бы ты подсказал...— весьма тонко намекнул он на недостаточность исходной информации. Алекс с интересом следил за беседой, но сам вступать в нее не торопился.

— В сводах федеральных законов субъектов Лиги существует немало глупых положений, доживших до наших дней лишь потому, что никому в голову не приходит обращаться к ним. Например, до сих пор на территории Мичигана запрещено плевать против ветра, а в Юте женщину могут заключить в тюрьму, если высота каблуков ее туфель превышает четыре сантиметра.

Несколько лет назад Аксель случайно наткнулся в Юридическом Вестнике на статью о необходимости серьезной переработки законодательств субъектов федерации, с тем чтобы согласовать их с общим для субъектов Лиги сводом законов. В качестве примера приводились древние, явно бессмысленные статьи, часть которых он почему-то запомнил и сейчас добросовестно процитировал.

— И что это нам даст? — По лицу Мтомбы ясно было видно, что он не испытывает

энтузиазма от предложенного Хуком плана действий.

— Пусть поднимут видеоархивы,— Аксель равнодушно пожал плечами, показывая, что все, что мог, он сделал, а остальное — не его забота,— и промеряют каблуки у всех попавших в кадр официальных лиц женского пола. Если окажется, что кто-то из вышеозначенных персон не чтит закон, тем хуже. Тяните ее в суд, аннулируйте сделку... Внушите своим людям, что главное — любым законным путем добиться аннулирования продажи.

— В прессе нас просто поднимут на смех! — с видом мученика простонал Мтомба.

— Пусть смеются. Здоровый смех продлевает жизнь,— философски заметил Аксель.

Африканец гневно взглянул на друга. Ему-то хорошо говорить... Пусть смеются! А впрочем... Быть может, так и надо: побольше думать о деле, поменьше о том, как доложить о нем начальству? Вот что действительно скверно, так это гора работы, которую предстоит вывалить на плечи своих подчиненных. И ничего с этим не поделаешь! Мтомба недовольно поморщился. Алекс его хорошо понимал, не понаслышке зная, что такое юриспруденция. Работа спецам Лиги предстояла адова, но, как ни странно, имела все шансы на успех. По крайней мере, сам он ни один десяток раз сталкивался с ситуацией, когда приходилось обходить идиотские препоны.

— Это не все,— продолжил Аксель.— Для тех сделок, которые не удастся аннулировать, необходимо найти любую зацепку с тем, чтобы помешать банкротам тишком вывезти оборудование в неизвестном направлении, продать его неизвестному лицу, попросту выкинуть на свалку или утопить в неизвестной точке мирового океана. Отчего-то мне кажется, что таких попыток в нашем деле не избежать. Идеальный вариант — все обанкротившиеся производства переходят в собственность Лиги.

— Жаль, не ты на моем месте,— невесело усмехнулся Мтомба, предвидя черные дни каторжной работы и плевки в своем направлении со всех сторон одновременно, которые не будут зависеть от метеорологических условий.

— Жаль,— согласился Аксель,— но с этим ничего не поделаешь. Я же немедленно отправляюсь к мистеру Стенсену. Думаю, самое время выразить ему свои соболезнования.

— Ты так и не отказался от своего намерения? — недовольно заметил Оварунга; и Алекс всем своим видом выказывал неодобрение.

— А почему я должен от него отказываться? — Хук понимал тревогу друзей, но не одобрял их упрямства. Как, в самом деле, можно настаивать на соблюдении безопасной пассивности, когда любая мелочь может оказаться решающей?

— Ну, хорошо,— сдался Мтомба.— Не стану с тобой спорить. Кстати, я знал, что этим дело и кончится, и навел справки... Не нравится мне ситуация в «Вестерн Юнион Инкорпорейтед». Твое имя там явно не в моде, уж и не знаю, почему. Не думаю, что стоит реально чего-то опасаться, но и теплого приема не жди. Будь настороже и помни о личном охраннике Стенсена. Зовут его Богомир, или Бо, но за глаза парня все называют Гризли.

— Он что, поляк, этот Гризли? — Интересно, чему или кому он обязан своей популярностью?

— Этот Гризли,— откликнулся Оварунга,— пожалуй, чуть пониже тебя будет, зато в плечах много шире. Поговаривают, он всерьез приударял за дочкой Стенсена, и папаша якобы не выражал недовольства. И еще я слышал, что он тебя винит в ее смерти.

Вон оно что... Оказывается, его записали в киллеры! Ну, ну...

* * *

— Ну, ты посмотри на него! — воскликнул Мтомба, едва лимузин скрылся за поворотом, и они с Алексом остались одни.— Раздает приказы, словно он полноправный монарх, а правительство Лиги — всего лишь одна из его многочисленных игрушек! Так сказать, марионеточный кабинет министров! Пошли в дом! — Он яростно махнул рукой и

направился ко входу в особняк. Алекс усмехнулся и поспешил следом за гигантом-африканцем, неуклюже переступая ногами в мягких, явно не предназначенных для прогулок на лоне природы шлепанцах.

— Чему ты удивляешься? — пожал плечами более спокойный Блэкфилд, нагнав в коридоре Оварунгу. — Лично я давно научился принимать Акселя таким, каков он есть.

Мтомба фыркнул как разъяренный камышовый кот и смерил друга возмущенным взглядом.

— Что тебя удивляет? — как ни в чем не бывало продолжал Блэкфилд. — Аксель относится к числу людей, — быть может, он один такой на свете, — кто любую проблему видит насквозь, сходу выявляя ключевые моменты и трудности, и тут же планируя способы их преодоления. Он тратит считанные секунды на то, на что у любого нормального человека уходят бесконечные минуты, часы, а подчас и дни напряженных раздумий. Так уж устроен этот парень — Соломон Хук, по прозвищу Акселератор! Все чувствуют его превосходство с первого взгляда, хотя почти никто и не осознает этого. Зато все беспрекословно подчиняются.

— Это то, о чем я и говорил, — почти спокойно согласился Мтомба.

— Возможно, — продолжил Алекс, — когда-нибудь Аксель встретит равного соперника, и тогда нашему другу придется отстаивать свое право на первенство, а пока все признают его беспрекословно. Тебя это раздражает? — Он испытующе посмотрел на друга. — Меня — нет.

— Ладно, дружище, — усмехнулся Мтомба, — идем выполнять указания, а то вернется Аксель... Ох и нагорит нам, если чего не успеем! Рука у него тяжелая...

* * *

По дороге в город Аксель пытался продумать план личной встречи с Бьёрном Стенсеном, но ничего у него не получалось. Степень неопределенности ситуации делала бессмысленными любые прогнозы. «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» являлась мощной корпорацией. Сами себя они называли сокращенно «Вьюинк», а потребители их двигатели называли «Вьюинками». «Вьюинки» отличались добротностью сборки, сравнительной тихходностью и высокой экономичностью, но большего Аксель как ни старался, припомнить не смог — никогда прежде он не имел дел с «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» и с этим фактом мог сейчас только смириться.

Он принялся вновь думать о предстоящем визите и вдруг вспомнил о Полномочном Секретаре Стенсена и секретарше Полномочного Секретаря. Воспоминание об их карикатурных образах настроило Акселя на несколько шуточный лад. Он попытался прописать сценарий личной встречи с каждым из них и сам не заметил, как машина затормозила у шикарного приземистого здания, выполненного в стиле ампира. Впрочем, Аксель не собирался тратить время на изучение образчика современной архитектуры и, быстро миновав двери, оказался в затененном прохладном холле. Четверо охранников остановили на нем тяжелые немигающие взгляды, не пробудив в Акселе добрых чувств, зато секретарша оказалась хорошенькой, совсем непохожей на секретаршу Гэри Бёрда. Аксель охотно ответил на приветливую улыбку девушки и подошел к ее столику, почти физически ощущая на себе настороженные взгляды охранников.

— Я непременно должен встретиться с мистером Стенсеном, мисс, — поклонившись, произнес Аксель.

— Аудиенция вам назначена? — не сомневаясь в ответе, поинтересовалась она, склоняясь к коммутатору, но заметив краем глаза отрицательное покачивание головы посетителя, вновь выпрямилась. — Прошу меня простить, — улыбка покинула лицо девушки, лишив его изрядной доли притягательности, — но, боюсь, не смогу выполнить вашу просьбу — уже вторые сутки мистер Стенсен никого не принимает.

— При нашем последнем разговоре мистер Стенсен просил заходить запросто, без уведомлений,— нагло соврал Аксель.— Я думаю, если вы чуть нарушите предписанные правила и попросту сообщите, что мистера Бьёрна Стенсена желает видеть мистер Соломон Хук, то проблем не возникнет,— добавил он и по тому, как испуганно отпрянула секретарша и напряглись охранники у стены, понял, что Мтомба вовсе не сгустил краски. Скорее разбавил их прозрачной водицей неосведомленности.

— Успокойтесь, мисс, возьмите себя в руки,— Аксель усмехнулся в усы и пригладил бороду. Сказав правду, он и сам не ожидал подобной реакции. Этот факт льстил самолюбию, но настораживал ум. Да и то сказать: радости в его популярности мало.— Уверяю, я прибыл с самыми конструктивными намерениями,— проникновенно заметил он, изо всех сил стараясь прикинуться тонкорунной овцой.— Сделайте то, о чем я вас прошу, и вы поступите, как надо.

Девушка перевела испуганный взгляд с Акселя на охранников, но те, видя, что визитер не проявляет агрессивных намерений, продолжали стоять истуканами. Тогда она вновь посмотрела на посетителя и, чуть поколебавшись, склонилась над коммутатором. Что она говорила, Аксель не слышал, не слышал он и ответа, но понял, что цели достиг, когда испуг во взгляде секретарши сменился искренним изумлением.

— Присядьте, пожалуйста, мистер Хук,— она попыталась улыбнуться, впрочем, улыбка получилась несколько деревянной,— сейчас поднимется сопровождающий.

Аксель не стал спорить и бухнулся в кресло, от нечего делать недвусмысленно разглядывая девицу за столиком. Та кожей почувствовала его взгляд и безуспешно попыталась прикрыть колени подолом слишком короткого платья, покраснела, потом побледнела и наконец бросила на посетителя первый робкий взгляд. Как раз в этот момент двери лифта разошлись и в холл двинулась массивная фигура сопровождающего.

Как уже говорилось, Хук не имел прежде дел с «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» и, естественно, впервые видел появившегося в холле бритого наголо громила, но сразу узнал его по описанию Мтомбы. Разве что на его взгляд Бо мало походил на гризли, а скорее напоминал бегемота — облаченного в крысино-серую униформу поднявшегося на задние лапы бегемота. В иное время Аксель, возможно, не обратил бы на униформу внимания — как ни странно, обделенные интеллектом особи любят выделяться из толпы,— но сейчас форменный мундир с портупеей и внушительных размеров «пушкой» в кобуре невольно подтвердил самые мрачные из его опасений. Гризли уступал Акселю в росте, но превосходил его шириной плеч, и хотя красотой не блистал, источал вокруг себя ощущение звериной мощи и неукротимой ярости.

— Хук? — словно выстрелил громила хриплым басом вопрос, пожирая пришедшего недобрым взглядом.

— Да,— так же коротко отозвался Аксель, в свою очередь не без интереса рассматривая зверообразного незнакомца.

— Следуйте за мной,— молвил Гризли, развернулся и направился к располагавшемуся рядом с лифтом караульному помещению. Хук очутился в небольшой комнате, где находилось еще четверо охранников, трое из которых отдыхали, а один наблюдал за происходящим в холле через большое, прозрачное с тыла, зеркало за спиной секретарши.

— Нам велено вас обыскать,— прорычал Гризли.— Таков порядок.— Впрочем, судя по неустанно ощупывавшему Акселя взгляду, Бо давно уже начал обыск.

— Извольте,— не стал спорить Соломон. Он никогда не страдал вредной для здоровья привычкой демонстрировать браваду не вовремя.

Обыск не занял много времени, и через минуту они покинули караулку. Рассчитанная на четверых обыкновенных людей кабина лифта явно не предусматривала транспортировку одновременно двух таких великанов, как Аксель и Гризли. Еще при обыске Аксель ловил на себе мрачные взгляды «сопровождающего», а здесь, в тесноте кабины, неожиданно ощутил на себе его горячее дыхание.

— Глади у меня, урод волосатый,— яростно прохрипел «красавец»,— вздумаешь

выпендриваться, ахнуть не успеешь, как заработаешь пулю в лоб — у меня давно руки чешутся, а стреляю я хорошо.

— Ладони чешутся — это к деньгам,— с трудом сохраняя серьезность, констатировал Аксель. Бо зарычал от ярости, но сделать ничего не успел, потому что кабина остановилась, створки дверей разошлись, и к ним шагнули два вооруженных охранника, уже поджидавших посетителя у дверей лифта.

— Все в порядке, парни,— с усилием взяв себя в руки, успокоил своих подчиненных Гризли.

Все четверо проследовали причудливо изгибавшимся коридором и вошли в святая святых — кабинет главы фирмы. Стенсен стоял спиной к двери у огромной — во всю стену — голографической диорамы битвы при Ватерлоо. Он явно изучал ее не в первый раз, мучимый одному ему известными сомнениями, но на звук открывающейся двери мгновенно обернулся и небрежным жестом отослал охрану. Бо, однако, остался в кабинете, и тогда всемогущий Бьёрн Стенсен впервые заговорил.

— Благодарю, Богомир. Ты мне пока не нужен.— Говорил он тихо, в твердой уверенности, что каждое его слово будет непременно услышано, понято правильно, а озвученное требование мгновенно исполнено.

— Вы настаиваете, шеф?

— Разве я должен повышать голос? — удивился Стенсен, смерил телохранителя непередаваемым взглядом, от которого Гризли мгновенно съежился и, пятясь, вышел.

Аксель с любопытством следил за сценкой, попутно отметив про себя, что наяву Стенсен выглядел почти так же, как в поле голопроектора, разве что лет на пять моложе. Ему еще не было и пятидесяти. Как ни странно, совершенно седые волосы ничуть не старили этого сильного человека. Серо-стальные глаза смотрели жестко, беспощадно-холодно оценивая собеседника. Аксель подумал, что колючий взгляд явно не идет к благородному лицу Стенсена, а значит, демонстрируемая им черта характера относится к приобретенным, а не врожденным свойствам натуры хозяина кабинета. В этот момент, словно развеивая неприятное впечатление гостя, Стенсен улыбнулся широко и открыто, и черты лица его сразу смягчились, а первое, неприятное, впечатление сгладилось. И именно в этот момент Аксель безошибочно признал в нем отца Анны.

— Я пришел выразить вам свои соболезнования, мистер Стенсен,— произнес Аксель, и ему не пришлось имитировать скорбь.

— Да. Конечно.— Лицо шведа вновь помрачнело.— Благодарю за участие и... прошу садиться, мистер Хук.— Отработанным жестом радушного хозяина он указал на глубокое кожаное кресло перед обширным письменным столом и, не дожидаясь гостя, уселся в кресло напротив.— Насколько я знаю, вы курите...— констатировал он, откидывая крышку палисандрового ларца.— Прошу. Настоящий кубинский табак.

Аксель опустился в удобное кресло и по примеру Алекса, щегольски подпернув брючину, закинул ногу на ногу. Сол раскурил сигару и вопросительно посмотрел на хозяина кабинета.

— Вы умный человек, мистер Хук,— поймав на себе взгляд гостя, заговорил Стенсен,— а потому не стану играть с вами в прятки. Мы — враги. Я предлагал вам принять мою сторону, но вы — если помните — отказались. Видно, так уж распорядилась судьба. Зачем вы пришли ко мне, Соломон Хук? Только не говорите о соболезнованиях, вы здесь не ради них! — Он говорил все так же тихо, но на этот раз в голосе Стенсена послышалась нешуточная угроза.

— Значит, я не ошибся...— Сол с наслаждением выпустил облако ароматного дыма — сигара и впрямь оказалась хороша. Он предпочел не реагировать на угрозу, сочтя ее всего лишь одним из отработанных методов силового давления на собеседника.— Мистер Стенсен,— напрямик спросил он,— почему вы допустили убийство своей дочери? — Он понимал, что рискует, что после такого вопроса его могут попросту никогда не найти, но все-таки задал его, надеясь расшевелить невозмутимого хозяина кабинета. Задумка удалась. На

шведа стало страшно смотреть. На скулах заиграли желваки, глаза налились кровью, держащие сигару пальцы задрожали. Он едва держал себя в руках.— Я спас Анну от ваших роботов на Яне,— не упуская из рук инициативу продолжил Аксель.— Это ведь были ваши роботы? Я сумел уберечь ее от гнавшихся за нами до Пояса Астероидов киллеров, но оказался бессилён защитить ее здесь, на Земле.

— То, что вы сказали, правда? — вновь обретя дар речи, Стенсен заговорил все так же тихо, но теперь с явным усилием и в ответ на утвердительный кивок Акселя шумно выдохнул и откинулся на спинку кресла. Риск оказался оправданным. Взрыва не последовало, и он сумел одним махом подтвердить многие из не дававших покоя подозрений.— Мне донесли, что неизвестно, кто конкретно стрелял в мою дочь, зато несколько уклончиво намекнули, что вы повинны в ее смерти. Я почти поверил в это. Признаюсь, вы до сих пор живы лишь потому, что я надеялся выведать, КАКИМ ОБРАЗОМ вы повинны?

— Bravo! — Аксель с видимым наслаждением выпустил в потолок новое ароматное облако и даже заставил себя улыбнуться.— Оказывается, ваши люди мастаки по части обтекаемых формулировок. Я действительно причастен к смерти Анны. Хотите знать, каким образом?...— повторил он вопрос, привстал в кресле и приблизил лицо к лицу Стенсена.— Да таким, что не сумел воспрепятствовать убийце сделать свое черное дело! Хотите узнать имя убийцы? Извольте: Минадо! Хотите получить его снимок? Нет проблем! — Аксель сунул руку во внутренний карман пиджака, извлек стереофото киллера, передал его собеседнику и в свою очередь откинулся в кресле.

— Крысы!...— едва взглянув на снимок, со злобным отвращением прошипел Стенсен.

— Не могу не согласиться,— откликнулся со своего места Хук.— Этот парень явно произошел не от обезьяны.— Стенсен бросил на гостя короткий пронизательный взгляд, вновь перевел его на фото, и лицо его приняло прежнее не слишком приятное выражение.— Насколько я понял из беседы вашей дочери с этим парнем, он завербовал Анну в экспедицию, гарантировав ей полную безопасность, но слова своего не сдержал, и когда она приперла его к стенке уже здесь, на Земле, попросту застрелил. Хотите получить копию видеостенограммы, я вам ее перешлю.

— Сделайте одолжение, мистер Хук... и снимок... если можно.— В голосе шведа появились не присущие привыкшему приказывать человеку, просительные нотки.

— Он ваш,— мгновенно откликнулся Аксель.

— Благодарю.— Стенсен брезгливо смел снимок в ящик письменного стола и вновь посмотрел на гостя.— Что ж, любезность за любезность, мистер Хук. Скажу вам, при условии, что это останется между нами...— Аксель энергично кивнул.— Анна жива...

— Жива?! — Глаза Соломона загорелись восторгом. О таком подарке он даже не мечтал! Да что там снимок?! За это известие он не пожалел бы ничего на свете!!! — Но где она? Я хочу знать, как она сумела спастись, и я должен непременно увидаться с ней!

— Вы любите мою дочь? — Стенсен хищно подался вперед. Он надеялся именно на такую реакцию, но сейчас боялся поверить в удачу.

— Я? — На миг Аксель невольно опешил. А впрочем... какого черта! «Конечно люблю!» — захотелось ему крикнуть, но он сдержался. Нет, не сейчас. Не при таких обстоятельствах.— Нас многое связывает, мистер Стенсен,— тщательно подбирая слова ответил он.— Я бы даже рискнул сказать, что мы были больше, чем просто друзьями, и сейчас я сильно беспокоюсь за ее здоровье.— Получилось несколько нескладно, зато почти правдиво.

— Сейчас жизнь дочери вне опасности.— Экспромт не удался, взгляд Стенсена потух.— Ей необходим абсолютный покой. Врачи настаивают на полной изоляции, как на гарантии восстановления здоровья, и я не думаю с ними спорить. Так что прошу меня простить. Что же касается того, как она уцелела... Хотите, можете назвать это родительским чувством. По возвращении с Яна она позвонила и предупредила, что должна уладить какие-то дела, и домой вернется через несколько дней. Ее тон показался мне странным...

Аксель жадно ловил каждое слово собеседника, и если в первой части ответа ему и почудилась некая фальшь, то теперь швед говорил совершенно искренне.

— Я тут же выяснил, в каком отеле она сняла номер и установил за ней наблюдение. Когда произошло несчастье, мне тут же дали знать.

Вон оно как... Как только произошло несчастье... Впрочем, он ведь и сам не ожидал подобной развязки.

— Сразу после операции я забрал ее из клиники... Легенда о ее смерти — всего лишь дело техники и наличных денег.

— Так значит, не вы послали Анну на Ян? — Аксель не знал, что ответить, а потому спросил первое, что пришло ему в голову, хотя ответ и казался очевидным.

— Видит Бог, мне такое и в голову бы не пришло. Кстати, я искренне признателен вам за то, что вы сумели уберечь дочь на Яне.

— Не стоит благодарностей,— сухо отозвался Сол. Наверное, излишне сухо, но больно уж слащавый оборот начал принимать разговор.— Можете считать, что я защищал лишь себя, а Анне повезло оказаться рядом.

На перемирие Аксель не пошел. Ясно как день, что Анну упрятали не ради него. Ясно и то, что адреса ее ему не видать, как своих ушей, а на иных условиях «дурной мир» ему не нужен, и Аксель ясно дал это понять. Что ж, каждый из них воспользовался своим правом на свободу волеизъявления, будь она неладна... Впрочем, он мог успокоить себя мыслью, что не слишком погрешил против истины. Анна действительно отлично держалась и если в самых трудных ситуациях не всегда ориентировалась, то по крайней мере сохраняла достаточно хладнокровия, чтобы выполнять его, Акселя, приказы.

— Ну, ну,— примирительно произнес Стенсен.— Ни к чему горячиться. Думаю, через месяц Анна выйдет из клиники и тогда...— Он сделал многозначительную паузу.— Быть может к тому времени многое изменится...— сказал он еще более многозначительно.— А сейчас, быть может, вы не откажете ее отцу в удовольствии с ним отобедать?

— Мистер Стенсен,— без обиняков ответил Аксель, показывая, что прекрасно понял двойственность высказанного собеседником предложения, но предпочитает играть в открытую,— вы предлагаете мне бездействовать месяц, но я не могу этого себе позволить. Вы прекрасно понимаете, как много поставлено на карту И ДЛЯ ВАС, И ДЛЯ НАС. Дайте мне адрес, и я обещаю ограничиться посылкой букета цветов.

Стенсен смерил собеседника внимательным взглядом, и хотя длился он всего секунду, значил очень много.

— Хорошо, но я надеюсь на вашу порядочность,— согласился он.— Анна находится в клинике доктора Токагавы.— Швед на минуту задумался, и уголки его губ тронула едва заметная усмешка.— Прекрасно, что вы подумали о цветах — женщины так падки на проявления мужской сентиментальности. Но никаких личных контактов — даже меня к ней пока не допускают.

Сол понял значение его усмешки, но ограничился тем, что и сам внутренне усмехнулся. Конечно, никаких контактов. Ясно как день, что в избранной Стенсеном клинике на одну медсестру приходится три охранника...

— Вы очень проникательны, мистер Хук,— заметил Стенсен, и Акселю на миг показалось, что хозяин кабинета умудрился пролезть к нему в душу и увидеть его не выпущенную на свободу усмешку,— и мне, право, искренне жаль, что вы вторично отказываетесь от моего предложения. Но что вы скажете, если я все-таки еще раз предложу вам поискать совместный выход из положения? Не сочтите меня прожженным дельцом, но у меня есть что вам предложить и помимо дочери... Как я уже говорил, сейчас мы враги, но что если я предложу вам условия почетного для нас обоих мира? Не скрою, расстроив мои планы на Яне, вы нанесли мне жестокий удар. Вы уничтожили двух уникальных роботов... а я даже не предполагал, что человек в одиночку может справиться хотя бы с одним...

— Вы имеете в виду двух вырожденков с удаленными мотиваторами? — уточнил Аксель, хотя ответ не вызывал у него сомнения. Просто он старался выиграть немного времени,

чтобы попытаться понять, какую новую игру затеял его неугомонный собеседник.— Но и вы не остались в долгу, приказав убить близкого мне человека.

— Уверяю вас, к покушению на вас, жертвой которого стала Лори Марти, я не имею ни малейшего отношения,— подняв ладони в примирительном жесте сказал он, и Аксель поверил, что и на сей раз Стенсен не лжет.— Пока не знаю всех обстоятельств дела, но если кто-то из моих людей перестарался, то в должное время он понесет суровую кару.

— Как стрелявший в вашу дочь Минадо? — язвительно возразил Аксель, решив, что Настало время вызвать новую волну эмоций у собеседника.— Сдается мне, мистер Стенсен, вы не полностью контролируете ситуацию.

— А вы действительно умны, мистер Хук.— Против ожидания, резкая отповедь гостя не разозлила шведа.— Впрочем, не обольщайтесь. Ваше замечание ошибочно, и эта ошибка вызвана избытком горячности. Упомянутый вами Мина-до не мой человек.

Что ж, вполне достойный ответ. В меру язвительный и совершенно недвусмысленный. Похоже, залп получился холостым.

— Не переоценивайте себя — вы мне вовсе не столь уж необходимы. До сих пор я всю работу делал сам, обойдусь без вашей помощи и впредь. Быть может, вы не понимаете, но ситуация предрешена, что бы вы со своими друзьями ни предпринимали. Хотя не скрою, ваша помощь значительно облегчила бы мне жизнь, ведь единственный реально обладающий властью функционер Лиги, еще не перешедший на мою сторону — Мтомба Оварунга, ваш одноклассник.

— Мой друг, мистер Стенсен,— уточнил Аксель, радуясь тому, что все-таки ошибся: хотя оппонент и разгадал его не слишком хитрый маневр, сам того не заметив, поддался на уловку.

— Еще лучше! — с энтузиазмом произнес он.— Так вы согласны с моим предложением?

— Быть может,— уклончиво сказал Аксель. Кто кого ловит? Ясно, что Стенсен ловит его, Соломона Хука, в то время как сам он ведет игру исключительно ради побочных эффектов.

— И что произойдет в этом случае? — поинтересовался Аксель.

— Выродившуюся в аморфную массу Лигу с пребывающим в анабиозе директоратом сменит Империя во главе с энергичными, умными, ясно видящими цель людьми! — с готовностью продекларировал Стенсен.

— И каково мое место в новом, планируемом вами мире? Селекция человеческого материала на качественный и пригодный лишь в роли пушечного мяса? — саркастически поинтересовался строптивый гость шведского магната.

— Ну зачем же так? — Против ожидания, Стенсен не обиделся.— Если вы поскромничали, говоря о моей дочери лишь как о друге, то ваше место окажется непосредственно рядом со мной. Благодаря вам вырабатываемые нами общие решения станут более мягкими. Не такими... черно-белыми, как вы только что продекларировали,— насмешливо закончил он.

Аксель и ожидал услышать нечто подобное. Стенсен, бесспорно, умен и прекрасно понимает, что блажь благородных намерений очень быстро выветрится из головы Сола — власть и не таких ломала, незаметно разъедавая психику самых стойких. И хотя Аксель искренне верил, что деградируют морально лишь те, чьи устои недостаточно прочны, устраивать опыты над собой желания не испытывал. Тем более, что не видел необходимости революционных преобразований в отлаженной жизни общества, бесспорно не слишком совершенного, но вполне жизнеспособного.

— Но зачем мне все это? — удивился он.— Ради денег? Но мы с вами уже говорили, и вы знаете, что у меня их уже сейчас столько, что за двести лет не промотать!

— Я разве заикался о деньгах? — в свою очередь «удивился» Стенсен.— Послушайте, Соломон, вы же умны и не можете не понимать, что мы говорим о частностях. Мы с вами оба люди, земляне. Если бы не принятое сотню лет назад «мудрое решение» предков

вгрызаться в землю,— иронично произнес швед,— уже сейчас на Земле не осталось бы и клочка свободного пространства! И несмотря на успешное освоение Венеры и Марса — а, может быть, именно благодаря им,— ясно как день, что будущее человечества лежит в дальнем космосе.

— С этим не поспоришь,— уклончиво откликнулся Аксель.

— Я рад, что вы меня понимаете,— удовлетворенно заметил хозяин кабинета.— В принципе, мы уже сейчас готовы к колонизации пары-тройки подходящих миров. Все, чего нам не хватает — флота транспортных лайнеров для переброски людей и необходимого оборудования.

— Прекрасно! — согласился Аксель, радуясь удачно подвернувшейся возможности задать «наводящий вопрос».— С яньским золотом или с вашим двигателем человечество получит флот. Чем же вам Лига не угодила?

— Вы просто не понимаете! — Стенсен говорил по-прежнему тихо, но клокотавшее в груди чувство вырвалось наружу яростной интонацией.— Став космической империей, мы рано или поздно, но неизбежно повстречаемся с другими расами. Быть может, это произойдет даже скорее, чем нам бы того хотелось. Раньше, чем мы успеем подготовиться к встрече! Вы когда-нибудь задумывались над вопросом, что произойдет тогда?! Земле нужен не только транспортный, но и могучий военный флот. Скоростные корабли с несокрушимой защитой, мощным вооружением и прекрасно обученными командами! А Лига и слышать о подобном не хочет! Такие расходы, видите ли, нарушат благосостояние ее граждан! Если бы не Пустынное Братство, Патролю — нашей единственной на сегодняшний день защите! — не видать бы и тех крох, тех жалких эскортных фрегатов, которые он, несмотря на все препоны, имеет!

— Так, значит, и вы иногда обращаетесь мыслями к грядущему контакту? — спокойно поинтересовался Аксель, показывая, что и его скромному уму порой не чужда дальновидность сильных мира сего. На самом же деле Стенсен немало бы удивился, узнав о настоящих подозрениях гостя.

— Обращаюсь? — изумленно прошептал он.— Да в последнее время я только о нем и думаю! Ясно как день, что к моменту контакта мы должны быть сильны, причем независимо от того, мирной окажется встреча или нет. В особенности, если мирной она не будет! Реально же это означает, что мы должны стать сильными уже сейчас, безотлагательно!

— И вы всерьез полагаете, что, заменив Лигу Империей, вы мгновенно сделаете человечество сильным? Вы тешите себя пустыми иллюзиями,— констатировал Аксель.— Человечество останется тем, что оно есть, независимо от того, на что вы направите его ресурсы. Войны выигрываются людьми, и если вы не верите в них сейчас, не рассчитывайте на них и в дальнейшем,— наставительно произнес он.— И тогда нам лучше сидеть внутри нашей системы и не высовываться наружу, а уж о контактах и не помышлять! Сходу ввязавшись в войну, мы ее гарантированно проиграем!

— Это еще почему? — От неожиданности Стенсен несколько опешил.

— «Смерть или на колени!» — вот ваш девиз, если только я вас верно понял! Какие тут мирные контакты?

— Возможно, вы правы, но в джунглях следует быть тигром, если не хочешь, чтобы сожрали тебя самого,— заметил Стенсен. Несколько ошарашенный напором собеседника, он на миг почувствовал неуверенность. Но только на миг. Ясно как день, что его оппонент выбрал наихудший из сценариев, но жизнь не пьеса, и он вовсе не планирует своего поражения! — Кто сказал вам, что у тех, с кем мы столкнемся, не такой же девиз?

— Предположим,— в свою очередь согласился Аксель.— Но к чему лезть на рожон? С нашим-то человеческим материалом? Не приведи Господь нам встретить по-настоящему сильного противника — нас тут же превратят в расходный материал для достижения чужих целей!

— Ага! Так вы согласны со мной! — не удержался от восклицания Стенсен, позволив себе повысить голос до уровня нормальной человеческой речи.

— В чем? В том, что люди вконец обленились, и многие даже двухчасовой рабочий день считают изнурительным? И вы предлагаете поставить их под ружье? Да несмотря на всю свою никчемность, они вас просто сметут вместе со всеми вашими идеями, что выживает сильнейший!

Он понимал, что перегибает, и на самом деле ситуация много сложнее, но крайность в высказываниях обладает одной важной чертой — она способна высветить все остающееся в тени.

— Вы, вероятно, не задумывались о проблеме всерьез,— примирительно заметил Стенсен.— Многим давно надоело сытое ничегонеделание. Самые неугомонные постоянно уходят в Пустынное Братство...— Сол понимающе кивнул. Значит, все-таки Братство...

— ... и начинают грабить мирных торговцев,— закончил он мысль собеседника.

— Тем не менее, рискну высказать крамольную мысль: именно Пустынное Братство составляет костяк самого здорового слоя граждан Лиги. Есть и другие. Те, что при схожих мыслях, все-таки остаются на Земле в силу недостатка решительности или избытка ума или нравственных принципов. Получив корабли, эти люди не задумываясь покинут Землю, основав колонии с более здоровым укладом жизни. Тем же, кто останется на Земле, придется засучить рукава — это неизбежно. Так что польза для всех — неоспоримая.

Да, гладко стелет, ничего не скажешь. Диктатура с человеческим лицом... Такое человечество не единожды проходило в своей истории, к сожалению, с неизменно плачевными результатами.

— А вы не задумывались о том, что если вы правы, то очень скоро колонии станут сильнее метрополии? Вспомните Рим! — осторожно заметил он.

— Хук, перестаньте, наконец, подозревать во мне глупца! — усмехнулся Стенсен.— Вы же прекрасно понимаете, что упомянутая вами опасность не исчезнет независимо от того, встанет во главе метрополии Империя или останется Лига!

Сол задумался.

— Так вы согласны, Соломон? — Стенсен решил, что его гость колеблется.

— Нет! — с присущей ему прямоотой отрезал Аксель.— Вы умны и логичны в своих замыслах, но последние мне не понравились. К тому же, ваши люди уже сейчас видят во мне врага, а отвернувшись от своих, я потеряю и друзей. Но я делаю вам встречное предложение: переходите на нашу сторону вы...

— На сторону Лиги? — В какой-то момент Акселю показалось, что Стенсен не выдержит и расхохочется ему в лицо, но тот сдержался.— Никогда! Я презираю этих зажавшихся чинуш, не видящих дальше собственного носа!

— Реорганизуйте ее! — с деланным простодушием предложил Аксель. В отличие от своего оппонента он ясно понимал, что недостатки Лиги кроются вовсе не в дефектах ее устройства, а лишь в недостаточно энергичной работе в общем-то хорошо отлаженного механизма! управления.— Возглавьте Лигу, и через несколько поколений Земля преобразится. А пока ограничьтесь глубокой разведкой. Будущие колонисты — наши сограждане и заслуживают не просто пригодного для обитания планетоида, а прекрасной планеты, которую их дети с гордостью смогут назвать родиной!

— А еще через поколение они забудут о нас, их породивших, подаривших им новый мир.

Так. Судя по последней фразе, они поменялись ролями. Аксель понял, что дальше спорить бессмысленно — у них просто нет шансов понять друг друга. Похоже, при всем своем недюжинном интеллекте, Стенсен отрицает за другими способность здраво мыслить, а в людское благородство и чувство долга просто не верит. Сол кинул потухшую сигару в пепельницу и решительно поднялся.

— Мне искренне неприятно это вам говорить, мистер Стенсен, но вы меня не убедили.

— Нас не слышат, мистер Хук, но за нами наблюдают.— Взгляд Стенсена вновь сделался холодным и колючим.— Стоит только мне подать знак, и вы даже понять ничего не успеете, зато Соломона Хука придется вычеркнуть из числа живущих.

— Воля ваша,— спокойно согласился Аксель.— Перед тем, как ехать к вам, я разговаривал с Директором Службы Безопасности Лиги и известил его о своих намерениях. Наш с вами разговор не может продолжаться до бесконечности, так что если я не вернусь в скором времени, к вечеру вам придется объяснять господину Мтомбе, куда вы меня подевали, а мой друг не слишком доверчив, зато горяч! Не забывайте, Стенсен, что ваша Империя существует пока лишь гипотетически, а Лига хоть вяло и сонно, но сжует вас всего без остатка!

— Хорошо, Хук. Забудем о взаимных угрозах и расстанемся с надеждой на лучшее.— Стенсен с отвращением бросил в пепельницу любимую сигару и встал.— Наши взгляды не совпадают, но это вовсе не означает, что мы должны перегрызть друг другу глотки.

— Перестаньте паясничать, Стенсен! — одернул хозяина гость.— К чему эти лживые уверения в добрых намерениях?! Я попытался дать вам шанс одуматься и лишь за этим пришел, но вы его отвергли. Теперь моя совесть чиста и ваш черед заботиться о своей безопасности!

— Будь по-вашему, Хук! — Лицо Стенсена потемнело от гнева.— Но смотрите, как бы вам самому не пришлось оказаться в роли дичи!

Ничего — до сих пор у него это хорошо получалось. На прощание они обменялись взглядами и поняли, что оба подумали об одном и том же.

* * *

Гризли нетерпеливо поджидал Акселя в коридоре. Он явно терял остатки терпения и вид имел весьма недобрый. Сол заметил, что кобура телохранителя расстегнута и усмехнулся уголком рта — подобные психологические трюки могли оказать действие разве что на новичка. Бо кивнул Акселю, и оба под неусыпными взглядами оставшихся на посту охранников зашагали по направлению к лифту. Едва они свернули за угол, как на верзилу Гризли налетел запыхавшийся человек. Бо грубо схватил его за отворот пиджака и встряхнул.

— Ты что, Милн, глаза дома забыл?! — рявкнул он на повисшего в его руках торопыгу.

— Мы поймали ее и отвезли к Фуджи! — залопотал тот, отчаянно стараясь сохранить хотя бы подобие достоинства.

— Заткнись, кретин! — Гризли едва не зарычал от ярости.

— Шеф должен узнать немедленно...— продолжал оправдываться неудачник.

— И остальные тоже?! — покосившись на Акселя, зарычал Бо и, словно тряпичную куклу, отшвырнул гонца.— Я сам доложу! Проваливай с глаз! Вон отсюда!

Бедняга Милн испуганно заморгал и мгновенно испарился. Аксель перевел взгляд на Гризли как раз в тот момент, когда рука верзилы привычно легла на рукоять бластера. Он прицелился взглядом в Хука и мстительно процедил сквозь зубы:

— Весьма сожалею, мистер Хук, но теперь вы слишком много знаете. Боюсь, у меня нет выбора.— Мощная волосатая лапа Бо медленно потянула оружие из кобуры.

— Правду сказать, я не слишком понял, о чем идет речь, но последние ваши слова все расставили по своим местам,— насмешливо отозвался Аксель.— Я так понимаю, что Анна бежала, но ее отыскали и перевезли в клинику мистера Фуджи. Благодарю за информацию, Богомир.— Он отвесил насмешливый поклон лишь затем, чтобы принять обманчиво уязвимый вид.

— Не обольщайся, ублюдок. С этим знанием ты и подохнешь...— хриплым шепотом известил его Бо о своих намерениях.

Боковым зрением Аксель видел, как осторожно бластер разворачивается по направлению к нему и не стал ждать продолжения. Отработанный удар обрушился на кисть руки одновременно с вырвавшимся из ствола ослепительным лучом. Поток энергии с шипением вошел в звукопоглощающее покрытие стены. В тот же миг правая рука Хука

нанесла Гризли мощный удар, и грузное тело свалилось на пол. Аксель подобрал не разрешенный для использования гражданскими лицами лучевой пистолет и посмотрел на лежащего — тот не подавал признаков жизни. Это хорошо, значит, время у него есть. Он прислушался, опасаясь услышать крики людей и их торопливые шаги в коридоре, но вокруг стояла мертвая тишина. Аксель спрятал лучемет в карман. Бластер — оружие мощное и потому запрещенное, зато бесшумное и это ему сейчас на руку. Еще раз оглянувшись, он быстро вошел в кабину лифта, спустился вниз и беспрепятственно покинул здание.

* * *

— И что теперь? — задал вопрос Мтомба, когда Аксель закончил свой рассказ. Соломон пожал могучими плечами — что же тут неясного?

— Теперь пойдет игра в открытую: сила против силы, и я считаю, что такой вид противостояния предпочтителен.

— Ты уверен в том, что говоришь? — Мтомба, похоже, думал иначе.

— Применительно к Стенсену, абсолютно. — Аксель упрямо поджал губы.

— А что, есть еще кто-то? — невесело поинтересовался Алекс.

— Есть еще тот, кто отдал приказ стрелять в дочь своего лидера, а также принял решение ликвидировать меня, — напомнил Сол.

— И ты веришь, что Стенсен к этому непричастен?!

— Безусловно, — кивнул он. — Стенсен играл со мной в открытую и сознался в вещах более предосудительных, хотя и менее неприятных для меня лично. Кстати, перед моим уходом он дал понять, что отныне не станет церемониться. Так что суди сам...

— Хорошо, — чуть поколебавшись, согласился Мтомба. — И чего нам, на твой взгляд, теперь ждать?

— Ты сделал то, о чем я просил тебя утром? — вопросом на вопрос ответил Аксель.

— Да. Контрактами занимаются вплотную, но результатов, сам понимаешь, быстро ждать не приходится, — досадливо поморщившись, признался Оварунга.

— Понимаю. — Аксель знал, как никто другой, знал, сколько труда и настойчивости требуется для того, чтобы отыскать на первый взгляд невзрачный, но в корне меняющий картину фактик. Что и говорить, работа трудная и неблагодарная. — К Яну людей послали?

— Два эскортных фрегата, экспедиционный крейсер и контейнеровоз, — оживился Мтомба. — Они уже там и работают. Даже если все Братство навалится на них, они сумеют выдержать месячную силовую блокаду.

— Кто об этом знает, кроме тебя? — Он не стал говорить, что слишком многое поставлено на карту, так что лучше бы никому не знать о новой экспедиции по крайней мере до ее возвращения.

— Только экипажи. — Мтомба кивком дал понять, что понимает опасения друга. — Пакет с полетным заданием вскрывался на борту крейсера, связь осуществляется на узконаправленных, тщательно закодированных волнах. В моем ведомстве к информационному обслуживанию экспедиции подключено с десяток человек.

— Стенсен ни звука не проронил о новой экспедиции на Ян... Впрочем, прошло слишком мало времени, — задумчиво молвил Аксель. — Я тоже избегал в разговоре этой темы. Чем занимаются экспедиционные суда официально?

— Фрегаты заняты свободным патрулированием, — усмехнулся Мтомба. — Ты не беспокойся. Донесения с них регулярно поступают. Крейсер — в глубокой разведке. Сухогруз поставлен на плановый ремонт в седьмой орбитальный док.

— Хорошо. Значит, с этой стороны опасность нам не грозит. Когда транспорт заполнит трюмы?

— Пока контейнеры загружены на десять процентов, значит, дней через восемь тронутся в обратный путь. Десять часов субсветового перехода, сутки — разгрузка. Итого,

десять суток.

— Значит, к заседанию Совета Директоров им не успеть? — уточнил Аксель.

— Нет... — неуверенно произнес Мтомба. — Еще не поздно дать шифрограмму, чтобы поторопились...

— В крайнем случае, пусть вернутся с недогрузом, — подсказал Хук. — Главное, показать, что мы не сидим сложа руки, а еще важнее сделать так, чтобы замененный элемент воздушного шлюза с вражьи́м генератором попал на заседание. Он может оказаться решающей уликой. Впрочем, и золото сыграет свою роль. Кстати, что с экипажем «Неудержимого»? Я понимаю, что знали они не слишком много, докладные о происшедшем подали на обратном переходе с Яна, так что их гибель ничего не даст Стенсену. Хорошо бы упрятать их на время подальше.

— Уже сделал! — Мтомба улыбнулся своей открытой доброй улыбкой. — Я, конечно, соображаю не так быстро, как ты, но все же...

— Да я и не сомневаюсь, — примирительно произнес Аксель. — Просто рассуждаю вслух, чтобы ничего не упустить.

— И все-таки кое о чем ты запамятовал, — ехидно заметил Мтомба.

— Да? И о чем же? — Сол выглядел откровенно удивленным.

— О нашем друге, Соломоне Хуке, свидетельства которого на заседании Совета Директоров весьма нежелательны! — под смех Алекса с победным видом сообщил африканец.

— Перестань, — отмахнулся Аксель. — Лезть на рожон я не собираюсь, но и отсиживаться в погребу не стану, в особенности, когда времени в обрез и стоит попытаться набрать дополнительные очки.

— А никто и не предлагает тебе отсиживаться, — усмехнулся Мтомба и, уловив заинтересованность во взгляде друга, пояснил: — За три дня до твоего возвращения с Яна, Токадо вернулся из санатория. Тогда я не заметил в нем никаких перемен, но вчера он неожиданно высказался за продажу принадлежащих Лиге предприятий. Это серьезное решение, и я все чаще задаю себе вопрос: это одиночная акция или вслед за первым сюрпризом последуют и другие? И вот еще...

— И еще ты задумываешься над тем, не сдружился ли Токадо именно в санатории с упоминавшейся тобой неординарной личностью.

— Что-то в этом роде, — кивнул африканец. — Конечно, было бы идеально, если бы он до сих пор оставался там, ты бы его нашел, выяснил бы связи со Стенсенем и поделился бы сведениями со мной. А я здесь раскопал бы их связи с остальными директорами-ренегатами...

— Прямо-таки сон наяву... — подал из своего кресла голос Алекс.

— Ага. Но, если ты выяснишь хотя бы круг общения Токадо... Быть может, даже это нам здорово поможет.

— И где он отдыхал, если не секрет?

— В клинике доктора Фуджи, в оазисе посреди пустыни Нубэ.

Когда Аксель услышал имя Фуджи, сердце его невольно забилось сильнее. Всю обратную дорогу он думал об Анне, столь внезапное воскрешение которой и радовало его, и пугало одновременно. Он всем сердцем рвался к ней, но разум его притормаживал, обоснованно намекая на то, что у Анны есть могущественный отец, который и должен о ней позаботиться. И все-таки чувства не давали ему успокоиться окончательно. Наверное, если бы он знал, где находится клиника Фуджи, и знал, что за оставшееся до заседания время ничего тревожного в его отсутствие не случится, немедленно ринулся бы туда. И вот судьба подкинула ему подарок.

— Пусть будет по-твоему.

ГЛАВА 2

Пустыня Нубэ, расположенная практически в центре Сахары, по сути являлась не самостоятельным районом — хотя и отличалась от окружающей местности рельефом,— но лишь центральной областью, получившей название благодаря рукотворному оазису Нубэ. Около полусотни лет назад на глубине почти двух тысяч метров под слоем песка и камней обнаружили обширное море пресной воды. Тогда находка многим показалась невероятной удачей, ибо сулила долгожданное начало эры наступления на безжалостные пески, затопившие едва ли не всю Северную Африку.

Первая артезианская скважина дала начало изогнувшейся кольцом цепи небольших озер, по берегам которых удалось привить несколько видов пальм, бурно разраставшихся в течение первых десяти лет. Но дальше первой удачи дело не пошло. Несмотря на все старания геологов и ботаников, пески не пожелали выпускать растительность из завоеванной ею низины. Еще через пару лет островок жизни обрел окончательные очертания, и хотя количество населяющих оазис видов продолжало пополняться, стало ясно, что первоначальным надеждам сбыться не суждено.

Оазис превратился в безлюдный островок жизни посреди океана прокаленного солнцем песка, и так продолжалось почти четверть века, пока лет десять назад доктор Фуджи не обратил на него свой взор. До того он несколько лет провел в безуспешных поисках достаточно уединенного места для своей реабилитационной клиники, пока, наконец, не наткнулся на информацию о неудавшемся эксперименте экологов.

Дальше все пошло как по маслу. Доктор Фуджи выкупил у правительства оазис, и уже через год уютная клиника для хорошо обеспеченных клиентов приняла первых пациентов. В свою очередь, правительство Лиги в качестве благодарности получило привилегированное право на внеочередное санаторное обслуживание в клинике Фуджи, которым Мтомба не преминул сейчас воспользоваться. Дела самого доктора пошли настолько успешно, что вскоре очередь на реабилитацию вытянулась на добрые пару лет вперед. Однако на все предложения расширить дело доктор отвечал неизменным отказом, мотивируя его заботой о клиентах и доводами о том, что в настоящий момент экология оазиса оптимальна, и это полезно для его пациентов.

Именно здесь предстояло Акселю переждать опасное время до заседания Совета Директоров, попутно попытавшись раскрыть причину странной метаморфозы в поведении Акуро Токадо — директора Металлургического Бюро Лиги Планет или МЕБЛИПа, как называли его между собой сотрудники.

* * *

Мощная турбина задорно пела на звеняще высокой ноте, легко удерживая экраноплан в паре метров над неподвижными волнами песка. Водитель неспешно лавировал, направляя грациозную, похожую на ската машину между барханов, проклиная в душе затерявшийся в сердце Сахары оазис Нубэ, экологов, его создавших, зачем-то решившего поселиться здесь доктора Фуджи, ко всему еще сумевшего добиться запрещения полетов над своей территорией для любых летательных аппаратов!

Островок изумрудной зелени посреди океана золотого песка возник, как всегда, внезапно, словно выпрыгнув из-за очередного бархана, и водитель мгновенно забыл о своем раздражении. Что ни говори, а старик Фуджи совершенно прав — лучшего места для возвращения отчаявшимся утерянной умиротворенности не сыскать. Машина легко скользнула под незаметный глазу уклон, стена пальм стремительно надвинулась, турбина удовлетворенно вздохнула и заработала почти бесшумно, а предельно точно говоря, настолько тихо, что стало слышно легкое шуршание скребущего о днище экраноплана песка. Мгновение спустя, судно замерло, напоследок ткнувшись носом в кромку сочной травы, окончательно уподобившись лежащему на дне водоема гигантскому скату.

Прозрачная металлопластовая полусфера плавно раскрылась, одновременно отъезжая назад, и капитан — молодой улыбчивый парень — легко прыгнул на песок и призывно махнул рукой пассажиру.

— Приехали, мистер Хук! — крикнул он, присев на ближайшую кочку; снял обувь и с наслаждением ступил босыми ногами по мягкой траве. — Завидую я вам, — с улыбкой признался капитан. — Целая неделя райского наслаждения!

— Перестань. — В отличие от пилота, Аксель не испытывал эмоционального подъема, да и приехал он сюда не отдыхать, а работать. — Через два часа ты вернешься на базу... те же пальмы, та же трава, тот же песок...

— Э-э-э, не скажите, — с сомнением протянул парень. — Формально вы, конечно, правы, но атмосфера здесь другая: тишина словно звучнее и торжественней, а воздух слаще и ароматней... — Он умолк, не зная, как точнее описать испытываемые им ощущения.

— Ну уж прямо-таки, — усмехнулся Хук, задетый за живое если и не логикой доводов собеседника, то их наивной поэтичностью.

— Да уж поверьте, — убежденно кивнул парень. — Вы ведь у меня не первый пассажир и даже не сотый, так что я имел достаточно времени для того, чтобы привыкнуть к этому месту, да вот не привык.

Слушая болтовню водителя, Аксель достал из багажного отсека свой чемодан, пересек песчаный участок и остановился рядом с парнем. Тот сразу засуетился, быстро обулся и виновато глянул на Акселя.

— Доктор Фуджи, да и персонал его почему-то не любят, когда я здесь появляюсь. Они считают, что присутствие чужого человека в определенных случаях способно свести на нет результаты лечения. — Он невесело усмехнулся. — Словно я прилетаю сюда не ради выполнения заключенного с доктором Фуджи контракта, а для собственного удовольствия, — с какой-то странной примесью горечи пояснил он, и Соломон понял, что молодой водитель видно не раз попадался на браконьерском топтании заповедной лужайки.

Завершив свой монолог, парень влез в водительское кресло, и половинки полусферы стали захлопываться. Сол по-прежнему стоял на кромке травы в десятке метров от носа экраноплана, словно провожал слишком недолго гостившего у него друга.

Пилот махнул на прощание рукой и запустил двигатель. Экраноплан медленно приподнялся над гребенчатой, словно поверхность стиральной доски, песчаной волной, медленно и плавно отполз от кромки травы и грациозно развернулся носом в сторону безбрежного океана песка. Лопasti тяговой турбины слились в серебристый круг и запели на знакомой Солу высоко звенящей ноте. Экраноплан резко рванулся вперед и, молниеносно набрав скорость, помчался к далекой базе, в легком танце грациозно лавируя между песчаных холмов.

Вскоре шум двигателя экраноплана слился с завыванием ветра в барханах, и гибрид самолета и корабля на воздушной подушке исчез в лабиринте песчаных валов. Соломон взялся было за ручку чемодана, но тут же передумал и вместо этого уселся на траву и разулся. Свяжав туфли, он перекинул их через плечо, взял чемодан и лишь теперь не спеша двинулся вперед, стараясь ощутить то блаженство, о котором говорил пилот. Солнце клонилось к закату, а жара все еще стояла страшная. Лишь вырывавшиеся временами из чащи порывы ветра несколько смягчали зной, делали его переносимым. Возникла нелепая мысль, что в сердце оазиса смонтирован мощный кондиционер. Но кто станет охлаждать пустыню...

И тут Аксель поймал себя на невольной мысли, что пилот прав. Дело, конечно, не в каком-то пошлом кондиционере, а в атмосфере самого места, где «тишина звучнее и торжественней, а воздух слаще и ароматней»... Аксель почувствовал почти непреодолимое желание поскорее шагнуть под сень пальм, чтобы в полной мере насладиться волшебством маленького, спрятанного в сердце пустыни мирка. И еще он ощутил странное одиночество, одиночество тем более непонятное, что знал — совсем рядом — люди. Стоит пройти совсем немного по этому дивному лесу, и он очутится в компании себе подобных.

Всего в нескольких метрах от него начинались заросли пальм, и Соломон отправился в путь. Двигаясь вдоль опушки, через сотню шагов он обнаружил заросшую травой тропинку, ведущую к центру оазиса. Сол двинулся по ней, отстраняя свободной рукой бьющие по лицу длинные листья, но скоро растения сделались такими высокими, что он смог идти свободно. Хук очутился в самом настоящем тенистом лесу с насыщенной влагой и, как ни странно, прохладной атмосферой.

«Клиника не может находиться слишком далеко», — подумал Аксель. Перед поездкой сюда он изучил карту оазиса, представлявшего собой неправильный круг диаметром около десяти километров. Судя по плану, клиника располагалась в центре кольца озер, а, значит, до нее не больше пятнадцати минут неспешного хода.

Мысли Акселя подтвердились на удивление быстро. Столь же внезапно, как появился, пальмовый лес поредел, перейдя в сильно запущенный сад. Сад производил совершенно иное, нежели пальмовый лес, впечатление. Состоял он из падубов и, как ни странно, каштановых деревьев с огромными, на диво, плодами. Озера показались ему скорее прудами, но со столь синей водой, какой он прежде нигде не видел. Пилот экраноплана действительно прав: клинику доктора Фуджи окружал совсем иной, отличный от реального мир. Аксель поймал себя на ощущении, словно неожиданно вернулся в забытую с детства сказку. Если подобная атмосфера культивировалась намеренно, то он может лишь склонить голову перед искусством мастеров, сумевших воплотить сказку в жизнь.

Наконец, он вышел к цели. В тени каштанов, освещенная косыми лучами заходящего солнца белела стена дома. Дом оказался двухэтажным — что вполне соответствовало числу находившихся на отдыхе пациентов, — и построенным в непривычном Акселю архаичном стиле, опознать который он, как ни старался, не смог. Сейчас такие постройки возводились лишь, как парадные входы упрятанных на сотни метров в глубь земли «антинебоскребов». Всего день назад он сам побывал в одном из них, но резиденцию Стенсена отличало строго выдержанное подражание стилю античной эпохи. Здесь же взгляду Акселя предстало нечто, мягко говоря, странное. Чем-то дом напоминал миниатюрный дворец конца второго тысячелетия. В центре фасада выделялся непривычной формы портал с огромными двустворчатыми дверями. Само здание изобиловало фронтонами, нишами, в которых стояли вазы, эркерами. Такой сказочный домик-пряник — смешной и необъяснимо уютный.

Несмотря на отчетливый налет времени, здание показалось Акселю ухоженным, что, впрочем, не вызвало у него удивления — за те деньги, что доктор Фуджи дерет с клиентов, было бы попросту непростительно не обеспечить должного сервиса. И все-таки фантазия странная. Аксель и не подозревал, что все окажется настолько уж старомодным!

«Клиника доктора Фуджи — это особое заведение, гибрид психиатрической лечебницы и санатория. Эффективность его методики основана на полном отрыве пациентов от реальности в сочетании с необходимыми психотерапевтическими процедурами». Примерно так накануне Оварунга объяснил Акселю исповедываемые доктором Фуджи принципы. «Сол, люди, которых ты застанешь в клинике — все, как один, жертвы современного общества, слишком сильных переживаний и стрессов». Сол не ограничился его рассказом и в поисках дополнительной информации направился в библиотеку. Материалов оказалось не так много, и все они в более пространной форме повторяли сказанное Мтомбой.

Отрыв от цивилизации в сочетании с ультрасовременной терапией на уровне последних достижений науки — единственный шанс позволить сломанным цивилизацией индивидуумам вновь обрести утраченное место в обществе. Глубокая изоляция клиники от окраин цивилизации так же необходима для конечного успеха, как и используемые им психотропные технологии. Иначе говоря, основа метода доктора Фуджи состоит в изоляции, создания необходимых условий для возникновения психического равновесия и закрепления достигнутого уровня стабильности психики.

Ни у одного из прошедших курс лечения в клинике доктора Фуджи не отмечено рецидива заболевания. У них восстанавливается сон, исчезают приступы меланхолии, значительно уменьшается раздражительность, реакция на происходящее становится

адекватной...

Неторопливо шагая по аллейке к дому и разглядывая аляповатое строение, Аксель тщательно припомнил все, что ему удалось разузнать о клинике. Ему показалось, что в окнах он видит лица обитателей. Он невольно подумал, что их, видимо, привлёк шум двигателей экраноплана, а стало быть, в этом нет ничего удивительного, но в следующий момент он припомнил, что двигатели работали на редкость бесшумно, и тогда получается, что удивиться все-таки стоит... Но впрочем... Эти люди должны здорово скучать, каждый новый человек для них — развлечение, а значит, немудрено, что они поджидают новых товарищей. Аксель подумал, что если последнее предположение справедливо, то сейчас кто-нибудь непременно выйдет его встречать.

Через два шага он не удержался от невольной усмешки: по дальней от Акселя аллее навстречу ему энергичной походкой шел высокий блондин в очках. На вид Соломон не дал бы ему больше тридцати пяти.

— Привет! — непринужденно бросил он, словно знал Сола не первый день. — Я вижу, вы без сопровождающего? Не заблудились? — вполне серьезно поинтересовался он.

Ох уж эти мне сопровождающие... Солу невольно припомнился Гризли. Впрочем, здесь ситуация иная, и, похоже, чего-то они с Мтомбой не учли... Он испытующе посмотрел на встречающего, но лицо блондина выражало скорее удовлетворение, нежели удивление.

— День добрый, — поставив чемодан на землю и пожимая протянутую руку, Аксель улыбнулся в ответ. — Так уж получилось, что я один. Но разве здесь можно заблудиться?

— Не обращайтесь внимания! — улыбка блондина сделалась еще шире. — Это я из вежливости. А отсутствие сопровождающего означает лишь, что вы, как и я, здесь просто на отдыхе.

— Ага. — Аксель понимающе кивнул. Ну конечно, из вежливости. Безусловно на отдыхе... Чего же тут непонятного? — А вы действительно не похожи на депрессанта, — заметил он... тоже из вежливости.

— Депрессанта? Так вы, кажется, сказали? А-ха-ха! — от неожиданности новый знакомый Акселя опешил, но когда смысл сказанного дошел до него, рассмеялся. — А вы шутник, мистер... — Он вопросительно посмотрел на Акселя.

— Хук, — представился тот. — Соломон Хук.

— Очень приятно. — Он прищурил левый глаз и окинул Соломона оценивающим взглядом. — Должен сказать, что впервые встречаюсь с человеком, чье имя так подходит ему. Именно так и должен выглядеть симбиоз мудрости легендарного царя Соломона с неотразимой мощью удара профессионала-супертяжеловеса. Я — Лундстрем. — Он поклонился исполненным изящества движением. — Юл Лундстрем, — уточнил он, осторожно беря Акселя под руку. — Вы правильно сказали: я не депрессант. Официально я на отдыхе с целью профилактики, реально же прячусь здесь раз в год от жены, от тещи, от их собачек, капризов и модных курортов... — При последних словах его лицо перекошилось, словно у поедающего на спор лимон бедолаги. Соломон предпочел не заметить его гримасы, подхватил чемодан и двинулся дальше. Юл пошел рядом и, судя по всему, отставать не собирался. Внезапно он резко остановился и посмотрел на спутника совсем иным взглядом.

— Мне сейчас пришло в голову... Вы случайно не тот Соломон Хук, что вернулся с Яны несколько дней назад? Ну, конечно же, это вы! Как я мог не узнать вас! У вас такая запоминающаяся внешность! Вы ведь вернулись, кажется, меньше недели назад? — повторил он свой вопрос в несколько иной форме.

Вот оно, тяжкое бремя славы... Казалось, словоизлияням блондина не будет конца, но именно в этот момент он умолк — видно, в голову ему пришла та же самая мысль, что и Соломону.

— Я уже трое суток на Земле, — воспользовавшись паузой, ответил Аксель. Ему удалось сохранить на лице выражение серьезности. — Но откуда вам об этом известно? Мне говорили, что клиника доктора Фуджи абсолютно изолирована от внешнего мира.

— Ну, ну, мистер Хук, — несколько фамильярно возразил Лундстрем. — В мире не

существует ничего абсолютного. Все в той или иной мере относительно.— Юл покровительственно улыбнулся Акселю и важно надул тонкие губы, что придало ему несколько комический вид.— Те, кто желает знать, знают. Мне, например, информация просто необходима, иначе здесь просто со скуки свихнешься. Доктор Фуджи это понимает, и ему приходится делать вид, что некоторых нарушений он не замечает. Приспособляемость,— он равнодушно пожал тощими плечами,— без нее нет жизни.— Внезапно он насторожился.— Но только не вздумайте сказать об этом открыто доктору...— Он испытующе посмотрел на Хука.— Или кому-то из других пациентов!

— Можете быть спокойны на мой счет, Юл,— с улыбкой успокоил его Соломон,— я не из тех, кто выдает друзей.— Получилось несколько напыщенно, ну да ладно. Главное, он так и не понял, как обстоят дела с утечками информации — то ли Юл сказал правду, то ли искренне заблуждался, выдавая желаемое за действительное.

— Кроме меня и вас здесь нет больше... отдыхающих,— он выразительно, как на равного, посмотрел на Акселя,— остальные — депрессанты.— Похоже, Лундстрему понравился примененный Солом термин. Хук невольно подумал, что теперь Юл станет им без конца пользоваться, что может оказаться несколько утомительно.— Кстати, спешу предостеречь: не слишком откровенничайте с остальными. Как я уже говорил, я не впервые здесь и видел, как происходит выздоровление — резко и сразу, как правило, во вторую половину пребывания в клинике, а до этого в головах у них творится полный бардак...

— Так-таки? — усомнился Аксель.

— Уж поверьте мне, Сол.— Для убедительности очкарик кивнул, да так, что хрустнули позвонки его тощей шеи.— Вроде бы начинаешь говорить с таким, и в первый момент кажется, что парень вполне нормален и никогда не угадаешь, на каком этапе разговора его безумие прорвется наружу. Порой спусковым крючком может послужить ничего не значащая фраза, совершенная мелочь, чушь, но так устроены их свихнувшиеся мозги... Бедняги! — Юл вновь посмотрел на Акселя, и в мыслях его произошло очередное переключение.— Даже не предполагал, что мне посчастливится из первых рук узнать, как все происходило на самом деле. Та информация, что доходит сюда, носит, если можно так выразиться, фрагментарный, поверхностный характер, а меня, увы, интересуют частности. Как вам удалось разделаться сразу с двумя роботами?

— Разделяй и властвуй,— пожав могучими плечами, откликнулся Аксель. Он уже не испытывал былой уверенности в здоровье Юла. Тот, правда, до сих пор не позволил себе ничего слишком эксцентричного, но поведение его не очень соответствовало образу солидного тридцатипятилетнего гражданина Лиги. Вот и на сей раз он удовлетворенно кивнул — хотя и не узнал ничего для себя полезного — и заговорил вновь.

Юл волчком вращался вокруг Акселя и лопотал без умолку, заходя то справа, то слева, а то вдруг перегораживая спутнику дорогу и требовательно заглядывая ему в глаза. Он беспорядочно перескакивал с одного на другое, и продолжал трещать, даже, когда, миновав дверь, оба очутились в обширном холле.

— Вот кабинет дока,— он услужливо указал на ближайшую от входа дверь.— Не задерживайся там,— судя по последней фразе, Лундстрем решил, что собственный нескончаемый монолог достаточно сблизил обоих и настало время перейти на «ты».— Док — человек, без сомнения, умный, но...— Что он хотел сказать, так и осталось невыясненным.— Моя штаб-квартира в библиотеке. Заходи, поболтаем, заодно я введу тебя в курс здешних дел...

Напоследок он еще раз кивнул, развернулся и, наконец, ушел. Вообще-то Аксель ничего не имел против болтовни Юла и даже его странных кивков. По крайней мере, на начальном этапе лишь из его болтовни, Сол мог всерьез надеяться почерпнуть полезную информацию. Плохо то, что болтовня очкарика мешала Акселю сосредоточиться, собраться с мыслями перед разговором с доктором Фуджи.

Аксель остановился, негромко постучал и, толкнув дверь, вошел внутрь. Кабинет оказался обширным, но уютным. У окна стоял огромный письменный стол, за которым сидел

совершенно терявшийся за ним, маленький лысый толстячок-японец. Аксель невольно отметил, что что-то уж слишком часто ему в последнее время приходится иметь дело с японцами. Сперва Токадо, несколько позже Минадо, почти сразу Токагава и вот теперь Фуджи. Сол с интересом посмотрел на доктора. На носу у того непонятно каким образом держалось покосившееся пенсне в золотой оправе, каких давно уже никто не носит. Фуджи взглянул на гостя — причем Акселью показалось, что правым глазом хозяин кабинета смотрит поверх стекла, в то время как левым без особого труда глядит на гостя из под нижнего. Дружески улыбнувшись на пожелание Акселем «доброго вечера», он указал на стоящее перед столом кресло и мягко произнес:

— Добрый вечер, мистер Хук. Приветствую вас в оазисе Нубэ. Я рад, что наконец-то Лига прислала ко мне человека, на самом деле нуждающегося в отдыхе,— заметил он с ироничной усмешкой.— Зовите меня просто Фуджи.

Как ни странно, но Хук поймал себя на мысли, что именно таким и представлял себе профессора Фуджи. На снимках он выглядел иначе — выше как-то, значительнее, что ли... Наяву же он производил впечатление такого доброго дядюшки, старенького провинциального семейного доктора.

— Вам выпало на долю немало испытаний,— мягко пояснил он свое прежнее высказывание, в последний раз заглянув в лежащую на столе газету, открыл ящик стола и кинул ее внутрь. На смену ей он выудил из под кипы бумаг медицинскую карту Акселя, открыл ее и быстро пробежал взглядом скупые строки направления.— Так... так... так...— словно фарфоровый японский болванчик, кивал он через равные промежутки времени. Закончив чтение, доктор положил карту на стол и вновь посмотрел на посетителя.— Мои коллеги — из медицинского департамента Лиги не обнаружили у вас ничего серьезного.— Его устремленный на гостя взгляд исполнился искренним интересом.— Мистер Хук, ваша психика на удивление устойчива, но по некоторым признакам... вы не обидитесь?— Аксель улыбнулся и отрицательно качнул головой.— В частности, по неумеренному употреблению спиртного, они сделали вывод, что вам нужен отдых, и я с ними вполне согласен. На их взгляд, вы держите себя в руках лишь благодаря грубому химическому подавлению эмоций... Выяснить, на что ты способен, можно, лишь балансируя на краю пропасти, а это — опасный трюк. Часто вы испытываете тягу забыться? — Аксель слушал молча и не спорил. Он прибыл сюда для получения нужных ответов, а не для пустопорожних разговоров на отвлеченные темы, но после прозвучавшего вопроса подумал, что вполне здоровый скепсис пациента не должен показаться Фуджи неуместным.

— Да нет же, доктор! — Аксель скептически усмехнулся.— Право, ваши коллеги, как водится, сгустили краски. Хорошая разрядка после сильной встряски — что может быть естественней?

— Но у медиков иные оценки, — вполне резонно уточнил Фуджи.— Верно?

— Я бы сказал, что они прибегают к иным формулировкам,— мягко поправил собеседника Соломон.

— Хорошо, не станем спорить.— Толстячок примирительно улыбнулся.— В конце концов давно известно, что считающий себя здоровым пациент склонен переоценивать свою выносливость, в то время как считающий себя опытным психотерапевт склонен переоценивать свою проницательность...— Что ж, весьма самокритично. Аксель кивнул, показывая, что ничего не имеет против подобного расклада и в свою очередь улыбнулся — доктор Фуджи нравился ему все больше.— Поступим проще. Если действительно существует хоть что-то, достойное внимания, думаю, даже поверхностное обследование это покажет. Прошу вас пройти со мной.

Доктор Фуджи встал из-за стола, смешно просеменил мимо Акселя, отворил дверь в смежную комнату и жестом радушного хозяина предложил гостю войти первым. Соломон встал, уже без удивления обнаружив, что доктор Фуджи не достаёт ему и до плеча, и перешел, вероятно, в процедурную. По крайней мере именно такое определение пришло Солу на ум, когда он увидел протянувшийся вдоль стены стол, уставленный несметным

количеством колб, мензурок, спиртовок, штативов и прочего медицинского инвентаря. «Пожалуй, это больше походит на лабораторию», — решил он про себя через мгновение. Зато все свободное пространство занимал огромный шкаф, до предела напичканный электроникой, о чем свидетельствовали многочисленные индикаторы, шкалы, экраны и переключатели, занимавшие собой не только лицевую, но и боковые стены. Перед приборной стойкой стояло массивное кресло, к которому от стойки тянулись многочисленные разноцветные провода. Все вместе выглядело гротескно, словно реквизит дешевой экранизации истории о докторе Франкенштейне. Да и вообще вся лечебница выглядела явным анахронизмом, с той лишь разницей, что снаружи она представляла перед наблюдателем в радужном сиянии детской сказки; внутри же отдавала наивной страшилкой.

Едва ли не с первых минут пребывания в Нубэ, Аксель почувствовал себя человеком, неведомой силой перенесенным в мир иной, а теперь вдруг перенесся в мрачное прошлое средневековой инквизиции и охоты на ведьм. Когда эта не слишком сложная сентенция пришла Солу на ум, он невольно подумал, что метод доктора Фуджи способен не столько излечить неустойчивую психику пациента, сколь обострить кризис. Видимо, эти мысли против воли отразились на лице Акселя — что было для него нехарактерно, — а может, хозяин странного дома наперед знал о производимом его клиникой на новичков впечатление, во всяком случае, именно в этот момент доктор Фуджи заговорил.

— Признайтесь честно, мистер Хук — вы удивлены? — самодовольно поинтересовался он, но ответа дожидаться не стал, а поспешил успокоить: — Не беспокойтесь. У вас всего лишь нормальная реакция на окружающую действительность. Зато вам должен не давать покоя другой вопрос: как я в своей лечебнице умудряюсь регулярно добиваться лучших результатов, чем мои конкуренты? — Он испытующе посмотрел снизу вверх на своего огромного гостя, и тот — подавив продолжавшее нарастать раздражение — решительно кивнул. Да, мол, так оно и есть. — Так вот, здесь нет никакого секрета. Лаборатория — лабораторией, но я располагаю и новейшей аппаратурой. — Широким жестом доктор указал на приборную стойку и стоявшее перед ней кресло. — Просто я предпочитаю, чтобы все эти неизбежные напоминания о мучающих моих пациентов недугах не мозолили им глаза. Практика показывает, что когда человек постоянно нарывается на напоминание о досаждающей ему болезни, даже здоровый человек невольно начинает ощущать себя больным. — Фуджи вновь мимо очков посмотрел на Хука, и тот опять не мог не согласиться. Что за чертовщина?! Он что, телепат — этот маленький круглый японец! — Вас, наверное, несколько удивило странное смешение стилей и эпох, но по сути в нем нет ничего странного. Во всем виноваты мои вкусы. Человек устает от чрезмерной функциональности окружающего мира. Умом он может понимать объяснения о перенаселенности Земли, о нехватке натуральных продуктов питания и прочих прелестях нашего высокотехнологичного мира... Но он все равно хочет слышать запах дождя за окном, ощущать босыми ногами свежесть утренней росы на траве и есть он предпочитает натуральную свинину, а не продукцию промышленных синтезаторов.

Не переставая говорить, Фуджи усадил Акселя в оказавшееся неожиданно удобным кресло и быстрыми привычными движениями опутал его голову праздничной сетью электродов и разноцветных проводов. Его руки стремительно забегали по клавишам и переключателям за спиной Акселя. Аппаратура запела едва слышно, но не навязчиво, а скорее успокаивающе. Покончив с манипуляциями, доктор некоторое время сосредоточенно наблюдал за показаниями каких-то невидимых Акселю приборов, потом удовлетворенно кивнул — от чего пенсне едва не спрыгнуло на пол, но в последний момент уцепилось за кончик носа и повисло под совсем уж неприличным углом, — и остановился перед ним, едва заметно улыбаясь.

— А вы оказались правы — мне придаться не к чему. Я даже не сумел уловить сбоя в так называемых импульсах обратного хода альфа-ритма. Что же касается локальных реакций... Тут я не могу прийти к однозначному выводу. Такое впечатление, что вы постоянно думаете о чем-то... Беда в том, что такая картина не может подсказать

однозначных выводов.— Он на минуту задумался, потеревил себя за нижнюю губу и вновь уставился на Акселя странным взглядом «поперек очков».— Думаю, дополнительные исследования со временем прояснят картину.

— Не сомневаюсь, доктор,— с готовностью согласился Аксель, чуть ли не радуясь тому, что, наконец-то поставил доктора в тупик.— Но, сдается мне, что я и сам могу разрешить ваши сомнения. Дело в том, что врач яньской экспедиции Анна Соргрэн... погибла уже здесь, на Земле, и смерть ее никак не идет у меня из головы, ведь мы были с ней очень близки...— Он испытующе следил за выражением лица коротышки, но тот лишь кивал с вежливо-сочувственным видом. И только тут Сол вспомнил, что Анна — дочь Стенсена, а значит, должна носить фамилию отца. Такого прокола он не позволял себе уже давно. Похоже, у него действительно что-то не в порядке с головой.

— Да, да, я вас хорошо понимаю, дорогой мистер Хук. Смерть любимой женщины — это ли не повод испытывать постоянную озабоченность? И все-таки от обследования отказываться не стоит, могут ведь существовать и иные причины. А сейчас не изволите ли пройти в двадцатую комнату? Я распорядился именно ее подготовить к вашему приезду. На столе вы найдете принятый в клинике распорядок дня и план дома... Строение довольно большое, так что не пренебрегите советом. Правда, развлечений у нас маловато — кроме библиотеки, ничего нет, зато книги в ней — на любой вкус. Надеюсь, вы не удивитесь, не обнаружив там периодики. Правда, некоторые из моих коллег считают, что текст действует на человека иначе, чем слуховые и зрительные раздражители, но воображение-то все равно работает... Впрочем,— он улыбнулся и, наконец, поправил грозившее упасть пенсне,— вряд ли вас интересуют подобные тонкости.

Аксель понял, что затяжной монолог доктора подошел к концу, и он может спокойно отправляться восвояси, не рискуя обидеть Фуджи своей бесцеремонностью.

На обратном пути Аксель вновь попал в кабинет. Кроме рабочего стола доктора он увидел пару огромных — иного слова и не подберешь — книжных шкафов, до отказа набитых медицинской литературой. Никогда прежде он не поверил бы, что скучные описания ковыряния в человеческих мозгах могут занимать столько места. Шкафы украшала затейливая резьба на ботанические темы, и такую же Соломон разглядел на массивной позолоченной бронзовой люстре, зависшей под потолком. Аксель понял, что хозяин кабинета никак не подходит под определение ограниченного создания, пусть и великолепно знающего свой предмет, но ничем, кроме него, не интересующегося. Само собой родилось убеждение, что Фуджи не просто любитель, но настоящий знаток старины, к каковым себя Хук причислить — увы — не мог, ибо тянул лишь на категорию любителя. Аксель ясно понимал, что все эти предметы для него оставались всего лишь антиквариатом, в то время как Фуджи наверняка знал родословную каждого из них.

Двадцатый номер находился на втором этаже. Аксель пересек холл и начал подниматься по широким, потемневшим от времени деревянным ступеням, стонавшим и скрипевшим под его тяжелыми шагами, тщетно пытаясь разобраться, что из окружающих его предметов является настоящей древностью, а что — всего лишь искусным подражанием. Резьба на балясинах перил явно передавала настроение мастера, изъеденные древоточцем барельефы на стенных панелях несли на себе ощутимую печать времени, медные угольники на ступенях неравномерно истерты. Копии или подлинники выполненных маслом картин висят на стенах, Аксель так и не сумел разобраться — краски давно выцвели от времени и покрылись мелкой паутиной трещин.

Интерес, конечно, праздный, и все-таки... Аксель знал, что дом простоял на этом месте никак не больше десяти лет, но интерес к древностям у людей состоятельных никогда не ослабевал. Ради удовлетворения собственных прихотей они шли даже на то, что покупали в Европе средневековые замки, разбирали их на отдельные блоки и, тщательно пронумеровав каждый, собирали вновь на другом континенте — там, где жили сами. С другой стороны, существует множество фирм, специализирующихся на имитации, поскольку предметов старины со временем не становится больше, наоборот... Он сам видел только что сошедшую

с конвейера «старинную мебель», на его глазах сотканые «выцветшие гобелены», на вид неотличимые от предметов производства древних мастеров. Если вдуматься, в этом нет ничего странного. Даже эксперты нехотя признают, что одновременно с развитием техники копирования совершенно исчезла разница между копией и оригиналом...

Аксель остановился на площадке второго этажа и облокотился о неприятно скрипнувшие под его весом перила. Пожалуй, стоит вести себя поосторожнее... Он невольно усмехнулся. Площадка представляла собой небольшой зальчик с единственной дверью в боковой стене и уводившим в глубь дома коридором. Интересно, что на первом этаже Аксель подобной двери не заметил. Если внутреннее убранство дома — подделка под старину, то слишком уж точная, потому что симитировать потрудились не только вид, но даже ветхость предохранительных ограждений. Он невольно посмотрел вниз — несмотря на всего лишь второй этаж, высота показалась ему достаточно внушительной. Если не удержаться, здесь можно запросто свернуть себе шею. Он перевел взгляд на угловую стойку перил, превращенную в изящную подставку для покоившейся на ней массивной фарфоровой вазы, расписанной синими драконами. Какая же династия-то? Похоже на Цзинь, а может, и Тан... А впрочем, какая разница? Когда Сол представил себе, что произойдет, если сей предмет коллекционирования случайно уронят кому-то на голову, первоначальные догадки об эпохе ее изготовления отошли на второй план.

От дальнейших размышлений Акселя отвлек звук открывающегося замка. Он инстинктивно отпрянул, подхватил с пола свой чемодан и беззвучно скрылся во тьме коридора.

В отведенной ему двадцатой комнате Аксель обнаружил приготовленную просторную одежду, являвшую собой нечто среднее между больничной пижамой и одеянием бедуина, и мягкие домашние туфли. Сама комната оказалась достаточно большой, с двумя высокими окнами в наружной стене. У левой от двери стены стояла широкая старомодная кровать; посреди комнаты Аксель увидел накрытый синей бархатной скатертью стол и два жестких кресла с резными спинками. Довольно-таки скудную меблировку дополнял огромный, непонятно зачем впихнутый сюда шкаф — тех вещей, что Аксель взял с собой, не хватило бы для того, чтоб заполнить его и на треть.

На столе лежал план дома, рядом с ним покоился распорядок дня, показавшийся Акселю не слишком обремененным полезной информацией. Четыре пункта предназначались для принятия пищи, один — для сна. Остальные восемь имели краткие исчерпывающие пометки: «На усмотрение доктора Фуджи». Аксель иронически хмыкнул, кинул листок на прежнее место и механически посмотрел на часы. Циферблат показывал без четверти шесть. Судя по лежащему на столе распорядку, до обеда остается час с четвертью — можно сказать, аристократический режим дня! Сам Аксель — кроме особых случаев — в шесть обычно ужинал. Что ж, придется привыкать, а пока не худо придумать, как скоротать оставшиеся час с четвертью. Собственно, путь для этого у него всего один. Аксель вспомнил словоохотливого Юла Лундстрема и обреченно вздохнул, поняв, что иного выбора, чем спуститься в библиотеку, ему попросту не оставили.

Шагая вниз, Аксель постарался еще раз припомнить последний разговор с Мтомбой. Согласно данным друга, с визитом в лечебницу они угадали в необыкновенно благоприятный момент. Сейчас в клинике, рассчитанной на полсотни человек, находится всего пять — с учетом доставленной накануне Анны — пациентов. Ситуация неслыханная, но случилось так, что в ближайшую неделю никто из стоящих в очереди на лечение не сможет заполнить вакансии. Доктор Фуджи воспользовался этим для того, чтобы отпустить почти весь персонал в давно обещанный отпуск. Правда, сам Соломон не разделял оптимизма друга. С одной стороны, отсутствие лишних глаз не может не действовать успокаивающе, зато с другой... Человеку, даже такому заметному, как Соломон Хук, легче спрятаться в толпе, нежели в безлюдной пустыне.

Впрочем, не мог он отрицать и того, что задача его упрощается. Искать Анну и сведения о круге общения Токадо ему предстоит, опираясь на показания четырех пациентов,

примерно такого же количества медицинского персонала и равного им числа горничных и поваров. У Мтомбы имелись досье на всех четверых, но Аксель не стал их читать, по опыту зная, как трудно порой перебороть предвзятое мнение.

С Юлом Лундстремом он уже успел пообщаться и считал его едва ли не идеальным источником информации. Если вести себя верно, изображать искренний интерес и подтверждать его заданными кстати вопросами, то при известном терпении от очкарика можно добиться многого. Поскольку Лундстрем находится здесь достаточно долго, он, без сомнения, не мог не застать Токадо, не говоря уже о том, что появление в клинике очаровательной мисс Стенсен не должно было остаться им не замеченным.

Занятый размышлениями, в коридоре первого этажа Аксель едва не наткнулся на двух высоких, показавшихся ему странно одинаковыми мужчин в белых халатах, вероятно, медбратьев. Оба одновременно взглянули на него и вежливо и совершенно одновременно поклонились. Проходя мимо, Аксель ответил энергичным кивком, размышляя о том, какие порой жизнь выкидывает фокусы — хотя бы эти две идентичные копии с неизвестного оригинала...

Библиотека в клинике оказалась небольшой, но вместительной. Массивные — до потолка — стеллажи вдоль стен были битком набиты книгами. Пара высоких — сейчас бесхозных — лестниц стояла у дальней стены. Еще Сол увидел с дюжину рабочих кресел с высокими спинками, расставленных около полудюжины рабочих столов. На каждом из столов он увидел по паре электрических ламп местного освещения, копировавших старинные керосиновые светильники. Три из них сейчас горели, заливая библиотеку потоками мягкого света из-под темно-зеленых плафонов. Все вместе взятое создавало у Акселя настроение сосредоточенности и покоя, каковые, собственно, и должны сопутствовать библиотечному залу. Однако присутствовал здесь и некий налет архаичности.

Юл Лундстрем сидел прямо напротив входа, судя по всему, поджидая именно Акселя. Кроме него, в комнате находились и остальные трое — не считая Анны — обитателей клиники: необыкновенно сухой человек лет пятидесяти сидел в кресле за одним с Юлом столом, остальные двое, словно спрятались за их спинами — за следующим, и о чем-то оживленно вполголоса спорили. Аксель остановился в дверях и окинул быстрым взглядом каждого, но на его приход отреагировал только Юл. Остальные трое лишь скользнули по нему мимолетными взглядами и вернулись к своим делам. Зато Лундстрем сразу вскочил, подошел к Акселю и, взяв его под руку, подвел к своему тощему соседу. «Подобное стремится к подобному», — невольно подумал Аксель.

— Соломон Хук — Тимоти Мэтисон, — представил он друг другу Акселя и Тощего, и едва новые знакомые успели скрепить знакомство рукопожатием, добавил: — Соломон только что вернулся из экспедиции на Ян, где ему пришлось пережить несколько... необычных моментов.

Соломон успел заметить, как в глазах Мэтисона вспыхнул и тут же погас огонек неподдельного интереса. Лундстрем тут же сел на свое место, словно предчувствуя, что случится в следующий момент. Мэтисон, только что неподвижный, точно мумия древнего фараона, весь напрягся и шагнул в Акселью вплотную.

— Вы пользовались гиперпространственным транспортером? — яростно зашептал он, обдав щеку Акселя горячим и влажным, точно выброс пара из утюга, дыханием.

— Нет, что вы, — мягко откликнулся Хук. — Гипертранспортер — дорогое удовольствие. Мы добирались на старой калоше с ядерным движком.

— Повезло... — разочарованно и, как показалось Акселю, с завистью — смысла которой Сол в тот момент не понял — протянул Мэтисон. — А вот мне не посчастливилось, — мрачно констатировал он. — Год назад я путешествовал на Марс. Жена, знаете ли, не терпит перелетов и уговорила меня воспользоваться услугами фирмы «Межпланетные путешествия без проблем!» Верно говорят: устами женщины нас искушает дьявол! — Он выразительно посмотрел на Хука. — Как бы там ни было, но я согласился. — Аксель внимательно слушал, никак не выказывая нетерпения. Поймав на себе его взгляд,

Тим продолжил: — Я ведь был такой же, как вы, а сейчас посмотрите — от меня прежнего остался только рост! Приятель сказал, что при трансляции исказился вектор массы и мне еще повезло — результат мог оказаться гораздо хуже! Я обратился в кампанию, но там меня подняли на смех... Нахально заявили, что приятель мой псих, да и у меня мозги набекрень...

Аксель посмотрел на Тощего, и ему стало искренне жаль своего нового знакомого. Казалось, тот готов расплакаться, хотя на человека слабохарактерного явно не походил.

— А как ваша жена? — Мэтисон смерил Хука непонимающим взглядом. — Ну, вы же говорили, что путешествовали вместе с женой, — пояснил Аксель свою мысль. — Как ваша супруга перенесла транспортировку?

— Но ведь она женщина... — теперь уже Акселю пришлось смерить Мэтисона непонимающим взглядом. — Да что же дурного может произойти с женщиной, да еще с такой, как моя жена, я вас спрашиваю?! — пояснил Тощий свою мысль, заставив Акселя вспомнить, что разговаривает он с не совсем здоровым человеком. — Да ничего с ней не произошло!

Вот так вот! Ничего, и точка! Что называется — приплыли! А главное, аргументация прямо-таки железная! Сол испытал редкое и неприятное ощущение, словно он стремительно глупеет, а главное — трезво отдает себе в этом отчет. Юл на своем стуле с трудом удерживал на лице серьезное выражение. Аксель понял, что только что стал свидетелем редчайшего процесса, в ходе которого трагедия стремительно трансформировалась в комедию, комедия обернулась фарсом, и все произошло мягко и естественно. Так сказать в ритме вальса: раз, два, три...

— А вы не пробовали обратиться к медикам? — поинтересовался Аксель, окончательно убедившись, что перед ним, так сказать, депрессант в чистом виде, или говоря попросту — псих. — Как они объясняют создавшееся положение?

— Ме-ди-ки — пе-ди-ки! — скривив губы с нескрываемым отвращением проскандировал Тощий. — Что они могут знать о человеческом организме! Твердят, как попугаи, что нарушение моей конституции вызвано следствиями гормональной перестройки, которая, в свою очередь, является редкой, но известной в медицинской науке реакцией иммунной системы на критический возраст. Климакс, говорят, мать их! — зло выругался он. Закончив рассказ, Мэтисон прикрыл глаза пергаментными веками и, вероятно, исчерпав последние силы, погрузился в блаженную полудрему. Аксель задумался над рассказом своего нового знакомого. Не вызывало сомнений, что только что озвученная им история — бредовая фантазия далекого от техники человека. Гиперпространственный транспортер не оказывает на человеческий организм никакого воздействия. По крайней мере, на том уровне знаний, которым обладает человечество, никакого взаимодействия организма и приводящих транспортер в действие сил выявить не удалось. Во всяком случае, из разговора следует лишь один, зато важный для Сола вывод: ценность Тощего, как источника информации, приближается к нулю.

Пауза длилась ровно столько времени, сколько потребовалось Хуку, чтобы прийти к вышеозначенному выводу. В следующее мгновение Аксель убедился в том, что Тим и не собирался дремать. Немного посидев, он поднял свои примечательные пергаментные веки и мрачно буркнул:

— Сволочи! Все сволочи! А этот доктор Фуджи — так просто самодовольный болван! Вместо того, чтобы оказать реальную помощь, или, как подобает мужчине, честно расписаться в собственном бессилии, этот дилетант от медицины решил уверить меня, что хужоба мне к лицу! Вы представляете? И это называется — азиатская хитрость! Да, Хук?! — с пафосом воскликнул он. — Этот непозволительно растолстевший низкорослый кретин упрямо называет меня стройным! Как будто его пустые слова способны изменить мрачную реальность! По сути, этот болван ничем не отличается от тех, что меня изуродовали! Они ведь тоже заменяют словами реальность! Словно бездоказательное утверждение о том, будто ничего не произошло, способно вернуть мне здоровье! А жена, дура, та просто твердит, что я свихнулся! Это я-то!!!

Понемногу Тим сбился на беспорядочные выкрики. Аксель краем глаза взглянул на Юла, но тот уже справился с собой и теперь сохранял невозмутимый вид и лишь изредка покачивал головой, давая понять Тощему, что не только следит за его рассказом, но и полностью с ним солидарен.

Минут через пять Мэтисон успокоился, обессилено опустил на стул и, откинувшись на спинку, вновь прикрыл глаза. В тот самый миг, когда Аксель подумал, что на этот раз его новый знакомый уж точно задремал, тот сделал несколько глубоких вдохов и, окончательно придя в себя, бросил на Сола вполне осмысленный взгляд. Его шелушащаяся физиономия производила отталкивающее впечатление, но Сол не мог не посочувствовать этому бедолаге, странная физическая метаморфоза которого породила маниакальные иллюзии...

— Тимоти,— мягко начал Аксель,— я сейчас подумал... Вы не рассердитесь? Если никто не в силах вам помочь... Быть может, стоит попытаться примириться с этой действительностью? В конце концов вас никто не искалечил — руки, ноги остались при вас — попытайтесь жить прежней жизнью...

— Перестаньте пороть чушь! — взорвался Мэтисон.— Вы рассуждаете в точности, как моя жена! Руки! Ноги! Все это мелочи! Я с радостью согласился бы на любой вид инвалидности, лишь бы вновь стать самим собой! Меня полностью изменили, понимаете?! Транс-фор-ми-ро-ва-ли! — прорывал он по слогам.— Понимаете?! Это,— он хряснул себя сухим кулаком в тощую грудь,—не я!

— Пожалуй, вы правы,— поспешно согласился Аксель. Ему вовсе не улыбалось довести несчастного психа до белого каления.— Ну а гормональные препараты? Быть может, с их помощью можно поправить положение?

— Поправить? — Он язвительно расхохотался.— Вы абсолютно правы, именно это мне предложили в первую очередь, да только я не согласился!

— Но почему?

— А вы подумайте сами! — грубо предложил он.— Допустим, я согласился и меня начали пичкать гормонами, я стремительно набираю вес, и в этот момент моя собственная гормональная система приходит в норму...— Он с сожалением посмотрел на собеседника, словно они на миг поменялись ролями.— Хук! Ответьте, во что я превращусь через месяц или два?! Так я вам скажу: в борова на конечной стадии откорма! На кой дьявол мне трехдюймовая прослойка жира по всему телу?! Я что, свинья? Вы же сами видите, что нет!

Аксель умолк, вновь пораженный стальной логикой психа. Мэтисон истерически расхохотался и, держась левой рукой за грудь, а правой опираясь о стену, медленно побрел к выходу. Не переставая смеяться, он отворил дверь и шагнул наружу, но еще долго его смех не смолкал, гулким эхом отдаваясь в пустом коридоре.

Когда наконец воцарилась долгожданная тишина, Лундстрем многозначительно посмотрел на Хука и постучал тонким пальцем с холеным ногтем себя по лбу. С кресла в дальнем конце библиотеки, где все это время продолжался неслышный спор двух неизвестных, поднялся низкорослый невзрачный человечек и направился к двери, словно собирался догнать костистого верзилу, но, проходя мимо Акселя, будто вспомнил о чем-то, резко остановился и, решительно развернувшись, снизу вверх посмотрел на новичка.

— Мэтисон опять порет чушь,— неожиданно глухо произнес он.— Не верьте, Соломон, не верьте ни единому его слову. Истина состоит в том, что у этого парня в голове все перепуталось от горя. Большую часть времени он нормален, но периодически начинает бредить. Обычно такое случается с ним, когда в клинике появляется новый слушатель, как сейчас.— Коротышка выразительно посмотрел на Акселя.— Но я-то лучше, чем кто-либо, знаю, что все сказанное им просто невозможно! — не терпящим возражений тоном констатировал он.— Все, что он тут вам наговорил — ерунда и вымысел. Гиперпространственный транспортер может изменить знак массы, но никак не ее порядок! Если бы сказанное этим психом соответствовало действительности, его сейчас водили бы на привязи, как аэростат заграждения!

Он хрипло расхохотался, весьма довольный своей грубой шуткой.

— Откуда вам это известно? — удивился Аксель. — Насколько я знаю, современная теория гиперпространственного перехода...

— Знаю! — отрезал он, после чего смерил Акселя оценивающим взглядом и решительно и твердо протянул ему маленькую сухую ладонь. — Цезарь Оптимус Плиний, — с достоинством произнес он. — Не удивляйтесь — это мое имя. Обыкновенно ограниченные люди удивляются, но я чувствую, что вы не из их числа. Терпеть не могу посредственностей! Лаврбак гиперстезии — это мое научное звание. — Он вновь испытующе посмотрел на Акселя. — Сдается мне, вы все-таки удивлены... — печально констатировал он. — Что ж, наверное, это неизбежно... — На миг Цезарь Оптимус Плиний заколебался, но потом как-то обмяк и вновь посмотрел на Соломона. На этот раз — не скрывая жалости. — Сказать по правде, меня не смущает ваше удивление. Конечно, я мог бы попытаться объяснить вам, да только вы наверняка не поймете, а где нет понимания, там нет и веры. Нет, — еще раз подумав, окончательно констатировал он, — пустая трата времени. Уровень интеллекта не тот. Простите, не хотел вас обидеть, но для сравнения: представьте, что вам предстоит растолковать питекантропу принципы теории относительности. Или нет — шимпанзе заставить найти решение знаменитой теоремы Ферма. — Он вновь многозначительно посмотрел на собеседника. — Думаю, мне удалось показать вам разделяющую нас бездну. Еще раз извините, не хотел вас обидеть. — Завершив свой пространственный монолог, он коротко поклонился и, не оглядываясь, покинул библиотеку.

— Не обольщайся, — едва тощий коротышка покинул зал, заметил Юл, — тебя не минует дурацкий рассказ о никчемной жизни этого кретина. Рано или поздно он рассказывает свою трагическую историю всем.

— А ты ее слышал? — механически поинтересовался Аксель.

— Конечно! — с энтузиазмом откликнулся Лундстрем. — Я ведь здесь уже четыре месяца, а он никак не меньше года!

— И что он говорит о себе? — Аксель заметно оживился, когда услышал о четырех месяцах пребывания в клинике Юла. Тот понял перемену настроения Сола на свой лад. Несколько озадаченный показавшимся ему странным интересом Хука к личности Цезаря, Лундстрем обескуражено покачал головой.

— Его страшилка круче, чем у Мэтисона. Цезарь Оптимус Плиний! Как тебе имечко?! — хохотнул Юл.

Первоначальная неуверенность мгновенно спала с него, едва он начал рассказ.

— Он всерьез утверждает, что попал к нам из параллельного мира! Принимал участие в создании машины времени, понимаешь? Говорит, на этапе генерирования положительного временного потока все шло хорошо, а вот на ходовых испытаниях машины в условиях отрицательного поля начались сбои. Говорит, на каком-то этапе потребовалась регулировка генератора на ходу. Он, якобы, не стал дожидаться механика и сунулся в установку сам, да что-то не заладилось и вместо «плавной корректировки вектора» произошла скачкообразная «трансформация временного потока в изолированную сферу с нулевой константой изменения». Здорово, верно? По его словам, в тот же миг жизненные процессы его организма остановились, а сфера начала дрейфовать в гиперполе, и длилось это до тех пор, пока создавшая сферу энергия не рассосалась естественным путем. Очнувшись в нашем мире, он долго не мог понять, что к чему, но потом произвел расчеты и выяснил, что переместился на пятьсот лет во времени и на одно измерение по нисходящему потоку параллельных миров, — иронично закончил Юл. — Повезло нам, правда? Могли ведь и не встретиться. Тебе понравилось?

— А известно, кто он на самом деле? — показав улыбкой, что вполне согласен с точкой зрения Лундстрема, поинтересовался Аксель.

— Сильно запутанная история... — Несколько секунд рассказчик колебался, но потом решился. — Я сумел мельком прочесть отрывок его досье в кабинете доктора Фуджи. Из его документов следует, что Цезарь и впрямь участвовал в каком-то эксперименте... Разумеется, ни о каком параллельном мире и будущем речи нет. Не знаю, какого рода эксперимент они

проводили, но основная его особенность — генерирование устройством сверхмощного магнитного поля со сложной структурой. Этот парень сунулся, куда не надо, и попал в область магнитного поля напряженностью по-моему в несколько миллионов гауссов...

— Я слышал о таком,— заметил Аксель.— И я слышал, что не менее напряженности важны градиент поля и скорость происходящих изменений.

— Не знаю.— Мэтисон пожал плечами.— Если так, то, вероятно, все перечисленные тобой моменты присутствовали.

— И все равно непонятно,— чуть подумав, высказался Сол.— Я знаю точно, что подобная полевая травма ведет к полной амнезии. Даже еще хуже — к распаду личности!

— Не знаю. Я не специалист.— Мэтисон вновь пожал худыми плечами.— Но если вдуматься, что такое амнезия? Всего лишь стирание памяти, или уничтожение ее путем замены информационной матрицы хаотичным набором полей и единиц.— Он немного помолчал, собираясь с мыслями.— Кажется, Винер сказал: теоретически может выпасть любая комбинация, но если мне скажут, что случайно рассыпавшийся по мостовой типографский шрифт сложился в Илиаду Гомера, я и пальцем не шевельну, чтобы пойти проверить. Похоже, здесь имел место как раз тот невероятный случай, когда шрифт сложился.— Юл помолчал.— Похоже, Цезарю повезло стать обладателем новой личности... А впрочем, не знаю. Быть может, травма оказалась даже более серьезной, ведь стань он банальным идиотом, его давно уже обучили бы всему, что он когда-то знал, да забыл, а так он который уж год мается сам и мучает других...

— Веселенькая история,— усмехнулся Сол. Некоторое время оба молчали, пока Сол не нарушил тишину.

— А ты, Юл? — осторожно поинтересовался он.— Что произошло с тобой?

— Но я же... — начал было тот, но Сол мягко перебил его:

— Да перестань. Я готов поверить, что жизнь здесь для тебя — своего рода отдых, о котором ты действительно упоминал, но я знаю и другое: попасть в клинику доктора Фуджи не так-то просто. Я сам здесь лишь благодаря протекции одного из директоров Лиги,— несколько туманно сообщил он.— А ты? Как сюда попал ты, Юл?

Лундстрем выразительно посмотрел на собеседника, горестно вздохнул, пожал тощими плечами и нехотя заговорил:

— Вижу, от тебя ничего не скроешь, но моя история совсем не походит на фантастические рассказы ушедших только что бедолаг. Все, что тебе предстоит услышать, произошло со мной на самом деле, а потому не жди сверхъярких красок или сногшибательной сенсации. Но если ты так уж хочешь, я расскажу, как очутился здесь. Тем более, что история моя не только простая, но и короткая.

Сол не стал кочевряжиться, сказал, что охотно выслушает рассказ, на что Лундстрем кивнул, поудобнее устроился в кресле и начал повествование глухим бесцветным голосом, каким обыкновенно говорят о глубоко затронувшем душу и слишком недавно пережитом событии.

— Я работал в одной из принадлежащих Лиге фирм, занятых разработкой систем искусственного интеллекта. К началу описываемого мною происшествия я проработал на фирме десять лет и пользовался вполне заслуженным уважением товарищей, да и начальство относилось ко мне благосклонно. Должен сказать, что занимался я разработкой поведенческих структур, которые в будущем должны заменить ныне применяемые мотиваторы роботов на более надежные.— Он посмотрел на Сола, и тот кивнул, показывая, что пусть поверхностно, но знаком с вопросом.— Именно поэтому я так обрадовался, когда узнал, кто ты. До сих пор я ломал себе голову над вопросом: как случилось, что робот сумел напасть на человека? — Он вопросительно посмотрел на Хука, и тому не оставалось ничего иного, как ответить на вопрос.

— Им ампутировали мотиваторы,— лаконично откликнулся он, надеясь на то, что на этом допрос и прекратится.

Некоторое время Лундстрем изумленно смотрел на собеседника, как бы спрашивая у

него: но как?! Потом кивнул, показывая, что принимает объяснение.

— Что ж, ампутировали, так ампутировали. Не понимаю, как это, но, по крайней мере, твое объяснение проливает свет на картину. Робот без мотора все равно, что гириомобиль без тормозов,— задумчиво проговорил Юл.— На чем я остановился? — Он вопросительно посмотрел на собеседника.— Ах, да! Так вот, начальство мне благоволило, и когда в лаборатории появилась молоденькая практикантка, ее на все время стажировки прикрепили именно ко мне. Должен сразу признаться, что не люблю женщин в науке, в особенности хорошеньких. Как правило, польза от них нулевая — один только ежедневный косметический марафон чего стоит! Думаю, излишне говорить, что нагрузку я принял без энтузиазма.— Аксель сочувственно кивнул рассказчику.— Но в тот роковой для меня раз я ошибся. Линда оказалась не только красоткой, но и умницей. Новую информацию она усваивала с прямо-таки фантастической быстротой. Ее советы отличались продуманностью, а оценки говорили о прекрасном знании материала и глубоком понимании проблемы.

Через несколько дней я поймал себя на мысли, что девчонка делает за меня едва ли не всю работу. Мысль мне явно не понравилась, быть может, потому, что оказалась верной. Недельный план я... — тут он виновато посмотрел на Акселя и сконфужено улыбнулся,— мы проделали всего за три дня. Причем я так и не сумел ответить на вопрос, кто из нас внес большую лепту. Конечно, мои знания и опыт превосходили ее квалификацию, но она работала энергичнее и, по-моему, даже не обедала. Очень скоро я стал ловить на себе завистливые взгляды сослуживцев и откровенно восхищенные, бросаемые на Линду. Последние, как ни странно, вызвали у меня незнакомое прежде чувство, которое, по зрелом размышлении, подходило лишь под одно определение — ревность. Меня не утешало даже то, что сама Линда никого из окружающих не выделяла, со всеми поддерживала одинаково ровные отношения, а на предложения моих коллег провести вместе вечер отвечала неизменным отказом. Сам же я не мог даже помыслить о том, чтобы завести роман с молоденькой подчиненной.

С трудом дождался я окончания срока стажировки Линды и с замиранием сердца предложил ей отметить дату в ресторане. Девушка посмотрела на меня долгим, неожиданно посерьезневшим взглядом. Я совсем растерялся, не зная, чего ждать в следующий момент. Мне вдруг подумалось, не оскорбил ли я ее, и не получу ли сейчас по мордам? И хотя я тут же отругал себя за глупость, на смену первому, явно идиотскому предположению, пришло второе, ничуть не менее неприятное: очкарику с такой бледной, как у меня мордой, не пристало зариться на подобную Линде красавицу. Она словно услышала каждую из мучивших меня мыслей, неожиданно мягко улыбнулась и коротко ответила: «Конечно, Юл». У меня едва сердце не выпрыгнуло из груди от счастья и затрепетало где-то в горле, в прямом и переносном смысле грозя перекрыть кислород.

Мы отправились в небольшой ресторанчик, где я иногда любил скоротать вечерок. Я заказал неплохой ужин и немного, зато хорошей выпивки. Оказалось, что Линда все-таки ест и даже с аппетитом. Заметь, это незначительное открытие настолько обрадовало меня, что я почувствовал себя едва ли не всемогущим.— Он испытующе посмотрел на Акселя.— Знаешь это ощущение, когда все у тебя получается, и даже ситуации, в которых ты прежде неизменно терпел неудачу, разрешаются сами собой? — Соломон понимающе кивнул.— Вот и я прежде всегда испытывал робость в женском обществе, а в тот вечер почувствовал себя на коне. Мы болтали, я каламбурил напропалую и сыпал анекдотами, она без умолку смеялась, так что я даже не сразу заметил, в какой момент мой смех зазвучал «соло».

Линда сидела, сложив руки на столе и неподвижным взглядом смотрела мимо... нет, сквозь меня. В первый момент я удивился, потом насторожился и позвал ее. Она не могла не услышать своего имени, как не могла не заметить обеспокоенности в моем взгляде, но никак не прореагировала ни на то, ни на другое. Она по-прежнему смотрела вдаль, на недоступную моему взгляду точку в пространстве, и никак не реагировала на происходящее. Уже не на шутку обеспокоенный, я наклонился через стол и дотронулся до ее руки... — Юл посмотрел на Акселя взглядом, ясно говорившим, что пережитое еще не изгладилось из его памяти.—

Теплая и мягкая, она, тем не менее, производила впечатление руки мертвеца!

Я впервые увидел лицо Линды так близко. Я не знал, что и думать и только улыбался улыбкой идиота, глядя на ее словно превратившееся в маску милое лицо, ничего не выражающее теперь; всего лишь мгновение назад такие живые, и словно остекленевшие сейчас глаза. Сам не знаю зачем, я потянул ее за безжизненную руку и вдруг почувствовал, что она отвечает на мое усилие! Мелькнула спасительная мысль, что все происшедшее — лишь глупая шутка. Ее пальцы, словно живущие собственной жизнью существа, обхватили мою кисть и спазматически сжались с такой силой, что я невольно вскрикнул от боли. На нас начали косо поглядывать из-за соседних столиков, но это я осознал лишь позднее. Я даже удивиться не мог, я чувствовал только боль! Боль и страх! Инстинктивно я попытался вырваться, но мои усилия ни к чему не привели. Она не сдвинулась даже на миллиметр!

Охваченный ужасом, я позабыл обо всем на свете. Свободной рукой я схватил ее за платье на груди и рванул изо всей силы, пытаюсь освободиться, не слыша смеха и глупых шуток остальных посетителей. Не выдержав усилия, ткань затрещала, и тут... тут я увидел то, чего никак не ожидал увидеть под платьем хорошенькой девушки. Скверно имитирующий кожу пластик явно не предназначался для всеобщего обозрения, поскольку имел целью лишь тактильную имитацию тела человека.

Я понял, что моя Линда не человек, и от этой мысли окончательно потерял власть над собой. Все еще конвульсивно вырывая руку из ее руки, я вскочил на стол и, уже ничего не видя вокруг, принялся истерично колотить ее по голове и в грудь ногами, дубасил по механической кукле, с которой всего час назад мечтал переспать. Я превратился в животное, в обезьяну, от которой, говорят, все мы произошли. Видимо от моих ударов что-то у нее внутри лопнуло и густая остро пахнущая жидкость черной кляксой расплылась на летнем цветастом платье. Спустя минуту давление в системе ослабло и мертвая механическая рука отпустила мою кисть.

Некоторое время Лундстрем молчал, заново переживая происшедшее, потом внимательно посмотрел на Акселя, пытаюсь определить, какое впечатление на новичка произвел его рассказ.

— На следующий день передо мной долго извинялись, говорили, что такого развития событий никто не предполагал, что происшедшего просто не должно было случиться. Мне сказали, что производился эксперимент, понимаешь? Экзаменовали какой-то новый ЧИП и управляющую его работой систему искусственного интеллекта. Потому и на практику она попала именно ко мне — специалисту по поведенческим структурам. Естественно, мне ничего не сказали. Официальным отчетом считался мой отзыв о стажере. На следующий день мне собирались обо всем рассказать, и попросить написать официальное заключение... Вот такой оказалась моя первая, запоздалая любовь,— продолжил Юл через некоторое время с легким оттенком иронии в голосе.— Не думай, Сол, что я шучу. Я действительно любил Линду, хотя и понял это лишь после того, как осознал, что любовь моя бессмысленна. Сейчас я уже смирился с потерей, хотя это оказалось и непросто. Но с тех пор, как я сумел перебороть себя, я все чаще вспоминаю Линду, как недостижимый в реальной жизни идеал. Идеал, который я сумел полюбить, и который оказался всего лишь приводящей в действие омерзительный стальной костяк гидравлической системой, управляемой сверхсовременным микрочипом...

Несколько минут Лундстрем сидел, неподвижно уставясь в одну точку, словно сам превратился в кибернетическое существо, о драматических взаимоотношениях с которым он только что рассказал. Через минуту придя в себя, Юл рассеяно поглядел по сторонам, поднял глаза на Акселя, и взгляд его наполнился подозрительностью. Внезапно глаза его резко расширились, словно на месте собеседника он увидел омерзительную гадину и, прежде чем тот успел увернуться, накинута на Сола.

— И ты, Брут?! — взревел он, зачем-то цитируя классика.— Проклятый робот — думал перехитрить меня?!

Потеряв остатки здравого смысла, Лундстрем потянул Акселя за карман драгоценного

уплавленного пиджака, да так, что, несмотря на сверхпрочность ткани, Сол всерьез испугался за ее сохранность. Стремясь освободиться, Хук машинально перехватил его руку, и тогда Юл завизжал не своим голосом.

— Пусти меня, мерзкая железяка! Я приказываю тебе перейти в дежурный режим! Механик! Механик! — начал звать он. — Немедленно отключите устройство!

Лундстрем извивался, как червяк на рыболовном крючке, и орал, как стадо павианов, завидевших крадущегося к их детенышам леопарда. Наконец, ему удалось вырвать ладонь из руки Акселя. Сол несколько растерялся, потому что никогда прежде ему не приходилось попадать в столь комичную и вместе с тем не лишенную драматизма ситуацию. Неожиданно за спиной очкарика выросла громоздкая фигура черноволосого гиганта, того самого, что еще сидел в зале. Он бесцеремонно ухватил Лундстрема под мышки и выволок не прекращавшего взывать о помощи хлипака из библиотеки. Аксель невольно посмотрел в сторону двери, когда из темнеющего проема донесся густой бас верзилы:

— Эй, санитары! Заберите Лундстрема! У него начался приступ!

Пару минут спустя, гигант вернулся и, кивнув Акселю, уселся рядом с ним.

— Не расстраивайся, приятель, для Юла такое поведение в порядке вещей. — Он покачал головой и, одобрительно взглянув на Сола, кивнул ему. — А ты молодец, не поддался панике. — И, подумав о чем-то своем, продолжил: — Не знаю, куда смотрит доктор Фуджи. Это сейчас нас всего четверо, а обычно клиника забита пациентами. Представьте, что происходит, когда этот парень каждому из пятидесяти клиентов рассказывает историю своей дурацкой любви, причем с неизменной истерикой в финале? Тут не то, что не вылечишься, наоборот — психом станешь, — резюмировал он. — О Лундстреме не беспокойся, — неожиданно переключился черноволосый, сразу начав обращаться к новичку на «ты». — Всего час сна, и он забудет обо всем, что здесь произошло... Меня зовут Годдард. — Он сжал протянутую Акселем руку. — Тревор Годдард. — Тут он неожиданно наклонился к Соломону и прошептал: — Называй меня так, но знай, что это не мое имя. На самом деле Тревора Годдарда нет на планете Земля, а ты разговариваешь с его биоэнергетической копией, не с человеком. — Сейчас, на четвертой попытке, чего-то подобного Аксель и ожидал, а потому лишь посмотрел на Тревора внимательным взглядом, после чего понимающе кивнул. Годдард в ответ улыбнулся и приложил палец к губам. — Надеюсь, ты понимаешь — никому ни слова! — Аксель вновь кивнул. — Я сразу понял, что ты свой, — удовлетворенно констатировал черноволосый верзила, — я всегда распознаю андромеянина, а вот земляне нас не различают. Впрочем, что с них взять; — остальные существа. Впрочем, оно и к лучшему — меньше окажется проблем с колонизацией планеты. Будем держаться вместе! — Тут он с такой силой хватил Акселя по плечу, что тот едва не покачнулся. — Отлично! Прижмем местных к ногтю... Знаешь, как я скучаю по своим!

Он сделал неопределенный жест рукой, заговорщически подмигнул Солу и вышел. Аксель понял, что остался один, но не смог удержаться от непроизвольного желания оглядеться, словно всерьез опасаясь, что где-то под столом прячется еще несколько психов. Как и следовало ожидать, никого в библиотеке не оказалось. Тем не менее он встал и прошелся по залу. На всякий случай оглядел стены и полки. Проверил, не прячется ли кто-нибудь за спинками кресел. Невольно ему припомнились слова Годдарда: «Здесь не то, что не вылечишься, психом станешь»... М-да, очень похоже на правду. Остановившись у ближайшего стеллажа, он машинально посмотрел на роскошные переплеты. На первый взгляд, книги производили впечатление очень старых: кожаные корешки с золотым тиснением, пожелтевшая от времени бумага, но значок производителя на последней странице уведомлял, что в руках у Акселя всего лишь факсимиле, на пластике, прекрасно имитирующем давно вышедшую из употребления бумагу.

Аксель прочитал некоторые из оттиснутых на корешках названий. На полке рядом с ним стояли труды величайших философов античности, чуть дальше — работы мыслителей эпохи Возрождения и так далее. Ницше мирно уживался с Конфуцием, а Библия — с Махабхаратой.

На столе, за которым сидел Цезарь Оптимус Плиний, остался лежать открытый примерно на середине толстый том. Машинально взяв его в руки, Хук прочел на обложке: «Роджер Желязны. Хроники Амбера». На полях и между строками он увидел сделанные от руки карандашные пометки. «Полнейшая чушь! Годится только для сказочного романа!» «Не лишено практического смысла. Стоит на досуге попробовать». «Изумительное предвидение! Жаль, доступно лишь счастливому обладателю развитого художественного таланта». Создавалось впечатление, что Цезарь настойчиво искал путей возвращения в свой иллюзорный мир.

Аксель неспешно прошелся вдоль стеллажей. Кроме уже названной философии, он нашел великолепную подборку, изданий по оккультизму, магии, экстрасенсорике, прекрасную библиотеку фантастики и другим, не менее экзотическим дисциплинам, отличительной особенностью которых являлась попытка увести читателя от реальности.

И вновь Акселю показалось странным, что в библиотеке собраны исключительно те издания, что способны не излечить от опасных фантазий, а, наоборот, подбросить пищи пораженному недугом мозгу. В который уже раз Аксель задался вопросом, зачем Фуджи поощряет уход пациентов от реальности, но ответа вновь не нашел. Тем не менее, факт оказался налицо: метод доктора Фуджи не просто работал, а гарантированно ставил пациентов на ноги, чем не могли похвастать остальные коллеги доктора.

Поудобнее устроившись в дальнем углу странной библиотеки, Аксель вставил в ухо микротелефон электронного секретаря и на минуту задумался. Ни Тимоти Мэтисон, ни Цезарь Оптимус Плиний, ни Тревор Годдард не интересовали его. Все трое полностью находятся во власти заболевания и поглощены собственными бредовыми фантазиями. Возможно, каждый из троих и знает нечто, интересующее Акселя, но как добиться нужного ответа от человека, живущего в мире иллюзий, Сол не знал. Пожалуй, Юл Лундстрем единственный из четверки местных обитателей, кто по крайней мере часть времени осознает реалии окружающей действительности. Аксель нашел начало его досье, но, чуть поколебавшись набрал на клавиатуре имена всех четверых и принялся слушать все без разбора, краем глаза присматривая за входной дверью.

Что касается Юла Лундстрема, то все оказалось предельно ясным. Информация досье полностью подтверждала выводы Акселя, как, впрочем, и слова самого Юла. Сын богатых родителей, он не пожелал лениво прожигать жизнь, а предпочел заняться делом. Приведший к психической травме случай в ресторане полностью соответствовал действительности, и Аксель вновь подивился той смеси комичного и трагического, которая предстала в рассказанной Юлом истории. Его диагноз в медицинской карте имел следующую формулировку: «Идентификационное расстройство, приводящее к истерическому чувству страха». По первоначальному прогнозу доктора Фуджи, Юл должен был поправиться после первого же курса лечения, но ситуация осложнилась тем, что Лундстрем женился. Видно, мозги его к моменту свадьбы не полностью излечились от болезни. Движимый несбыточной мечтой вернуть столь дорогой его сердцу образ, он женился на скандинавке, как на грех обладавшей удивительным сходством с приведшей к заболеванию роковой красоткой. Похоже, облик девушки будил неприятные воспоминания, те накапливались в подкорке и периодически приводили к нервным срывам, примерно раз в год возвращавшим его в клинику. Сам Юл остроумно называл эти вояжи «профилактическим отдыхом от жены, от тещи, от их собачек, капризов и модных курортов...» Тем не менее ситуация медленно, но верно исправлялась и в его случае. Поначалу он напал даже на старых знакомых, да еще не единожды, а, если разговор неосторожно переводили на связанные с его прежней работой темы, его умственное расстройство усиливалось. После первого же курса лечения Лундстрем начал считать роботами только новых знакомых, что всего лишь накладывало на круг его общения некоторые ограничения. После повторного курса рецидивы начали повторяться раз в год, и с каждым последующим курсом длительность их все уменьшалась. Сейчас всерьез ведется разговор о полном и скором выздоровлении.

Что касается Тимоти Мэтисона, то и его история полностью соответствовала

действительности, за исключением того факта, что никакой физической травмы он не получал. Имело место лишь совпадение момента начала недуга с круизом. С равным успехом он мог «пострадать» и от космических излучений неизвестной природы при путешествии на пассажирском лайнере, или от чего-то еще.

С Цезарем Оптимусом Плинием история повторилась с той лишь разницей, что в его случае истине соответствовал не его собственный рассказ, а история, поведенная Акселью Юлом. Что же касается Тревора Годдарда, то тут Аксель оказался бессилён. Он знал, что к моменту его приезда в клинику останется всего пять пациентов, но Мтомба «на всякий случай» снабдил его историями доброй сотни наиболее вероятных претендентов на «замещение вакантных должностей». Не найдя в списке нужной фамилии, секретарь вышел в режим ожидания, Аксель же просто не знал, кто конкретно скрывается под именем Тревора Годдарда. Ничего не поделаешь, с этим фактом ему придется смириться. Пожав плечами, он освободился от наушника и спрятал его в карман пиджака.

Прослушав три досье и примирившись с недоступностью четвертого, Соломон еще раз нарисовал мысленный портрет каждого из четверки своих новых товарищей. Единственным вопросом, который ему предстояло решить — на чьи слова можно положиться? На первый взгляд, ответ прост, но Аксель не торопился с выводами. Здравый смысл подсказывал ему, что псих, живущий в вымышленном мире, вполне может оказаться правдивее и наблюдательнее кажущегося относительно здоровым Юла. Как говорится, свежий взгляд со стороны. Он скептически хмыкнул. Ну и свидетели...

Размышления Акселя прервал приход санитара, сообщившего, что «кушать подано», а, стало быть, пришло время возвращаться в свою комнату, поскольку рационы составляются индивидуально и, в силу последней причины, порции разносятся по номерам. Сол не стал спорить и вернулся в комнату, обнаружив на столе сытный обед и телеграмму, мгновенно приковавшую к себе внимание Соломона. На первый взгляд, ничего особенного — всего лишь поздравления по поводу рождения племянника и информация о том, что «мама чувствует себя превосходно». Первая часть телеграммы означала, что после отъезда Акселя события на рынке развиваются по предсказанному им сценарию, в то время как вторая ставила Хука в известность о том, что их собственное расследование продвигается вполне успешно. Все. Никакой конкретики. Как говорится, подробности при личной встрече. Ну и Бог с ним. «В конце концов, о том, на что не в силах повлиять, ни к чему и знать», — решил он, с аппетитом принимаясь за еду.

До заседания Совета оставалась еще достаточно времени, но он не мог себе позволить провести его здесь, в тихом болоте посреди пустыни, среди маюющих мозговыми дисфункциями людей. Как только он выяснит для себя круг общения находившегося здесь Токадо и судьбу прибывшей накануне Анны, мгновенно пошлет сигнал вызова и вернется в мир нормальных людей. Придя к такому выводу, Хук не удержался от ироничной усмешки. Если происходящее сейчас в «большом мире» он всерьез называет нормой, значит, он серьезно болен, а, стало быть, тут ему самое место. Бред... В любом случае для начала не мешает подвести промежуточный итог.

Итак, первый день подошел к концу. Он познакомился со всеми пациентами, каждый из которых находится здесь достаточно длительное время, а значит, может считаться потенциальным обладателем необходимой Акселью информации. Исключение составляет разве что Тревор Годдард, появившийся в клинике лишь несколько дней назад. Никого из обслуживающего персонала он так и не увидел и начал склоняться к мысли, что в отпуске находятся практически все. Это означает, что никаких горничных он не встретит, что еду готовит киберкухня — чья ценность в качестве источника информации равна нулю, — а из медицинского персонала доктору Фуджи остались помогать только два однояйцовых медбрата.

«Это плохо... Просто хуже не бывает», — подумал он. — Дальше. Оба санитара охотно откликаются на приветствия и вообще выглядят коммуникабельными парнями, но Аксель имел уже не одну возможность убедиться, что дальше необходимой вежливости их

доброжелательность не распространяется — ни тот, ни другой на контакт с Соломоном идти не пожелал. Сам доктор Фуджи оказался словоохотливым и вполне доброжелательным человеком, но всерьез рассчитывать на то, что он станет давать одному из своих пациентов характеристики на других, всерьез не приходится. Остается надеяться разве что на случайные оговорки. Итак, придется рассчитывать только на собратьев по несчастью да на собственные силы...

Аксель уже доедал десерт, когда в дверь постучали. Он поднял голову и увидел в дверном проеме огромную фигуру Годдарда. Одним взглядом окинув комнату, он улыбнулся.

— Уже отобедал? Это хорошо. Идем. Санитары уберут посуду.— Вот как, санитары. Аксель не ошибся в выводах.

Соломон не заставил себя упрашивать, положил ложку на край тарелки, поднялся из-за стола и направился за своим провожатым. Несколько минут они молча шли коридорами. От нечего делать, Сол пытался угадать, куда они идут, но тут Тревор толкнул одну из дверей и отошел в сторону, пропуская его вперед. Соломон шагнул в дверной проем и обнаружил, что внутри комнаты собрались все. Все четверо — та самая компания, с которой он имел удовольствие познакомиться в библиотеке. Когда Аксель вошел, Мэтисон попытался прикрыть книгой нечто, напоминающее электробритву.

— Расслабься, старина.— Годдард кивнул и успокаивающе поднял руку.— Этот парень — наш — я лично его проверил.

Лично проверил, значит... Прямо-таки заговор идиотов, а он, Соломон Хук, сподобился чести стать среди них своим. Ладно, посмотрим... Тимоти облегченно вздохнул и, отложив книгу, взял черную коробочку. Коробочка оказалась последней моделью портативного всеволнового головизора. Вот, значит, что имел в виду Юл, говоря о молчаливом согласии доктора Фуджи. Имея элементарное желание, местонахождение такого устройства в клинике ничего не стоит определить по излучению гетеродина. Фуджи ограничился словесным запретом. Что же это? Наивность? Как психолог, доктор должен понимать, что запрет стимулирует желание нарушить его. Значит ли это, что ему желательно возникновение таких вот «тайных сообществ»? И если «да», то с какой целью? Отдушина для психов? Сомнительно... а может быть, и нет...

— Старик совершил ошибку! — заметив недоумение на лице Хука, рассмеялся Юл.— Ему следовало запретить привоз в клинику личных вещей. Он же ограничился лишь перечнем нежелательных предметов.— Включай, Тимоти. Сейчас начнется итоговый обзор...

Небольшой голошар приемника замерцал голубоватым инеем, и Аксель с удовлетворением отметил, что этих четверых, как и его, интересуют не шоу-программы и театральные постановки, а, в первую очередь, канал Мировых Новостей.

Затаив дыхание, Аксель слушал о панике на бирже, вызванной мощной волной банкротств частных компаний, занимающихся выпуском высокотехнологичной продукции. Покончив с сенсацией дня, диктор сообщил, что общественность требует от Лиги воссоздания Биржи Труда и выплаты оставшимся без работы специалистам пособий. Он долго смаковал тему, после чего пошли интервью. Функционеры Лиги выглядели явно растерянными, объясняли причины кризиса явно неубедительно, неуверенно заверяли, что правительство не допустит полного краха... что оставшиеся без работы граждане получают компенсацию и будут трудоустроены. Вновь заговорил обозреватель, задавая резонный вопрос: если происходящее не является крахом, то что же нас еще ожидает? И где Лига возьмет средства на компенсации? И каким, наконец, образом надеются трудоустроить сотни миллионов потерявших работу законопослушных граждан, жизненные планы которых в один день полетели под откос?!

Обозреватели, ответственные лица, эксперты сменяли друг друга, давая порой прямо противоположные объяснения происходящему, оценивая перспективы категориями от «грядущего в ближайшие дни полного краха» до «скорой реорганизации и последующего

взлета» мировой промышленности.

— Ну и как тебе, дружище? — поинтересовался Тревор, когда шарик голополя погас, а сам приборчик упокоился в кармане пиджака Тима Мэтисона.

— Думаю, никто из них ни черта не понимает в происходящем, — осторожно заметил Аксель. Он прекрасно сознавал, что высказывание достаточно смелое, ибо демонстрирует здравомыслие, которым, как оказалось, не могут похвастаться ни чиновники Лиги, ни эксперты, ни журналисты... По крайней мере, не те, что выступали в информационном блоке, хотя среди них Аксель узнал немало весьма известных и уважаемых мастеров своего дела.

— Я знал, что ты разберешься... — Годдард одобрительно похлопал Акселя по плечу кончиками пальцев, в то время как остальные молча прислушивались к их разговору. — Я спрашиваю о другом: где кроются истоки происходящего?

Вот оно как? Ему подай полный анализ причин, приведших к непонятным пока последствиям. Вполне достойный психа вопрос.

— Я пока не понимаю, к чему вообще движется дело, — тщательно подбирая слова, заговорил Аксель. — Среди банкротов я услышал лишь названия фирм, специализирующихся на выпуске высокотехнологичной продукции, а это означает, что в скором времени наступит дефицит потребительских товаров названной категории... — Он кивнул на карман Мэтисона. — Тех же средств связи, транспортных средств, синтезаторов пищи и так далее. Неизбежна волна недовольства. Наверняка посыпятся требования к Лиге запустить остановленные производства. Наступит небольшая паника, и все вернется на круги своя. Наверняка кто-то сумеет здорово погреть на происходящем руки, но меня это мало трогает. Ясно как день, что через полгода все забудут о происшедшем, и только экономисты будут продолжать ломать головы над причинами случившегося.

Пока он говорил, остальные слушали, и только Годдард продолжал удовлетворенно кивать, словно каждое слово Акселя соответствовало его собственным выводам.

— То, о чем и я говорил, друзья. Ну? — Он обвел присутствующих победным взглядом. — Кто из вас скажет, что я скверно разбираюсь в людях и событиях?!

— Прости, Тревор, — как мог мягко, возразил Сол, — но, в отличие от тебя, я совсем не уверен в своем объяснении.

— Не понимаю. — Лицо черноволосого гиганта омрачилось, как у ребенка, у которого отняли любимую игрушку. — Ведь ты же сам только что сказал...

— Сказал, — не стал спорить Аксель. — Просто на сегодняшний день иного объяснения происходящему не вижу, но это не значит, что завтрашние события не изменят картину кардинальным образом.

— Какие события? — внезапно насторожился Годдард.

— Откуда мне знать? — демонстративно спокойно пожал плечами Соломон. — Я и о сегодняшних банкротствах вчера еще не догадывался, — простодушно признался он.

— А-а... ты вот о чем... — неуверенно протянул верзила.

— О чем же еще? — Аксель безразлично пожал плечами и лениво зевнул, прикрыв ладонью рот. Похоже, его пытаются прощупать на предмет сообразительности, а он не готов демонстрировать собственное невежество. — Прошу меня простить, друзья, но я, пожалуй, пойду. Что-то устал, — пояснил он, взглядом попросив извинения у каждого.

К удивлению Соломона, Годдард увязался следом. Хук с неудовольствием подумал о том, что, быть может, несчастный псих решил документально оформить его, Акселя, членство в «братстве андромедян». Однако черноволосый решил просто проводить новичка до его комнаты. Соломон открыл дверь, и мягкая волна ночного воздуха обдала его лицо, как случается порой, когда летучая мышь, оставаясь невидимой, пролетает мимо. Здесь летучих мышей быть не могло, значит, это сквозняк. Они распрощались. Аксель вошел к себе, а Годдард отправился дальше — оказалось, его покои находятся здесь же, почти напротив комнаты Акселя. Он посмотрел на табличку двери, рядом с которой остановился его опекун. Номер девятнадцать.

Несмотря на странный разговор в библиотеке, Тревор Годдард произвел на Соломона приятное впечатление. «Симпатичный парень, — размышлял Аксель. — И ведет себя совершенно нормально... если, конечно, выкинуть из головы дурацких андромедян...» Хук скептически фыркнул в густую бороду. Любой из четверки нормален между приступами. Как знать, быть может, и Цезарь Оптимус Плиний не всегда мается своими фантазиями, ведь они виделись всего раз — совместный просмотр новостей в счет не идет. И все-таки... И все-таки что-то неуловимое отличало Годдарда от остальных. Аксель не мог пока четко сформулировать возникшего ощущения. Словно Тревор негласно оберегал новичка, а может быть, присматривал за ним, или следил... Соломон сокрушенно покачал головой. Похоже, от постоянного напряжения последних дней, осознания важности происходящего и принятой на себя ответственности за исход дела он сделался чересчур мнительным. И тем не менее, Сол хорошо знал это ощущение. Дважды за свою карьеру он находился на грани провала. Его сумели вычислить, взяли под наблюдение, но он вывернулся. Зато теперь Хук сходу узнал это чувство, уведомлявшее, что он находится под неусыпным контролем. Значит, придется вести себя предельно осмотрительно — слов на ветер не бросать, да и вообще, поменьше общаться с остальными.

После ужина Аксель лег, но сон упорно не приходил, и тогда он попытался вторично подытожить события дня. Итак, он познакомился со всеми обитателями клиники. В расследовании, правда, не продвинулся ни на шаг, да к тому же непонятно каким образом дал себя обнаружить. Это означает, что пора возвращаться. Как говорится, лучше вернуться ни с чем, чем не вернуться вовсе. Излишне говорить, что такое решение самому Соломону пришлось не по душе. Пожалуй, стоит пойти на компромисс: он останется в клинике еще на сутки, и если не почувствует, что ситуация изменилась к худшему, проведет здесь следующую ночь. А там... А там видно будет. В конце концов задача стоит перед ним не настолько сложная, чтобы суток не хватило. Дважды находился он на грани провала, но оба раза дело свое сделал. Не подведет и сейчас.

С этой оптимистической мыслью Аксель заснул. Ему снились местные психи. Они неумно шутили и периодически впадали в неспровоцированную истерику, причем во время приступа одного остальные выглядели подчеркнуто нормальными, но взгляды их светились лукавством, словно намекая, что все происходящее — лишь фарс, игра, в которой он не более чем пешка, возмнившая себя ферзем! Выставленный на всеобщее обозрение лазутчик! Братья-санитары подчеркнуто дистанцировались от кучки идиотов с их идиотскими играми, но присутствием своим словно напоминали, что находятся рядом и в любую минуту готовы вмешаться. Доктор Фуджи с отеческой улыбкой на круглом лице наблюдал за остальными, и только кивал, показывая, что все видит, а пенсне в золотой оправе в такт кивкам постоянно меняло дислокацию на курносом докторском носу, порой опасно кренясь, но всякий раз каким-то чудом удерживаясь «в седле».

Разбудил Акселя смутно знакомый скребущий звук. Сработал рефлекс, и он мгновенно проснулся, не шевелясь и дыша по-прежнему ровно, словно все еще продолжает спать. Медленно он открыл глаза. Свет Луны лился в окна, серебристыми пятнами ложась на пол. Стояла глубокая ночь. Снаружи несильный ветер играл листьями деревьев, но больше он не услышал ни звука. «Наверное, приснилось», — подумал Аксель в тот самый момент, когда острые коготки тихонько застучали по паркету.

Крысы! Ассоциация возникла сама собой и напомнила о чем-то далеком и совершенно забытом. Напомнила о ФАКТЕ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ. Аксель попытался вспомнить, к чему относится ассоциация, но вскоре отступил. Воспоминания дразнили, но не давались ему в руки, вызывая совершенно ненужное раздражение. Повсюду, где только ни поселится человек, появляются и эти назойливые существа! Даже сюда, в центр пустыни, они сумели непостижимым образом проникнуть! И тут Соломон невольно задумался. А ведь и верно. Откуда они здесь? Не доктор же Фуджи привез их со своим барахлом? И уж давно не пациенты!

Аксель скинул с себя простыню, стремительно вскочил и нашарив рукой клавишу на

стене у двери надавил на нее. Одновременно со щелчком выключателя по полу вновь что-то застучало. В следующий миг зажглась люстра под потолком, и Сол сдавленно чертыхнулся. Ослепленный, он прикрыл глаза рукой и, шурясь, окинул комнату подслеповатым взглядом, но как и следовало ожидать, ничего не обнаружил. Крыса, она крыса и есть. У нее свои лазейки и норы, в одной из которых она поспешила укрыться. Аксель рефлекторно посмотрел на лежащие на столе остатки ужина, которые в клинике, похоже, не принято убирать при пациентах. Недоеденный бутерброд с сыром остался нетронутым. Впрочем, это ровным счетом ни о чем не говорит.

Аксель погасил свет, вернулся в постель и посмотрел на светящийся циферблат наручных часов — три часа ночи. Мысль о том, что по комнате шастает крыса, выводила его из себя. Серых пронырливых тварей Аксель терпеть не мог, испытывая к ним инстинктивное отвращение.

Донесшиеся из коридора негромкие шаги отвлекли его от неприятных размышлений. Не раздумывая, Аксель откинул простыню, сунул ноги в мягкие тапочки и в два шага очутился у двери. Судя по голосам, двое в коридоре о чем-то разговаривали, но о чем, он разобрать не мог — слишком тихо звучала их речь, да и закрытая дверь задерживала звук. Лишь одно громче остальных прозвучавшее слово — завтра! — он сумел разобрать, но тут опять в темноте завожилась крыса. Проклиная в душе всех крыс и крысopodobных тварей, он, затаив дыхание, потянул за ручку двери и в тускло освещенном коридоре увидел обоюдоподобных санитаров.

Они стояли у двери под номером девятнадцать и, периодически оглядываясь, шептались о чем-то своем. Соломон поспешно выскользнул из полосы пробивавшегося в щель тусклого света и прислушался, но по-прежнему не мог разобрать ни слова. Через минуту клоны убрались, не прекращая беседы, а Хук вернулся в постель в твердой уверенности, что заснуть уже не удастся. «Самое время выпить», — невольно подумал он. Спиртное безотказно помогало Акселю при любых невзгодах: и от простуды, и от боли, а от бессонницы и подавно. К сожалению, сейчас любимое лекарство не более для него доступно, чем болтающаяся за окном Луна.

Мысли его вновь вернулись к странному поведению охранников, на время вытеснив даже всецело занимавшую его проблему уменьшения крысиного поголовья хотя бы в пределах отдельно взятой комнаты. Чем больше Аксель думал об увиденной им только что сцене, тем все более странной она ему казалась. Глубокой ночью два медбрата, дождавшись, когда пациенты клиники заснут, начинают шляться по коридорам, останавливаясь у дверей «избранных», уточняя разработанные на их счет планы на завтра.

Сюжет годится разве что для низкопробного детектива, но ведь не зря же «сладкая парочка» топталась у дверей апартаментов Годдарда! Глупо это выглядит или нет, но зачем-то ведь они приходили?! Аксель изо всех сил пытался понять, свидетелем чего ему только что довелось стать, и не мог найти приемлемого объяснения. Если предположить, что тандем в белых халатах измыслил нечто недоброе, все равно оставался без ответа вопрос: зачем они приперлись к девятнадцатому номеру? Что такое они обсуждали у двери Тревожа, чего не могли бы обсудить в укромном уголке, без риска быть увиденными или услышанными?

Оставалось предположить одно: ничего они не замыслили. Просто двое добросовестных служащих задержались в лаборатории за мытьем колб и пробирок и на обратном пути случайно остановились у комнаты Годдарда, обсуждая свои планы на следующий день. Наверное, так. «Верно, — поддержало его подсознание, — и крыса зашумела как раз в тот момент, когда в коридоре заговорили громче... Чтобы ты не услышал». «Бред!» — едва не выкрикнул вслух Аксель. При чем здесь крыса?! «Кто его знает, — многозначительно откликнулось подсознание. — Ты же в дурдоме, в доме для дураков. Здесь все и должно выглядеть по-дурацки: дурацкие преступления, дурацкая подготовка к ним... А чего ты ждал?» — «Ага! — обрадовался Аксель. — И персонал тоже набирают из числа идиотов!» — «Ты же знаешь, в жизни всякое случается», — скромно откликнулось подсознание и умолкло.

Что ж, вполне справедливо. Чего он ждал от поездки сюда? Информации о том, кто мог дурно повлиять на славного толстяка Токадо... Господи! И Анна! Никто не словом не обмолвился о ней, а ведь она прибыла сюда на сутки раньше его! Допустим, девушка ранена и находится в особой палате или под особым надзором...

«Мы поймали ее и отвезли к Фуджи!» Кажется так сказал налетевший на них в коридоре «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» человек Стенсена? Именно так! А это значит, что, несмотря на обилие крови, ранение Анны, по счастью, оказалось не столь тяжелым, как они с Мтомбой думали. Нет, не могла Анна остаться незамеченной четырьмя совсем не старыми мужчинами... Но что же тогда происходит? Этого он никак не мог понять. Конечно, можно пойти к Фуджи и прямо спросить его о судьбе прибывшей накануне пациентки, но внутренний голос подсказывал Акселю, что делать этого ни в коем случае не стоит.

Акселю показалось, что прошел всего краткий миг с того момента, как он рассуждал о судьбе Анны, когда утреннее солнце коснулось его ресниц, ослепляющим фонариком посветив в правый глаз. Еще не проснувшись, он попытался укрыться простыней и слепо зашарил ладонью по голому телу, понемногу приходя в себя. Солу показалось, что он и не спал вовсе, вставать не хотелось, но он переборол себя, принял душ, а когда, посвежевший, вернулся, обнаружил, что его уже ждет чашка ароматного дымящегося кофе и пара аппетитных гренок. Взъерошив полотенцем влажные волосы, он подошел к окну. Райские кущи да и только! Сад за окном произвел на него столь же нереальное впечатление, как накануне — дом, когда он впервые увидел его, идя по дорожкам сада.

Сейчас, при свете солнца, полночи не дававшие ему покоя криминальные догадки не желали материализовываться. Все казалось простым и понятным: прекрасный день, прекрасный дом, прекрасный сад, добряк Фуджи, исполнительные близнецы в его подчинении и четверка симпатичных, хоть и не совсем здоровых, отдыхающих. Сейчас он позавтракает и отыщет Анну. Как можно в этом сомневаться?

Аксель с аппетитом позавтракал, пожалев лишь, что рядом с гренками не видит яичницы из хотя бы пятка яиц и пары-тройки внушительного размера кусков ветчины. Допив кофе, он быстро оделся и вышел из комнаты. Лампы снаружи не горели, но рассеянный дневной свет освещал коридор даже лучше искусственных светильников. Соломон огляделся и никого не увидел. И что теперь? Где искать остальных? Он подошел к девятнадцатому номеру и постучал, но ему никто не ответил. Тогда он постучал еще раз — для очистки совести — и направился к лестнице — ясно как день, что привыкший к местному распорядку Тревор давно поднялся и ушел. Никто не сказал ему, что делать на следующий день, однако чутье подсказывало Акселю, что у четверки должен существовать некий совместно выработанный ритуал общения. Они должны знать, где искать других, если пришла охота поболтать, и должны знать, как вести себя, если возникло желание побыть в одиночестве. В особенности, когда в клинике находятся все пятьдесят пациентов и полный набор персонала. Вчера перед обедом они собрались в библиотеке, промежуток между обедом и ужином скоротали у Мэтисона, судя по всему, владельца головизора. Соломон же искал уединения и понял, что найдет его лишь снаружи. В холле первого этажа Аксель совершенно неожиданно для себя натолкнулся на Юла Лундстрема. Вот тебе и побыл в одиночестве! Этот Юл, он что, так и будет постоянно путаться у него под ногами?

— Привет, Соломон! Прекрасное утро! — радостно сообщил очкарик. — Решил побыть наедине с природой? Здесь здорово, а в первый раз так попросту волшебно! Смотри только, не заблудись!

— А что, такое возможно? — понемногу оттаивая, поинтересовался Аксель. Он даже сумел выдавить из себя ответную улыбку, не вполне, правда, уверенный, что она выглядит приветливой.

— А то как же! — казалось, энтузиазму Юла не будет конца. — Главное, помни, что пальмы — это окраина, а все дороги ведут в Рим!

Он кивнул Акселю и, насмистывая нечто фривольное, направился в глубь дома. Соломон так и не понял, шутил Лундстрем или говорил серьезно. Хук пожал плечами и по

аллее направился в сторону леса, стараясь убедить себя в том, что напряженно думает, как бы ему не заблудиться. Смех, да и только!

Снаружи оказалось еще жарче, чем внутри дома. Деревья практически не отбрасывали теней, Соломон машинально посмотрел на часы: так и есть. Только что перевалило за полдень. На скамейке между кустов розмарина, откинувшись на высокую спинку, спал человек. Так и есть, Тревор Годдард. Небось видит во сне экспансию андромедян в солнечную систему. Аксель неслышно прошел мимо и углубился в заросли полкустарника. Ему показалось, что в последний момент черноволосый приоткрыл глаза и проводил его настороженным взглядом, но, преодолевая желание проверить подозрение, он так и не обернулся.

Мгновенно все ночные подозрения вернулись к нему, с той лишь разницей, что он уже не считал Тревора самым симпатичным. Сейчас Годдард казался Акселю самым подозрительным в компании психов. Он практически не сомневался, что черноволосый гигант попался ему на пути неспроста. Во всяком случае, вчерашние подозрения об опеке как нельзя лучше сочетаются с сегодняшней встречей и брошенным исподтишка взглядом.

Как бы там ни было, а больше пока уцепиться не за что. Остальные — всего лишь люди, каждый со своими достоинствами и недостатками, но ни один из них не внушал Акселю и половины той озабоченности, которую он испытывал при мыслях о Треворе Годдарде. Никто, кроме... Углубившись в парк, Аксель напоролся на братьев-санитаров. С лопатами на плечах они шли по направлению к дому, о чем-то негромко переговариваясь. Ага. Вот и претенденты под номерами два и три.

— День добрый! — Аксель приветливо улыбнулся. — Я не знал, что вы по совместительству еще и садовники!

— Кто-то должен всем этим заниматься, — откликнулся тот, что шагал справа, окидывая красноречивым взглядом окружающий их зеленый мир. — Вы не могли не заметить, что сад... — он помялся, — немного странный...

— Это вкус шефа, — поддержал его находившийся слева, — но не подумайте, что мы жалуемся! Если день напролет заниматься мытьем колб и разносом обедов по комнатам, недолго и свихнуться. — Тут он едва ли не испуганно посмотрел на Акселя, запоздало сообразив, что ляпнул лишнего. Извините, я не хотел вас обидеть.

— А вы меня и не обидели! — усмехнулся Соломон. — Я понимаю, что наверняка и все остальные не признают себя больными, но со мной ситуация особая. Собственно, я приехал сюда лишь для того, чтобы повидаться со своим старым приятелем Акуро Токадо. Мне сказали, что он здесь на отдыхе, что оазис Нубэ — дивное место, а у меня как раз выдалась свободная неделя, и вот я здесь, а Токадо и след простыл.

Аксель понимал, что его импровизированная легенда шита белыми нитками, но решил рискнуть. По крайней мере, навскидку она выглядела вполне правдоподобно, но даже если кому-то взбредет на ум проверить его версию на прочность, он убедится, что новый пациент, как и прочие, не способен отличить правдоподобную фантазию здорового человека от собственной выдумки, каковыми здесь пользуются все без исключения. Говоря иными словами, попал в клинику не случайно.

— Акуро Токадо? — Правый копатель вопросительно посмотрел на Левого, нетерпеливо водившего носком ботинка по гравию дорожки. — Это такой толстый японец. — Аксель утвердительно кивнул. — И вы еще утверждаете, что ваш друг приехал просто на отдых! — с пафосом воскликнул он.

— По крайней мере, мне так сказали, — насторожился Соломон. — Неужели с ним что-то серьезное?

— Спросите лучше у шефа, мистер Хук, — ответил Левый, одарив недовольным взглядом двойника-лопатоносца. — Нам запрещено обсуждать пациентов. Именно поэтому нашим предшественникам доктор Фуджи предложил уехать — они слишком много говорили, о чем не следовало.

— И давно вы работаете с доктором Фуджи? — Аксель пытался не упустить из рук

инициативы.

— Как раз через месяц исполнится год,— мгновенно откликнулся Левый.

Аксель кивнул, напряженно раздумывая над тем, что бы еще спросить, но ничего дельного в голову не пришло. Не попросишь же, в самом деле, разъяснений по поводу их ночного разговора у девятнадцатого номера?! «Извините, мистеры, я тут случайно подслушал ваш разговор в три часа ночи... так о чем вы договаривались на завтра?» Видя, что пациент не находит темы для разговора, землекопы взяли за лопаты и направились прочь. Соломон не стал их задерживать и двинулся в противоположную сторону.

— Не уходите слишком далеко от дома! — крикнул ему вслед один из санитаров.— В пустыне полно скорпионов, и они любят заползать в лес!

Хук кивнул, показывая, что предостережение услышал, и зашагал дальше. Вот, значит, как. Этим двум парням Акуро Токадо не показался нормальным, но откровенничать медбратья не пожелали, а отослали его за справками к шефу. И вновь внутренний голос подсказал Акселю, что идти к Фуджи с вопросами не стоит. Он, вероятно, заговорит о врачебной этике, а может, и просто отделается ничего не значащей отговоркой. Нет, так дальше дело не пойдет. Вопросы следует задавать лишь тем, кто дает на них ответы. Он добился лишь того, что оба санитары теперь знают о его интересе к Токадо, а в ответ не получено даже намек на информацию. Да еще он так неловко соврал, объясняя причины своего появления в клинике! Впрочем, отрицательный результат тоже результат. Нежелание персонала что-либо сообщать о пациентах говорит о многом, тем более, что он не пытался выманить у них никаких секретов. Некоторое время Аксель шел по саду, размышляя на эту тему. Наконец, вздохнул и недовольно покачал головой. Какого черта он упражняется в формальной логике! Если, нормальному человеку говорят, чтобы он не трепался, он держит рот на замке, невзирая даже на то, что перед ним изнывающий от безделья и скуки пациент!

Придя к такому выводу, он остановился и огляделся, только теперь обнаружив, что сделал полный круг по саду. Странно, он ведь собирался присесть где-нибудь в тенечке и поразмышлять о стоящих перед ним проблемах, а вместо этого проделал вполне основательный путь. Не найдя ответа и на этот вопрос, он вновь двинулся по аллее и вскоре достиг той самой скамьи, мимо которой уже проходил в начале своего путешествия. Тревор Годдард сидел на прежнем месте и, похоже, все еще спал, но на этот раз при приближении Акселя открыл глаза и жестом предложил присоединиться.

— Добрый день, дружище! — приветливо проговорил он.

— День добрый,— откликнулся Аксель, присаживаясь. Как ни странно, здесь, на скамье, чувствовалась относительная прохлада, словно в окружающих ее кустах розмарина стоял кондиционер. Впрочем, вполне возможно, что создаваемой ими тени вполне хватало для того, чтобы ощутить перепад температур.— Я уже проходил здесь часа полтора назад,— заметил для затравки разговора Соломон,— но вы спали.

— Я приехал сюда две недели назад и почти сразу обнаружил это местечко,— неожиданно сообщил Тревор.— Не знаю, как вам, а мне здесь спится гораздо лучше, чем в номере, в постели.

— Вы сказали, что уже две недели здесь.

Гигант кивнул, показывая, что так оно и есть.

— Вы должны были застать Акуро Токадо.

— Это тот невероятно толстый парень, что безвылазно просидел весь срок в своем номере? — уточнил «андромедянин».

— Вы говорите, что Токадо провел здесь в одиночестве десять дней? — Аксель не пытался скрыть удивления. Вот, значит, что имел в виду один из санитаров, выражая сомнение в здравости рассудка Токадо! Впрочем, сам Аксель не считал стремление к уединению признаком ущербности. С другой стороны, он понимал, что человек, безвылазно проводящий все свое время в номере, не может не вызывать, как минимум, недоумения.

— Это не я говорю,— поправил Акселя Тревор.— Так оно было на самом деле.

— Странно,— откликнулся Соломон.— Токадо не казался мне человеком замкнутым.

— А я и не говорил, что он замкнут,— прогудел черноволосый.— Может, скверно чувствовал себя? — Он испытующе посмотрел на Акселя, но тот лишь пожал плечами, и Годдард продолжил: — Насколько я знаю, тучные люди скверно переносят жару, а здесь по-настоящему прохладно только в доме. Так что, быть может, не так уж и странно вел себя ваш друг... — Говорил Годдард спокойно, словно беседовал сам с собою вслух, и Аксель верил, что все, о чем тот говорит, соответствует действительности. В доме и вправду не ощущалось той жары, что столь явственно присутствовала снаружи.

Тревор высказал свою версию и замолчал. Как ни странно, после первоначальной атаки на новичка, он не заговаривал больше об экспансии андромедян, да и вообще вел себя вполне нормально.— Время ленча приближается,— взглянув на часы, прогудел Тревор, прерывая затянувшуюся паузу,— идемте.

Они поднялись и прошли по аллее к дому. Миновав холл, они подошли к лестнице, и Аксель внимательно осмотрелся, но так и не нашел никаких признаков двери, из которой вчера, вроде бы, вышел один из медбратьев. В полном молчании они поднялись на второй этаж, и здесь Аксель увидел дверь, находившуюся посередине длинного простенка между краем площадки и коридором, на которую накануне не обратил внимания. Впрочем, немудрено: замаскированная под стену дверь и не должна бросаться в глаза. Аксель взглянул на широкую спину шедшего на пару шагов впереди гиганта. Почему-то Сол мысленно называл Годдарда гигантом, хотя тот ни ростом, ни комплекцией не превосходил его самого. Так же молча они разошлись по своим комнатам. Намеренно или нет, но получалось так, что Тревор вновь сопровождал его...

Кто же он, Тревор Годдард, друг или враг? Аксель и сам не осознал, что именно в этот момент впервые разделил окружающих на своих и чужих. Коснись эта мысль его сознания, в дальнейшем он рассуждал бы иначе, да и действовал бы по-другому.

Итак, он получил ответ на свой первый вопрос. Ответ странный, если учесть, что сам он по возвращении не заметил в поведении Токадо никаких изменений. Вполне возможно, что Годдард прав, и Толстяк просто прятался в здании от жары, а может быть, окружение психов подействовало на него столь сильно, что он предпочел их веселой компании полное одиночество. Аксель не удержался от усмешки, вспомнив собственное знакомство с местной публикой. Да, вряд ли Токадо согласится еще раз отдохнуть в клинике доктора Фуджи!

Аксель отодвинул от себя тарелку и откинулся в кресле. Итак, ни с кем Токадо дружбы здесь не водил, а если кто-то и имел с ним беседу тет-а-тет, то он, Соломон Хук, никогда об этом не узнает. Как это ни странно, но к такому же выводу он мог бы прийти, не приезжая сюда. Да, Мтомба хорош... Оба они хороши! Следовало просто посмотреть на список «сокамерников» Акуро Токадо. В конце концов пятьдесят человек — не слишком большая цифра. Из нее можно было без труда вычлениить «потенциальных клиентов»...

Аксель задумчиво потерел себя за губу. Получается так, что Токадо сам дозрел до решения переметнуться в стан противника. Так сказать, плод созрел и сменил окраску. Плохо получается, некрасиво получается, а главное — неубедительно! Никто без причин не предает ни друзей, ни любимого дела. Соломон сокрушенно покачал головой и заставил себя не думать больше о Толстяке, а подумать о ночной крысе. Чем-то воспоминание продолжало тревожить Акселя. Откуда здесь, на втором этаже, взялась крыса? Конечно, крыса — такая тварь, которой высота не помеха, и все-таки... И все-таки странно.

Хук не поленился, встал из-за стола и прошел по периметру комнаты, заглядывая под закрывающие плинтус предметы обстановки, и под кроватью обнаружил искомое. Аксель наклонился, отогнул полог постели и, встав на четвереньки, принялся разглядывать находку. В изголовье, в наружной стене, виднелось зияющее чернотой отверстие. Небольшое, сантиметров пятнадцати в диаметре, оно уходило неизвестно куда. Соломон передвинулся на два шага вперед и, согнувшись в три погибели, поднес руку к дыре. Из нее тянуло могильным холодом. Несильно, но совершенно явственно. Так вот, значит, отчего в доме относительно прохладно! Остается лишь удивляться тому, что он не обнаружил отдушины раньше.

Он выпрямился, отряхнул брюки от несуществующей пыли и вернулся в покинутое только что кресло. Итак, он выяснил путь, каким крыса попадает в его комнату. Вовсе не по отвесной стене и через окно, как он думал вначале, хотя и такой путь серой разбойнице по плечу. Нет, докучливая тварь пользовалась иным, словно специально проторенным для нее путем — проложенной по всему дому системе вентиляционных трубопроводов. Странно лишь, что доктор Фуджи не догадался оградить пациентов от докучливых визитеров, поставив на выходные отверстия банальные решетки.

Итак, он разобрался с крысином вопросом и вновь ничего для себя полезного не выяснил. Впрочем, ничего особенного он и не ждал. Мысль о том, что крысы могут появиться здесь в любой момент, раздражала его, но и только. Или что-то еще? Что-то мимолетное. Именно в этот момент Соломону припомнился еще один фактик, еще вчера отмеченный им, а после вроде бы забытый. Видимо, не случайно как раз сейчас, когда он обнаружил место притока прохладного воздуха, фактик вновь всплыл на поверхность сознания. Вчера вечером его обдало в дверном проеме слабой воздушной волной. Тогда он подумал, что виной тому сквозняк. Правда, он хорошо помнил, что воздух шел ИЗ коридора, а вовсе не НАОБОРОТ.

Он подошел к двери, отворил ее и замер в проеме. Все правильно. Ступени скрипят, но дом собран на совесть. Никаких сквозняков здесь нет и в помине. И что получается? Черт-те что получается... Аксель задумчиво запустил руку в густую шевелюру и вернулся в кресло. Итак, он обнаружил разветвленную систему охлаждения, в холодное время, видимо, трансформируемую в систему отопления. Он машинально взял лежавший на столе лист с планом дома. На одной стороне листа он увидел план первого этажа, а на другой — соответственно второго. Если в каждой из комнат находится такое же ведущее к мощной системе кондиционирования отверстие, получается весьма развитая система коммуникаций. Он внимательно изучил лицевую сторону листа, затем тыльную, и вдруг замер, пораженный. То, что он увидел, мягко говоря, не слишком походило на лечебницу.

Еще не зная, к каким выводам приведет его цепь рассуждений, Аксель вновь вернулся к плану. Так и есть! Пятьдесят одноместных номеров для пятидесяти клиентов. Каждый оснащен совмещенным с душевой санузлом. По сути, все это можно было назвать одним словом — гостиница. А кроме нее, кабинет доктора Токадо, лаборатория доктора Токадо, холл первого этажа, библиотека и только что обнаруженный им чуланчик на втором. Все!

Хук никогда не относил себя к воинствующим недоучкам. Он всегда верил в силу науки и уважительно относился к чужим достижениям, но сейчас безошибочным чутьем прирожденного авантюриста почувствовал, что находится в центре чудовищной мистификации. На первый взгляд, все здесь вроде бы настоящее: и пустыня, и оазис в ее центре, и дом посреди оазиса, и мебель в доме, да и доктор натуральный, не говоря уже о психах! Все настоящее, кроме одного — ЭТО НЕ КЛИНИКА!

Пусть персонал в отпуске и доктор остался лишь при двух медбратах. Но ведь при полной нагрузке ситуация иная! Где рабочие места остальных специалистов? Аксель еще раз схватил план. Где кабинеты диагностики? Где подчиненные доктора Фуджи занимаются своими маленькими, рутинными, но необходимыми делами? Где они спят, наконец?! Аксель внимательно пробежал взглядом план — ничего! Словно врачеванием в клинике занимаются бесплотные в ночное время духи, включая и самого доктора! Но такого не бывает! Мтомба говорил, что сейчас необыкновенно удачный момент для посещения, что персонал в отпуске, но ведь рано или поздно люди вернуться. Вопрос — куда? — оставался открытым.

И тут Аксель вспомнил о невесте откуда появившемся вчера санитаре. Первым его побуждением было немедленно исследовать подлестничное пространство первого этажа в поисках потаенной двери, но он сдержался, сказав себе, что действовать следует планомерно. Планомерно и осмотрительно, если только он не желает усугубить и без того малоприятную ситуацию. Вчерашний санитар... Вот он, путь к разгадке — к замаскированной двери на площадке второго этажа. С нее-то он и начнет.

Осторожно выглянув из комнаты и убедившись, что наружного наблюдения за ним не

установлено, Аксель медленно вышел, гадая, у себя Тревор или давно управился с ленчем и отправился отдыхать на скамейку любимого сада. Лениво подошел он к перилам и немного постоял, втайне надеясь, что ему вновь повезет увидеть появляющегося ниоткуда санитара, а если повезет очень сильно, то и двоих. Но нет. Тогда Соломон неслышно переместился к двери и плавно надавил на рукоять. Он и сам не ожидал, что трюк удастся с первого раза, но дверь, тем не менее, легко поддалась и неслышно отворилась внутрь небольшого захлащенного помещения.

Все, что Хук увидел внутри, справедливо показалось ему скучным и неинтересным. Обыкновенная кладовка для орудий труда местных уборщиков: пяток шкафчиков вдоль правой стены, а так же ведра, швабры, щетки для натирания полов и прочий инвентарь — с левой. Запыленное окно в противоположной от двери торцевой стене, и удушливая жара во всем помещении. Еще раз проверив, не идет ли кто, он шагнул к шкафчикам и одну за другой отворил все дверцы. Содержимое шкафов оказалось еще однообразней содержимого комнаты. В каждом из шкафчиков он обнаружил по комплекту рабочей одежды и машинально обшарил карманы — ничего. Еще раз напоследок осмотревшись, Аксель вышел в коридор, затворил за собой дверь и вернулся в свою комнату, не переставая размышлять над увиденным. А подумать было о чем.

Обнаруженный инвентарь недвусмысленно указывал на то, что уборки помещения регулярно проводятся. И еще он более чем прозрачно намекал на численность уборщиков. Пять человек — вполне достаточно для такого дома, зато вопрос, где эти пятеро ночуют, оставался открытым для обсуждения. Дальше. Если уборщиков в клинике насчитывается пятеро, то непосредственно работающего с клиентами медицинского персонала должно быть значительно больше... как минимум вдвое, а то и втрое. И у них — те же не разрешенные до сих пор Соломоном проблемы с жилплощадью. Он вновь невольно обратился мыслями к вчерашнему инциденту с непонятно откуда взявшимся медбратом.

Аксель не удержался от искушения и вышел в коридор, твердо решив, что, пока не обнаружит потайную дверь первого этажа, назад не вернется. Крадучись, словно заговорщик, он вышел на площадку и перегнулся через перила как раз в тот момент, когда искомая потайная дверь начала закрываться, почти скрытая от его взгляда спиной вышедшего только что человека. Хук машинально подался вперед, и огромная ваза на шатком постаменте опасно качнулась. Он попытался поддержать ее, но рука скользнула по испещренной трещинами глазури, сдвинув опору на десяток сантиметров, по сути лишь ускорив падение. Соломон понял, что сделать ничего не в силах. У него похолодело внутри, когда он осознал, что произойдет в следующий момент. Ваза накренилась еще больше, мгновение покачалась в положении неустойчивого равновесия и ухнула вниз. Соломон рванулся следом, хотя и понимал, что изменить происходящего уже не в состоянии.

Зато он сумел увидеть, что произошло в этот самый «следующий момент». Человек внизу шагнул к середине площадки, и человек этот не был ни доктором Фуджи, ни одним из близнецов-санитаров, ни кем-то из пациентов! Он был высок ростом, широк в плечах и совершенно лыс! Тяжеленная амфора ударилась кромкой дна о его голову, оставив на черепе лысого незнакомца глубокую продольную вмятину, скользнула по спине, со странно глухим звуком ударилась об пол и разлетелась на добрый десяток фрагментов.

Соломон рефлекторно отпрянул. Перед глазами стоял проломленный череп чужака. Хуку даже показалось, что он услышал звук проламываемой кости, и хотя последнего уверенно утверждать не мог, зато знал наверняка, что с такой травмой в живых не остаются. Правда, крови он не видел, да и сам пролом выглядел странно, напоминая не жестокую черепно-мозговую травму, а скорее глубокую вмятину в лакированном корпусе гиromобиля...

Что за бред приходит ему в голову! Там, внизу, лежит убитый им человек, а он вместо того, чтобы помочь, рассуждает о том, на что похожа рана его жертвы! Аксель стремительно перегнулся через перила и... не увидел внизу никого! Нет, разбитая ваза лежала на прежнем месте, но человек исчез!

Казалось невероятным, что Лысый смог уйти самостоятельно, но еще более невероятным выглядело предположение о том, что в считанные секунды, причем совершенно бесшумно, кто-то успел поднять и унести тело пострадавшего. И вот тогда Аксель впервые почувствовал страх. Осознанное ощущение страха неизменно возникало у него, когда ум отказывался верить в реальность происходящего. Вот как сейчас. Всего секунду назад он стал свидетелем смерти от несчастного случая, а сейчас глаза говорили ему, что ничего подобного не произошло. То есть ваза действительно упала, но вот бритоголовый верзила ему просто привиделся! Если весь персонал клиники доктора Фуджи набран из таких «глюков», то понятно, почему им не требуется жилья!

Словно прибитый пыльным мешком, Аксель шатающейся походкой побрел по коридору... В голове лениво крутились отвлеченные мысли. Пожалуй, он не смог бы сейчас ответить на вопрос, куда идет и зачем. Просто брел на автопилоте, пока не осознал, что одним и тем же маршрутом топает уже третий раз. Тогда он остановился и впервые осмысленно осмотрелся. Он стоял на той самой пресловутой площадке второго этажа, а грохнутая им ваза мирно покоилась на прежнем месте. Аксель невольно тряхнул головой, освобождаясь от наваждения, но ничего не изменилось. Главное: на подставке стояла ТА ЖЕ САМАЯ ВАЗА! Он внимательно рассмотрел ее и прекрасно помнил каждую трещинку, каждую деталь потускневшей от времени росписи. Сомнений быть не могло. «Поджидает новую жертву, сука!» — мелькнула в голове дикая мысль. Аксель едва не расхохотался, но вместо этого взглядом озадаченного идиота уставился на сосуд. Мистика... Похоже, он сходит с ума.

Сам не свой, Хук вернулся в комнату. На столе уже дымился сытный обед. Он машинально опустился в кресло и принялся механически переправлять еду из тарелки в рот. Видимо, понемногу к нему возвращалась способность трезво рассуждать, а потому, что он вновь начал ощущать страх, Соломон понял, что нормален, ведь всем известно, что психи ничего не боятся.

Одновременно Аксель вновь начал осознавать окружающее. Не только то, что сидит с ножом в одной руке и вилок в другой, нарезает мясо и отправляет отрезанные куски в рот, но и вещи, находящиеся за полем его непосредственного внимания. Он смог иными глазами, совершенно трезво оценить происшедшее. Так что же с ним произошло на самом деле?

Никогда прежде Соломон не страдал галлюцинациями, а потому и сейчас не видел причины сомневаться в здравости своего рассудка. «Так что же с тобой произошло?» — мысленно повторил он вопрос. Сол ясно помнил, что столкнул вазу, и хорошо видел, как она упала на голову незнакомца. Сколько на самом деле может весить старинный сосуд метрового роста и с талией полуметрового диаметра?

Он прошел на площадку и аккуратно поднял вазу. Весит килограммов пятнадцать, а то и все двадцать. Если принять во внимание высоту падения, то получался удар силой примерно в тонну, если не больше. Как только этому парню вообще не снесло его лысую башку? А ведь Лысый не только не лишился головы — устоял на ногах! Аксель пронаблюдал это чудо выносливости собственными глазами. Такого просто не могло быть, если только... Если только удар не оказался скользящим. Впрочем, каким бы ни было приложение силы, Хук собственными глазами видел проломленный череп парня. Так куда, спрашивается, он делся?

Оставалось думать, что парень, скончавшись, попросту растворился в воздухе. Оперативное погребение, ничего не скажешь... А главное, просто и красиво... Интересно, как отнесется к его версии происшедшего Мтомба? Аксель задумался на миг и сам себе ответил: плохо отнесется. Нет, сперва он посмотрит» на Сола долгим оценивающим взглядом, проверяя, не шутит ли он, а потом... Потом неизбежно поймет, что Сол говорит серьезно и, чего доброго, еще вернет его сюда на излечение. М-да. Но ведь какое-то объяснение случившемуся должно существовать? И, наверное, не менее важен другой вопрос: откуда взялся этот кандидат в невинные жертвы? Он понял, что исчерпал себя и должен переключиться на что-то иное.

К примеру, неплохо присмотреться к кладовке. Странная кладовочка... На первый взгляд, все в ней как полагается: необходимый минимум инвентаря, не слишком много грязи и в меру неразберихи. Но вот что странно — именно сюда доктор Фуджи не удосужился подвести трубу кондиционера. Получается так, что почтенный доктор ценит пациентов, но ни в грош не ставит персонал, а ведь судя по тому, что в чуланчике Аксель отыскал пять комплектов одежды, людям там предстояло переодеваться. Значит, по сути своей, кладовочка служила еще и бытовкой, совершенно при этом не приспособленной для быта.

И ему пришло в голову, что своим существованием кладовка обязана тем самым щеткам, швабрам и спецовкам, что он обнаружил внутри. Отпади в них надобность, не существовало бы и кладовочки. Тогда он поднялся и отправился в библиотеку — там уже должна собратся вся честная компания. Он подошел к не затворенной в коридор двери и невольно замер, услышав снаружи тяжелые шаги медбратьев. Щелка оказалась неширокой, всего в пару сантиметров, но позволила Соломону увидеть часть коридора и дверь девятнадцатого номера, как раз в тот момент, когда в него заносили носилки. На носилках лежал накрытый простыней человек, судя по комплекции явно не Годдард.

«Лысый незнакомец!» — молнией сверкнула в голове Акселя догадка. Вот и ответ на мучивший вопрос — на носилках принесли и предъявили. Именно ПРЕДЪЯВИЛИ... Соломон не сомневался в этом, ведь в доме оставалось сорок пять незанятых номеров, но раненого положили именно в девятнадцатый. Словно специально для того, чтобы он имел возможность полюбоваться на «дело рук своих». Но зачем? Словно кто-то намеренно подкидывает ему не имеющие решения задачи.

Солу тут же припомнилась оброненная мед-братьями ночью фраза, из которой он расслышал лишь одно слово — завтра. Неужели они имели в виду сегодняшнее происшествие? Что Аксель коварно спихнет на голову доверчивому новичку вазу, тот непостижимым образом останется жив — крепкий организм достался от природы, — а добрейший доктор Фуджи непонятно зачем прикажет выселить Годдарда с тем, чтобы именно в его апартаментах поместить раненого?

Медбратья внесли носилки и практически сразу вышли, погасив свет и прикрыв за собой дверь комнаты. Аксель почувствовал непреодолимое желание увидеть беднягу. Быть может, принести ему свои извинения, если понадобится, нарушив ради этого покой раненого. «Наверняка это новый пациент доктора Фуджи», — само собой пришло объяснение вопроса. Парень только что побывал у доктора, немного заплутал, отыскивая свой номер и тут я его... Аксель почувствовал острые угрызения совести. В конце концов от кого он прячется? Рано или поздно — все равно придется отвечать за содеянное. Откуда эта страусиная тактика?

Он решительно вышел, остановился на миг у порога девятнадцатой и с тяжелым сердцем отворил дверь. Все так же накрытый простыней человек лежал на кровати, собранные носилки почему-то остались здесь же прислоненными к стене, словно ими собирались воспользоваться в самое ближайшее время. Он и не заметил, как в комнату пробрались сумерки. Сейчас человек выглядел скорее покойником. «Наверняка накачали парня какой-нибудь дрянью, чтобы не чувствовал боли», — решил про себя Соломон. В этот миг ему пришло в голову, что после перенесенной травмы парню требовалась срочная многочасовая операция на мозге, если только... Если только он не ошибся, и парню не посчастливилось отделаться легким испугом. Уму не постижимо! Но если так, и повиниться ему не удастся, он по крайней мере узнает, насколько серьезна травма.

Аксель вернулся к двери, зажег свет и решительно стянул с головы раненого простыню. О Боже... Он невольно опустился перед постелью на колени и с замиранием сердца взял свесившуюся к полу руку. Анна... В тот же миг сердце отчаянно заколотилось в груди, из головы вылетели все вопросы, всего мгновение назад не дававшие ему покоя. Он поднес ее нежную ручку к губам и благоговейно поцеловал. Анна спала. Ее высокая грудь с только что затянувшейся ранкой чуть заметно вздымалась на вдохах, и Соломон невольно залюбовался спящей. Господи, какое счастье, что все происшедшее на поверку оказалось лишь дурным

сном! Он так и не понял, сколько простоял на коленях у ее постели, но на каком-то этапе осознал, что если не собирается будить спящую, то благоразумнее будет уйти и подумать о том, что делать дальше.

Аксель вернулся к себе и только тут почувствовал, что у него от волнения дрожат руки. Вот он и выяснил оба вопроса, ради которых приехал в клинику. Точнее, они сами выяснились, независимо от его желания. А в результате? А в результате он чувствовал ни с чем несравнимую радость, но, как ни странно, не испытывал и тени удовлетворения. Чего же тебе не хватает, Соломон Хук? Он попытался привести в порядок мысли, и когда это ему удалось, понял, что две вещи не дают ему покоя — потайная дверь и лысый незнакомец... Ведь он увидел лысого, когда тот выходил из потайной комнаты, а вовсе не искал свою! А это, в свою очередь, может означать только одно — никакой он не пациент! Он здесь свой!

Аксель решительно поднялся и посмотрел на часы — половина двенадцатого. Вот и закончился день, который он отпустил себе на поиски ответов. Теперь он должен решить для себя, что ему делать — вернуться в большой мир или остаться в клинике на ночь и постараться разъяснить все до конца? Колебания длились недолго. Нет, он не может вернуться, не прояснив до конца смысла происходящего в клинике доктора Фуджи. А в том, что в этом милом доме творится что-то неладное, Хук уже не сомневался.

Он вышел из комнаты, миновал лестничную площадку и начал спускаться по ступеням. Ему казалось, что каждая из них не просто скрипит, а тревожно поет под его ногами, предупреждая всех в доме: Соломон Хук спускается по лестнице! При всей своей нелепости мысль не показалась ему забавной. Такой громкоголосый герольд ему сейчас совсем ни к чему. Стиснув зубы, он старался ступать как можно мягче. Ночное освещение не слепило глаз, и в то же время позволяло нормально ориентироваться в обстановке. Он спустился на площадку первого этажа и огляделся — никого. Это хорошо. Соломон нырнул под лестницу, в то самое место, где увидел сегодня закрывающийся за Лысым дверной проем. Стену, как и на втором этаже, облицовывали дубовые панели, и на первый взгляд выглядела она совершенно однородной, но Аксель знал, что это впечатление обманчиво.

Он принялся осторожно обследовать панели. Здесь, под лестницей, света оказалось еще меньше, но Соломон понимал, что свет в такой ситуации не поможет. Все тайное совершается во тьме и остается незримым на свету. Сентенция достаточно наивная, но в данном случае не лишенная практического значения. К такому выводу он пришел, когда осознал, что в одном месте резьба на панели не столь шероховата, как в прочих, словно отполирована частыми прикосновениями человеческих рук. Он осторожно начал экспериментировать с резным элементом панели, и дверь неожиданно послушно отворилась. Поток яркого света ударил Акселя по глазам, заставив его отпрянуть в затененное пространство. Через мгновение он решил повторить опыт, шагнул в ярко освещенный проем и... совершенно неожиданно для себя столкнулся в дверях с лысым гигантом.

От неожиданности Аксель опешил. Его глаза уже приспособились к свету, и теперь он во все глаза смотрел на незнакомца. Некоторое время они словно соревновались взглядами. При этом Соломон никак не мог отделаться от впечатления, что видит старого знакомого, и никак не мог вспомнить — кого, хотя лысых друзей у него наперечет. В свою очередь, верзила смотрел на Хука, явно изучая его лицо с совершенно непонятной целью. Тоже пытается опознать? Аксель невольно переместил взгляд с лица незнакомца на место предполагаемой травмы, но как ни старался, не мог отыскать ни малейшего следа раны — его взгляду открылся чистый, гладкий, лысый череп. Даже шишки не осталось! А ведь Аксель собственными глазами видел, как тяжелая ваза обрушилась Лысому на голову. Самое малое, у парня должен был треснуть череп! Однако — ничего... И тогда верзила улыбнулся ему и приложил палец к губам, как бы предлагая сохранить в тайне их маленький секрет. Соломон инстинктивно кивнул и собрался заговорить, рассеять не дававшие ему покоя сомнения, но именно в этот момент Лысый совершенно неожиданно закрыл перед его носом дверь.

Некоторое время Аксель продолжал стоять в нерешительности. В самом деле: как он

должен относиться к происшедшему? Поступил-то Лысый Гоблин явно недружелюбно. Да и улыбка парня выглядела как-то неприятно-снисходительно. Так улыбаются до смерти надоевшему дебильному ребенку. Соломон поймал себя на отчаянном желании ворваться в комнату и набить Лысому его удивительно знакомую морду. Вместо этого он развернулся и ушел, размышляя о новых странностях. По большей части, неприятнейшего характера. Лысый явно знаком ему, он Лысому, судя по его взгляду, тоже, причем парень относится к нему, Акселю, мягко говоря, не слишком дружелюбно. С другой стороны, за что ему любить Соломона? Уж не за то ли, что он трахнул беднягу по башке вазой? Что сделал бы он сам в подобной ситуации... если бы остался жив, конечно? Да начистил бы мерзавцу рыло! Уж это как минимум! И вот тут перед Хуком со всей очевидностью встал другой вопрос: парень остался жив — это ясно как день. Но как это случилось?! Ведь даже царапины не видать! Чудеса, да и только!

Аксель отворил дверь своей комнаты и вновь почувствовал на уровне лица слабое дуновение, словно кто-то невидимый, едва не задев его, торопливо прошмыгнул внутрь комнаты раньше ее официального обитателя. Чертова клиника! Тут и впрямь недолго и свихнуться! Он включил свет и возбужденно заходил из угла в угол. Что же такое происходит? Никогда прежде на память не жаловался. Соломон принялся с ожесточением перебирать в уме лица и имена знакомых недавних, а также старых и давно забытых, но безрезультатно. Лысый оказался с него самого ростом, и комплекцией незнакомец сильно напоминал его самого. Это последнее обстоятельство еще сильнее сужало круг поисков, но не продвигало вперед ни на шаг.

Аксель машинально сделал еще один круг вокруг стола, остановился перед встроенным в шкаф зеркалом и вгляделся в собственное отражение. Пару минут он смотрел на себя самого со стороны, одновременно пытаясь ответить на не дающий покоя вопрос: кто ты, Лысый? И ведь самое странное то, что не только комплекция, но и лицо его показалось Солу удивительно знакомым. Словно они не увиделись как-то раз случайно, а встречались долго и систематически, быть может, каждый день... но где?!! Он поймал отраженный зеркалом собственный яростный взгляд и вдруг... И вдруг его прошибло холодным потом, потому что он вспомнил. Где, когда и как — вспомнил все до мельчайших подробностей.

Он действительно видел этого парня, видел каждый день и видел именно в зеркале, когда брился по утрам... Еще не совсем поверив в догадку, он лихорадочно вглядывался в собственное отражение. Ошибки быть не могло. Нос, рот, глаза, уши, лоб и подбородок, цвет кожи, каждая морщинка — буквально все соответствовало тому, что он видел сейчас в зеркале, с той лишь разницей, что на незнакомце не росли волосы. То есть ни бороды, ни усов, ни длинной, до плеч, шевелюры он не носил. Все те места, что на голове Хука покрывала благородная густая растительность, на башке Лысого оставались девственно чистыми, гладкими и нежными, словно им еще только предстояло заколоситься.

Аксель вновь почувствовал настоящее желание выпить. Нет, никогда и никуда он больше не отправится, не прихватив с собой хотя бы бутылочку чего-нибудь крепкого. Он бухнулся в кресло и принялся думать, хотя, если вникнуть в суть проблемы, думать-то не о чем. Как там говорится в Библии? Время собирать камни и время их разбрасывать. «Главное, бросать метко, чтобы ни один не пролетел мимо цели», — добавил он от себя. И что-то подсказывало Акселю, что сделать это нужно как можно скорее, в особенности теперь, когда он обменялся взглядом с Лысым, и тот понял, что он, Аксель, либо тоже все понял, либо в самом скором времени поймет.

Пулей вылетев из кресла, Соломон выдрал из шкафа чемодан, откинул крышку и одним махом вывалил его содержимое на кровать. Затем коснулся внутренней поверхности в нужных точках, освобождая крышку двойного дна. Так, что тут у нас? Скинув на кресло ненавистную пижаму, он облачился в роскошную уплаволовую тройку, нацепил на себя португепю, проверил бластер и сунул его в кобуру под мышкой, после чего надел пиджак, положил в правый боковой карман фонарь, привел в действие компьютер-компенсатор и сунул его в левый — вроде бы все. Теперь главное. Он бережно достал из гнезда в

поролоновой подушке аварийный маячок, сигнал которого должны мгновенно засечь, определить пеленг и в течение часа вытащить его из любой задницы, в какую он умудрится угодить, если, конечно, останется к моменту прибытия спасателей жив. Включив его, Аксель на секунду задумался. Что с ним случится, неизвестно. Разумнее оставить маячок в комнате. С другой стороны, за ним могут следить, и тогда, едва он уйдет, устройство выключат. Конечно, его зов уже услышали, но кто знает... Поколебавшись, он сунул радиомаяк в карман, но тут же вытащил его и непроизвольно выругался. Умник, мать твою! В одном кармане компьютер-компенсатор, в другом — радиомаяк. Прекрасно! Никто тебя, придурка, не услышал и вовек не услышит! Недолго думая, он уложил включенный маячок на прежнее место, закрыл крышку, набил чемодан бельем, заблокировал замки и убрал чемодан в шкаф. Если за ним кто-то и наблюдал, он вряд ли догадался о смысле манипуляций Акселя, а значит, о том, что аварийный маяк работает, узнает не раньше, чем Аксель спустится вниз, тем самым выведя радиомаяк из зоны действия компьютера-компенсатора, но узнает одновременно с дежурными оперативниками Мтомбы. Говоря по правде, большего ему и не нужно. Аксель уже начал ощущать боевой задор, как обыкновенно случалось с ним перед дракой. Последние ступени лестницы он преодолел едва ли не бегом и, словно вихрь, ворвался в потайную комнату.

Лысый встретил его прямым взглядом, и Аксель понял, что может не тратить времени на объяснения. Резко с разворота он нанес противнику мощный удар ногой. Пятка припечаталась к челюсти его двойника, отбросив того к дальней стене. Почему он ударил противника ногой? Вопрос праздный. В драке побеждает тот, кто не думая — инстинктивно — наносит нужный удар в нужное время. Удар потряс не только противника, но и самого Акселя. Он с ужасом понял, что, удар кулаком — и остался бы со сломанной кистью. Вот черт! Он выхватил из кобуры бластер как раз в тот момент, когда Лысый, мгновенно вскочив, кинулся на него, выставив, словно таран, перед собой обе руки, сцепленные в замок и нацеленные в грудь обидчика, словно всерьез намеревался протаранить ими противника. Никогда прежде Аксель не сталкивался с врагом, применяющим столь странные приемы. Люди так не дерутся! Он поймал устремленный на себя неживой какой-то взгляд немигающих глаз Лысого и понял, что это не неумение и не акт отчаяния. Этот парень прекрасно ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАЕТ!

Аксель почувствовал, как волосы у него на голове зашевелились от ужаса — он понял, что уготованного ему удара не выдержит, тем более, что его ребра и без того слишком часто напоминают о своем существовании. Он инстинктивно начал падать навзничь, одновременно нацеливая бластер в голову нападающего. Глаза Лысого расширились от ужаса, когда огненная вспышка с подобным вздоху филина уханьем вырвалась из укороченного ствола нестандартного армейского оружия. Слепленный выстрелом, Хук больно ударился затылком о стену, а когда глаза его вновь обрели способность видеть, он первым делом посмотрел на лежавшего у его ног Лысого. МЕРТВОГО ЛЫСОГО, С ЛИЦОМ, ОПЛАВЛЕННЫМ, СЛОВНО ПЛАСТИКОВАЯ МАСКА!

Соломон переложил бластер в левую руку, а правой осторожно коснулся сонной артерии собственного двойника, но пульса не обнаружил. Тогда он быстро обыскал карманы покойника, но ничего в них не нашел. Опять ничего! Ладно, с этим он разберется после. Главное сейчас — исследовать завоеванное пространство. Вряд ли Лысый успел перед смертью подать сигнал бедствия, а это значит, что время у него есть. Медлить, конечно, все равно не стоит, но и пороть горячку особой причины нет.

Не выпуская из рук оружия, Аксель осторожно поднялся с пола и осмотрелся. Небольшой письменный стол у левой стены, рядом с ним — диван и зеркало над диваном, стена напротив представляла собой сплошную портьеру, неизвестно что скрывающую за собой. Больше он ничего не заметил, кроме валявшегося на полу трупа Лысого и двери в дальней, торцевой стене и... не отпускающего его чувства страха. Он помнил, что компьютер-компенсатор лежит в кармане, а значит, и испытываемый им страх — родной, свой собственный. Аксель не знал, чего именно боится, но буквально кожей ощущал

опасность, а от того, что не видел даже ее возможного источника, его охватывала жуть. То ли ждал, что сейчас парень с оплавленным лицом поднимется с пола и повторит нападение, то ли того, что задняя дверь откроется, и оттуда выскочит чертова дюжина родных братьев Лысого, и с веселым гиканьем попрут на него, всесокрушающим тараном сцепив перед собой кисти.

Усилием воли Аксель взял себя в руки. Первым делом он подошел к письменному столу и принялся один за другим выдвигать ящики, быстрым, внимательным взглядом просматривая содержимое каждого, но ничего, могущего заинтересовать его, не обнаружил. Медицинские карты, истории болезней, досье на пациентов — быть может, среди вороха найденной информации и отыскалась бы нужная ему, но времени на поиски у него сейчас нет. Соломона так и подмывало проверить, что находится за следующей дверью, но он заставил себя обратиться к занавесу. Занавес оказался сшит из темной плотной ткани и держался на вдетых в стальную штангу кольцах. Аксель пошарил возле одного края, возле другого, обнаружил толстый шнур и, не раздумывая, потянул за него. Штора послушно отъехала в сторону, открыв перед Акселем длинную низкую тумбу с многочисленными дверцами и ящичками, над ними — ряд вешалок с резвешанной на них одеждой, а еще выше — длинную, как и тумба, полку.

Соломон устался на непонятного назначения гардероб. Здесь хватило бы одежды для труппы небольшого провинциального театра. Он увидел мужские костюмы и пальто, три стопки аккуратно сложенных на тумбе рубашек, еще не освобожденных от целлофановой упаковки, вешалку с несколькими дюжинами галстуков. С нависшей над гардеробом полки на него недобро косились шляпы. Здесь же висели женские деловые костюмы, вечерние платья, домашние халаты и множество одежды повседневного назначения. Рядом с пачками рубашек Аксель увидел стопы мужского и женского нижнего белья, также не освобожденного от фабричной упаковки. В многочисленных ящичках он обнаружил несметное количество носков, чулок, перчаток, наручных часов, запонок, заколок для галстуков и прочих ювелирных украшений. Отомкнув дверцы, он уже знал, что увидит за ними, и не ошибся. Обувь в тумбе хватило бы на небольшой отряд национальной гвардии.

Несколько минут Соломон ломал себе голову над очередной загадкой, но так ни до чего путного и не додумался. А главное, он не мог понять одного: персонал клиники разъехался на долгожданный отдых. Они что — голыми уехали? Других-то помещений, насколько он для себя уяснил, здесь нет!

В тот момент, когда он достиг конца тумбы, ноги его обдало потоком прохладного воздуха. Он наклонился скорее рефлексно, нежели из любопытства и сдвинул одежду в сторону. Труба воздуховода слепо уставилась в него темнеющим оком ведущего неизвестно куда, источающего холод провала. Он ощутил, не увидел, а именно ощутил внутри уводящего в глубь здания воздуховода некое движение, странное вращение тьмы и холода. Словно бармен с извращенной психикой и развитыми мистическими способностями готовил в своем дьявольском миксере непонятного назначения коктейль, смешивая несмешиваемое, соединяя несоединимое, втискивая одно в другое в бешеном водовороте зла. Аксель ощутил невольное головокружение, словно чудовищный смеситель пытался засосать и его как малозначительный, но вместе с тем желательный ингредиент коктейля. Соломон в ужасе отпрянул.

Да что же такое происходит?! Никогда прежде он труса не праздновал, так что же случилось теперь? Откуда это всепоглощающее чувство страха? И тут его осенило. Он лихорадочно нашарил в кармане брикет компьютера-компенсатора, быстро достал его и посмотрел на индикатор. Система работала в дежурном режиме, а это в свою очередь означало, что никаких вредных излучений нет, и что испытываемый им страх не внушен извне, а, как он уже отмечал, его собственный... Вот дерьмо!

Соломон Хук, ты превратился в труса! Ты превратился в труса? Он сжал чудовищные кулаки. Ну уж нет! Он проверил оставшиеся в бластере заряды, удовлетворенно кивнул и решительной походкой направился к притаившейся в дальней стене двери. Сейчас он узнает

все об уезжающих нагишом в отпуск служащих, ко всему прочему не терпящих никаких личных мелочей даже в собственных карманах, а заодно и о его собственном двойнике, непонятно зачем обритом наголо... — Он непроизвольно покосился на труп... с лицом, способным превращаться в однородную стекловидную маску. Он и сам не знал, откуда в нем эта уверенность, тем не менее решительно двинулся к двери и не менее решительно отворил ее. В лицо неожиданно ударило горячим, густо напитанным озоном воздухом. Если бы вместо озона пахло серой, он бы подумал, что и впрямь спускается в преисподнюю. Аксель огляделся и увидел, что стоит на площадке ведущей вниз винтовой лестницы. На стенах мягко горели люминисцентные светильники, освещая ступени неестественно зеленым светом.

Соломон осторожно шагнул вниз, по отполированным до гладкости льда стальным ступеням. Бластер он держал наизготовку, словно наперед знал, что в конце пути его поджидает новая драка. Окружавшая его тишина казалась звенящей, она не успокаивала, но несла тревогу, как, впрочем, и все остальное, что довелось ему увидеть в этом странном месте.

Аксель успел сделать не более двух шагов, когда неожиданно почувствовал, что в силу неведомой причины он должен как можно скорее добраться до подвала. словно он играл последнюю партию в покер, в которой долго блефовал, поднимая ставки, и теперь непременно должен выдержать выбранную тактику до конца — добраться до подвала как можно быстрее, — чтобы блеф удался, и выигрыш не достался противнику.

Он понесся по лестнице с такой скоростью, словно за ним гнались все черти Преисподней, и примерно через десяток ступеней почувствовал за собой погоню. Впрочем, «почувствовал» — неверное определение, потому что в нем возникло не ощущение погони, а необъяснимая уверенность в ее существовании.

Но вместо того, чтобы ускорить бег, словно вконец обезумевшая от ужаса дичь, Аксель остановился, как вкопанный и стремительно обернулся, вскидывая руку в рефлекторно нацеленном ударе. В мертвенном свете люминисцентных ламп Аксель успел различить контуры низкорослого профессорского тела, который сейчас уже не казался ему смешным японским болванчиком. С огромной скоростью и совершенно бесшумно, словно по воздуху, несло черное человекообразное облако. Мгновенно среагировав на маневр противника облако молниеносно развернулось: перед Соломоном мелькнуло бледное пятно лица с традиционно покосившимися очками, которые сейчас ни у кого не вызвали бы даже легкой тени улыбки. В следующий миг инстинктивный удар Акселя достиг цели. Что-то внутри профессорской головы хрустнуло, и левую руку защищавшего свою жизнь человека пронзила острая боль.

Удар отбросил профессора — если только нападавший и профессор Фуджи являлись одним и тем же человеком, если нападавший вообще являлся человеком — к противоположной части лестницы и вниз по ступеням. Толстяк пытался удержаться, но по инерции всем телом заваливался вниз, несмотря на стальные перила, за которые он отчаянно старался удержаться. Аксель не стал ждать, чем закончится странное противостояние силы притяжения и упорства противника. Его разбитый в первом ударе кулак вторично вонзился в профессорское лицо, отбросив его обладателя на пару ступеней вниз. В то же мгновение вновь победно проухал бластер, и, широко раскинув руки, профессор Фуджи — или как он там назывался на самом деле, — кувыркаясь, покатился вниз по лестнице.

В последний момент в напутственной вспышке бластера Аксель успел увидеть обезумевшие глаза профессора и широко, словно для истошного крика, распяленный рот, но ни единого звука не сорвалось с губ толстяка-коротышки. Через мгновение он исчез за поворотом лестницы, и некоторое время Аксель слышал неестественно тяжелый звук катящегося по ступеням тела. Потом все стихло — труп нападавшего достиг нижней площадки.

Аксель безвольно опустился на ступени, только теперь осознав пожиравшее левый кулак пламя боли. Сжимавшая бластер правая рука судорожно дрожала. «Ничего, —

успокаивал он себя.— Это реакция». И почему, спрашивается, никто не предупредил его, что профессорская морда вытесана из гранита? Смешно? Да не очень. Он положил бластер на колени, посмотрел на стремительно опухающий кулак и вернулся мыслями к профессору. Инстинктивно Соломон прислушался, ожидая, что вот-вот снизу донесется хоть какой-то шум, но слух его не уловил ни звука. Вторая ночная встреча закончилась вторичной его победой, и вновь над победителем повисла звенящая тревожная тишина и изматывающее душу чувство животного страха, от которого противно потели ладони и позорно дрожали колени.

Аксель вытер ладони о брючины, глубоко выдохнул, успокаивая дыхание, взял с колен бластер и еле, передвигая ногами, поплелся вниз, напряженно вглядываясь в зеленоватый полумрак спуска. После каждого шага новый кусочек остававшегося до сих пор невидимым пространства открывался его взгляду, и, сделав очередной шаг, он ждал, что вот сейчас увидит распластанное на полу мертвое тело. Шаг за шагом, он добрался до площадки нижнего этажа и... никого на ней не обнаружил. Толстенький человечек, только что с грохотом прокатившийся по ступеням, бесследно исчез.

Соломон изумленно осмотрелся. Он знал, что бластерное ранение смертельно в девяноста девяти случаях попадания в туловище или голову из ста. Все происшедшее походило на чудовищную мистификацию. Может, он просто не видит трупа? В какой-то момент мозг Соломона ухватился за спасительную мысль о ловкой шутке с голоизображениями. Прodelать такое сложно, но возможно. Что, если хитрый профессор сидит сейчас в безопасном тайном убежище и про себя посмеивается над ним? Но нет... Он сжал чудовищный кулак и недобро посмотрел на него. О голоизображение не разобьешь руки, и оно не грохочет, падая по лестнице. Значит, каким-то непостижимым образом профессор умудрился пережить угодивший ему в лицо разряд бластера. А это в свою очередь означает, что за ведущей в подвал дверью Акселя вновь подстерегает враг.

Соломону стоило огромного усилия заставить себя успокоиться и попытаться мыслить логически. И так...

Никакие голограммы здесь ни при чем. Это факт. Дальше. Он стрелял в профессора из мощного модифицированного бластера армейского образца с укороченным дулом и, как следствие, ограниченным радиусом действия. Говоря проще — форсированной пушкой ближнего боя. Стрелял он профессору в голову с двух шагов и не промахнулся. Значит, Фуджи надлежит быть покойником, а раз трупа на полу нет, значит, его унесли. Это предположение также можно причислить к категории фактов. И еще. Поскольку он допустил, что труп унесли сообщники, стоит поискать на полу их следы.

Хук посмотрел себе под ноги и едва не выругался вслух. Только непомерным возбуждением и мог он объяснить свою невнимательность. Стоять в луже и рассуждать о таинственной и бесследной пропаже тела — такого с ним прежде не случалось. Аксель внимательно присмотрелся: пятно как пятно, словно некто, открывая дверь, пролил на пол немного воды из переполненного сосуда. И тут он вспомнил, как что-то хрустнуло в голове профессора после его, Акселя, удара. Он присел на корточки, поводил пальцами по полу и попробовал жидкость на ощупь — ничего необычного. Тогда он поднес пальцы к лицу и принюхался: они пахли странной смесью физиологического раствора, крови и машинной смазки. Букет не понравился Соломону. Он настраивал на неприятные фантазии о симбиозе неживого с живым.

Аксель достал из кармана фонарик и, зажегши его, вновь осмотрел пол. Так и есть: влажная дорожка протянулась от лужи, в которой он стоял, прямоиком под дверь. Соломону чуть не стало нехорошо, когда он подумал, что эта дурно пахнущая кровь профессора Фуджи продолжала сочиться из него, когда медбратья — только они по мнению Сола могли унести труп — тащили тело профессора в подвал. Аксель сжал зубы и рывком открыл дверь. Перед ним стояли санитары, держа в руках носилки, на которых покоилось тело профессора.

Медлительные, как обычно, они неторопливо обернулись на звук, а, увидев на пороге Акселя, все так же молча поставили носилки на пол. Несмотря на какую-то полусонную

апатию, в их движениях чувствовались недюжинная сила и нешуточная угроза. Соломон понял, что сейчас оба накинутся на него, но именно в этот момент мимо лица Хука вновь проскользнуло нечто невидимое, заставив его рефлекторно отпрянуть в сторону, а еще через мгновение один из близнецов сложился вдвое, словно от мощного удара в солнечное сплетение. Именно это движение привело Хука в чувство. Он мгновенно пихнул кинувшегося на него второго клона на его близнеца, и оба повалились на носилки с доктором, и тут же начали неуклюже выбираться друг из-под друга. Аксель не стал ждать завершения их гимнастического этюда, а принялся методично поливать грудь тел бластерными зарядами, заботясь лишь о том, чтобы ни один из них не пролетел мимо общей кучи.

Через несколько секунд движение на полу замерло, и он прекратил стрельбу. В тот же миг три серые тени молнией метнулись к стенам. Аксель рефлекторно выстрелил пару раз, но тут же остановился, потому что понял, что не видит цели, а просто палит наобум. Он перевел взгляд на трупы — все трое неподвижно лежали на полу. Тогда что за тени метнулись в сторону? Проклятье! Он вновь перестал понимать происходящее. Это что, души умерших отлетели на тот свет, а он палил им вдогонку?! Что за чушь!

Соломон медленно огляделся. Он находился в ярко освещенном просторном зале непонятного назначения. Он видел занимавшие все пространство вдоль левой стены округлые шкафы с застекленными дверцами, автоклавы непривычной конструкции, стойки с аппаратурой непонятного назначения. Примерно посреди зала, чуть ближе к дальней стене, он заметил высокий хирургический стол с лежащим на нем телом, накрытым простыней, а вдоль правой стены...

За годы деятельности в должности наемника Аксель привык ко всему, но сейчас ему едва не сделалось дурно, когда он понял, что перед ним не мистификация, не чей-то дурацкий розыгрыш, а самая что ни на есть грубая реальность. Реальность, которую можно пощупать руками, стоит лишь сделать пять шагов в сторону. Странная, похожая на анабиотические камеры звездолетов прошлого, ячеичница протянулась вдоль правой стены, а в каждой из ячеек неподвижно застыло человеческое тело...

— Наверное, это разъехавшийся в отпуск персонал доктора Фуджи.

Неожиданно оказавшийся знакомым голос заставил Акселя вздрогнуть. Только что он стоял здесь один и слышал лишь то, как стучит кровь у него в висках, и вдруг... Он резко обернулся, чтобы увидеть перед собой мрачное лицо Мтомбы.

— Ты откуда здесь? — бесцветным голосом поинтересовался Аксель, озвучив первую пришедшую в голову мысль.

— Ты что, забыл о маяке? — удивился африканец. — Мы вылетели через пять минут после получения условленного сигнала, и я рад, что ты уцелел. К сожалению, Йорка спасти не удалось, — мрачно добавил он.

— Йорк? Кто такой Йорк? — отрешенно переспросил Аксель.

— Дэвид Йорк, майор службы безопасности, — пояснил Мтомба. — Ты знал его как Тревора Годдарда. Мы попросили Дэвида приглядывать за тобой, но, к сожалению, не знали, чего следует опасаться. Ты разве не почувствовал его интереса к себе?

— Ага, — рассеянно кивнул Аксель. — И много твоих подчиненных тут сгинуло?

— Он один. Мы ведь совсем недавно обратили внимание на клинику доктора Фуджи. Ты извини, Сол, — Мтомба несколько сконфузился, — я не стал упоминать о нем лишь для того, чтобы ты надеялся только на свои силы. Быть может, ожидай ты помощи со стороны, и ты сейчас... — Он хотел сказать «лежал бы мертвым», но не сказал этого, потому что подумал вдруг: «Держись они вместе, и оба могли остаться в живых...» Ирония судьбы. Хотели как лучше, а вышло... Он тяжело вздохнул. — Йорка направили сюда сразу после того, как жена одного из членов Совета пожаловалась мне приватно, что ее не покидает ощущение, будто из клиники вернулся не ее муж. То есть это как бы одновременно и он, и не он. Понимаешь? Как Токадо... Это точно он, но какой-то другой...

Аксель согласно кивнул, словно не сомневался, что услышит нечто подобное.

Собственно, ничего удивительного с словах Мтомбы не прозвучало. Так обыкновенно и случается в жизни. Ничего не значащая мелочь настораживает близких или сослуживцев, те обращаются за помощью, и пошло-поехало. Вот только закончилось все... Победой? Да, но победой с горьким привкусом невосполнимой утраты. Утраты, которую они могли бы избежать, зная наперед, откуда ждать удара, но острый дефицит времени и грозная череда событий спутали все карты, заставив Мтомбу действовать торопливо, наобум, рискуя жизнью друзей и подчиненных. Соломон не без горечи припомнил трогательную заботу черноволосого гиганта о его скромной персоне. Возможно, он — Тревор или Дэвид? — даже пытался намекнуть Акселью о том, что он свой, сказав, что принадлежит к некой тайной организации — наивно, конечно, но в жизни и не такое случалось, — а он не понял намека.

Соломон медленно пошел вдоль ряда ячеек, вглядываясь в лица находившихся в пеналах псевдолюдей. Обнаженные неподвижные тела мужчин и женщин замерли в ожидании, словно восковые фигуры в выездном филиале невероятно разросшегося музея мадам Тюссо, странным образом дожившего до нынешних дней. Пожалуй, нет. Аксель коснулся рукой груди стоявшего перед ним незнакомца и непроизвольно вздрогнул, ощутив ладонью биение его сердца и неспешно вздымаемую дыханием грудь, словно человек находился в состоянии глубокого сна. Ему сделалось нехорошо, когда он вспомнил, что такое же точно ощущение испытал наверху, в девятнадцатом номере, когда обнаружил на постели под простыней Анну. Нет... Нет... Этого просто быть не может! Было бы слишком жестоко вместо возлюбленной получить пошлую пластиковую куклу! Усилием воли он вновь заставил себя успокоиться.

— Они живые... — несколько оправившись, то ли спросил, то ли подтвердил Аксель и, обернувшись, как-то жалобно посмотрел на склонившегося к лежащей на полу троице Мтомбу.

— Они пребывают в дежурном режиме, — откликнулся африканец.

— В каком еще дежурном режиме? — переспросил он, хотя, произнося вопрос, уже понял, о чем идет речь. Пистолет на предохранителе, но на спусковой крючок нажимать некому.

— А ты посмотри сюда. — Мтомба рывком развернул мертвое тело одного из медбратьев, и тут Хук увидел то, чего увидеть никак не ожидал, но что прекрасно объясняло все, только что происшедшее, равно как и сейчас увиденное. Все, чему до сих пор он никак не мог найти объяснения. Откинута на шарнирах затылочная часть черепа санитара открывала для обозрения внутреннее пространство головы. Аксель присел на корточки и заглянул внутрь, и обнаружил именно то, чего ожидал. Небольшое тесное пространство рубки управления, окруженное с передней стороны огромным количеством сверхминиатюрной контрольно-измерительной аппаратуры, расположенной полукругом, и хитроумно закрепленное креслице, миниатюрный ложемент, сейчас покинутый оператором, расположенный точно перед странным пультом. Вот так! Братья-пилоты, мать их!... То-то они двигались вяло, видно только еще осваивали искусство пилотирования. Другое дело Лысый с Толстым: первый уже свободно владел аппаратурой, а второй манипулировал ею и вовсе виртуозно. — Как по-твоему: что это? — дав другу время осмотреться, задал вопрос Мтомба.

— Так значит, и Токадо... — только и смог произнести Аксель, все остальное выразив одним долгим взглядом.

— У меня лично нет в этом ни малейших сомнений, — подтвердил его догадку Оварунга.

— И теперь, как я понимаю, ты собираешься подойти к нему и вскрыть череп, на предмет, так сказать, проверки...

Мтомба недовольно поморщился и озадаченно почесал курчавый затылок. Что и говорить — проблема. Нельзя так вот запросто подойти к человеку и сказать: «Мне не нравится, как ты проголосовал на предыдущей Сессии. Я подозреваю, что ты не человек, а посему...» И так далее, и тому подобное, после чего достать из кармана консервный нож и

вспороть парню обшивку.

— М-да, проблема,— озвучил свои сомнения Оварунга.

Друзья стояли и озадаченно смотрели друг на друга, в то время как помещение быстро наполнялось прибывшими со Мтомбой людьми. Все они с интересом осматривались, кивали шефу и принимались, за дело. Аксель пожал плечами, покачал головой — дескать, нет у меня готового решения — и углубился в изучение содержимого профессорского черепа. Шкалы приборов светились, точно новогодняя ёлка. На крошечных экранах он различил панорамную картину окружающего пространства. Чудеса зловредной инопланетной техники... На полу рубки валялся странного вида шлем с открытым забралом и какие-то болтавшиеся на тонюсеньких проводках детали. Впечатление создавалось такое, что вся аппаратура на ходу, просто пилот покинул свое кресло, когда понял, что исполнительные механизмы вышли из строя, либо грозят отказать в любое мгновение.

— Наверное, спец Лиги найдут здесь немало для себя интересного,— заметил Сол, когда люди начали вслух обсуждать находки. Мтомба мрачно кивнул. Он, как и Аксель, сомневался, что возможные открытия скомпенсируют хотя бы часть уже понесенных человечеством потерь.

— Верно, дружище, но когда я подумаю, сколько людей отдали свои жизни до того, как мы разобрались, что к чему... — Он сокрушенно покачал головой. «Все верно», — подумал Аксель. И ведь это еще только начало — основная работа впереди. Он посмотрел на ряд пластиковых кукол, замерших в ожидании покинувших их на время операторов. И тут его словно током пронзило мыслью, которая должна была возникнуть в голове сразу, но пришла лишь сейчас.

— Слушай, парень, а ведь с такими уликами,— он обвел взглядом ряд псевдолюдей и прочую аппаратуру,— мы на Сессии добьемся всего, чего захотим...

— Конечно, дружище! — с энтузиазмом подхватил африканец.— Мы добьемся субсидий на строительство боевого флота! Теперь, когда угроза налицо... — Внезапно он осекся, словно набегу наскочил на препятствие.— А ты-то что имеешь в виду?

— Сколько у тебя с собой людей? — проникновенно поинтересовался Соломон.

— Десять оперативников и полтора десятка спецов... — растерянно пробормотал тот и вдруг едва не задохнулся от пронзившей его догадки.— Ах, ты... Мать твою! — И прижав к губам микрофон коммуникатора, начал торопливо отдавать приказания.

Аксель слушал его и одобрительно кивал. Пожалуй, если все пройдет без заминок и неожиданностей, через четверть часа они смогут вздохнуть свободно: полностью снаряженный для ведения боевых действий полк космической пехоты — это не шутка! А пока им предстоит позаботиться о себе самим.

— Шеф! — крикнул один из спецов.— Здесь живой человек!

Оба мужчины распрямились, как по команде, и Соломон едва не выругался. Как он мог забыть об операционном столе и человеке на нем! Именно человеку, ведь этих выстроившихся вдоль стены гадов наверняка чинят в мастерских, которые должны отыскаться неподалеку.

— Анна?...

Противоречивые чувства боролись сейчас в его груди. Он не знал, что и подумать. Точнее, что подумать он знал, но... Но сейчас растерялся. Всего несколько часов назад он видел Анну в девятнадцатой комнате и вот теперь видит здесь. Она никак не могла спуститься сама, поскольку явно находилась в бессознательном состоянии, да и мимо него проскользнуть незамеченной, конечно же, не могла. Аксель взял безвольно свесившуюся к полу руку девушки и прижал к губам. Потом потянул за простыню и увидел свежесмененную повязку на ее груди, чуть пониже ключицы.

— Анна! — тихонько позвал он, уже не сомневаясь, что именно сейчас перед ним человек, а не его мастерски сработанная копия.

Склонившись, он ласково коснулся ладонью щеки спящей. Девушка застонала и с усилием открыла глаза. Все верно. «Оператор» на месте, он просто спал.

— Сол!...— Она радостно улыбнулась Акселю — точно солнышко проглянуло сквозь тучи,— но тут же густая тень озабоченности вновь легла на хорошенькое личико девушки.— Какой страшный сон мне приснился...— Взгляд Анны остановился, словно перед ее внутренним взором поползли видения прошлого.— Какие-то люди схватили меня и усыпили, а когда я проснулась, ко мне подошла ДРУГАЯ Я — она беспомощно посмотрела на Акселя, инстинктивно ища у него защиты — и спросила, достаточно ли, на мой взгляд, мы похожи и поймет ли отец, что она не я? И она все время смеялась, Сол! — Во взгляде Анны промелькнул неподдельный ужас.— Почему она смеялась? Кто она? Кто вообще все эти люди?! — Она говорила и без конца переводила взгляд с Акселя на Мтомбу и обратно.— Чего они хотят?!!

— Все хорошо, милая, все позади.— Соломон обернул девушку простыней и поднял на руки.— После я тебе обо всем расскажу. А сейчас просто поверь — все позади.

— Да, я знаю.— Она облегченно вздохнула.— Ты со мной, значит, беспокоиться не о чем.— Она устало закрыла глаза, обняла Акселя за шею и мгновенно заснула.

В тот же самый момент Соломону почудился взволнованный вздох за спиной, он стремительно обернулся, но никого не увидел. «Почудилось», — решил он.

ГЛАВА 3

Умаялся я.— Аксель откинулся на спинку кресла и насмешливо посмотрел на вытянувшееся от удивления лицо приятеля. Вот те раз! Неутомимый Аксель расписывается в собственной усталости! Это что-то...— Не удивляйся, дружище, я ведь по натуре спринтер: рывок, отдых... Постоянное напряжение сильно меня утомляет...

— По тебе не скажешь,— усмехнувшись, ответил Алекс.

— Не физически, нет,— пояснил Соломон.— Морально я вымотался.— Он невесело усмехнулся.— Трудно безостановочно копать в дерьме: миазмы душат. К их вони не приспособишься.

Что верно, то верно. Алекс даже удивился тому, что столь простая мысль не пришла ему на ум раньше. Барахтаться в ушате отбросов, пусть даже в переносном смысле этого слова, занятие малоприятное.

— Я рад, что завтра Сессия, и все, наконец, встанет на свои места,— задумчиво добавил Хук, показывая, что, несмотря на усталость, не привык расслабляться надолго.

— Ты всерьез считаешь, что на завтрашнем заседании все разрешится? — поинтересовался Алекс и по тому, как ровно, без интонаций, прозвучал вопрос, Соломон понял, что его друг придерживается иной точки зрения. Быть может, прямо противоположной. Собственно, немудрено. В кулуарах Лиги ходят упорные слухи о том, что готовится обвинение в подтасовке Службой Безопасности результатов яньского расследования. Если так, то ничто не мешает изворотливым противникам Мтомбы объявить обнаруженных в клинике Фуджи кукол продукцией подконтрольных особистам лабораторий.

— Все, не все,— задумчиво протянул Хук,— но, по крайней мере, определятся позиции сторон, да и персональный состав противоборствующих группировок наконец выявится. Согласись — это немало.

— Ага,— прозвучал с порога хмуро-насмешливый голос африканца,— в первой коалиции ты, я и Алекс. Во второй — все остальные,— еще сильнее помрачнев, изрек он, бухнулся в кресло, налил себе ананасового сока и принялся пить его маленькими глотками. Глядя на него, Аксель невольно подумал, что не жажда мучает его друга — скорее, он успокаивает нервы.

— Тебя что-то беспокоит, дружище? — участливо заметил он после паузы.— Скажи: что?

— Мне легче ответить на вопрос: что меня радует? — буркнул Мтомба между

глотками.

— И что же это? — Соломон говорил подчеркнуто спокойно, хотя уже понял, что предстоит объяснение, и объяснение не из легких. Тем не менее, он был доволен. Все последние дни Мтомба ходил мрачнее тучи, практически отбившись от их компании однокашников. Аксель понимал, что дело не в его загруженности — хотя и работы хватало,— просто старый добрый Оварунга не желает перекладывать заботы на друзей. Он понимал, что рано или поздно настанет момент, когда количество забот превысит критическую точку, и тогда все прояснится, а до тех пор не стоит и стараться — чернокожий упрямец не будет откровенничать. Чего-чего, а уж упрямства его другу не занимать. Похоже, момент истины настал.

— Мы до сих пор живы,— мрачно изрек он, без малейшего оттенка только что продекларированной радости.

— Мне всегда нравилась эта мысль,— кивнул Аксель. Мтомба дернулся, как от удара, но Алекс жестом остановил его.

— Успокойся. Подумай лучше о том, что мы с Солом не слепы, не глухи и не под наркозом. Думаешь, не видим, что после возвращения из клиники ты ходишь мрачнее тучи?

Мтомба покосился на Блэкфилда, потом на Сола и промолчал. Да и что он мог сказать? Все верно. Оба ничуть не поглупели, чего, похоже, не скажешь о нем самом. И что это ему взбрело в голову — решать проблемы в одиночку!

— Давай-ка, дружище, выкладывай, что стряслось,— мягко «подтолкнул» друга Алекс.

— Я только что от Токадо,— нехотя процедил африканец.— Когда я пришел на работу, мне доложили, что директор МЕБЛИПа вызывает меня к себе для доклада...— Сказав это, Мтомба испытующе посмотрел на друзей. Блэкфилд удивленно вскинул бровь, Аксель оставался невозмутим — похоже, его друг просчитал и этот шаг противника. Оварунга недовольно поморщился — старею, глупею...

— Надеюсь, он извинился? — поинтересовался Аксель после паузы. Ну да, как же... Ждите... Мтомба хмыкнул и не проронил ни слова. Ну что ж, вполне красноречиво.— По крайней мере, объяснился? — высказал Сол следующее предположение. Мтомба хмуро уставился на друга — все-таки он неисправимый оптимист.

— Токадо орал и брызгал слюной, чего за ним прежде не наблюдалось.— Алекс изумленно присвистнул. Аксель ограничился скупым кивком.— Он прямым текстом обвинил меня в подтасовке фактов. Он орал, что изначально противился твоему, Аксель, подключению в янскому расследованию, что я позволил заразить себя твоими бредовыми идеями, и это фактически вовлекло Службу Безопасности Лиги в «охоту за ведьмами» вместо плодотворной работы на благо человечества!

Алекс уже не вскидывал бровь и не свистел изумленно. Он просто смотрел и слушал. Токадо он знал лишь по публикациям в прессе да по рассказам друзей. К настоящему времени его не слишком большой информационный багаж иссяк, и теперь он мог только смотреть да слушать. Впитывать, так сказать, свежую информацию. Тем не менее, он не мог скрыть удивления, увидев довольную улыбку на лице друга.

— Ты радуешься тому, что меня с головы до ног заплевали ядовитой слюной? — хмуро любопытствовал Мтомба. В отличие от Алекса, он не выдержал и озвучил свое удивление.

— Перестань скулить — отстираешь,— отмахнулся от его упреков Хук.— Я радуюсь за нашего тучного друга — похоже, он дошел до нужной кондиции.

— Извини, дружище, что не разделяю твоей радости,— мрачно откликнулся Оварунга.— Похоже, с годами я начинаю терять чувство юмора.

— Просто ты излишне эмоционален,— откликнулся Аксель, явно думая о чем-то своем.

— А в самом деле, Сол,— заговорил Алекс.— Лично я тоже не вижу ничего хорошего.

— Наоборот,— с энтузиазмом возразил Соломон,— ясно как день, что мы вырвались вперед как минимум на полголовы, и для окончательной победы достаточно лишь удерживать позиции.— Друзья, однако, явно не разделяли его оптимизма.— Да поймите

вы...— начал Аксель и осекся. Нет, давить на эмоции — не его стиль.— Хорошо,— он обернулся к Оварунге,— ответь: как до недавних пор действовали наши противники? — И не дожидаясь ответа, сам же сказал: — Их не было ни видно, ни слышно. Никто даже не подозревал об их существовании. Могу предсказать, что произошло бы, оставайся мы и дальше глухими и слепыми ослиами, озабоченными лишь наличием сена в кормушке, воды в поилке и ничем больше. Наши малогабаритные противники довели бы свою биржевую аферу до логического завершения, уничтожили бы оборудование и документацию к нему; наверное, и специалистов, способных воскресить утраченное, после чего человечество надолго превратилось бы в аграрную планету, всерьез озабоченную давно забытой проблемой выживания.

— Ну-ну...— недоверчиво протянул Алекс.— Невозможно так вот запросто уничтожить все знание нации. Подумай сам — это миллионы людей, миллиарды книг, десятки триллионов терабайт компьютерных данных, диски...— Он замолк, как видно исчерпав всплывшие в памяти названия информационных носителей, и выразительно посмотрел на Сола.— На определенном уровне развития знания цивилизацию можно уничтожить только вместе с ним самим!

— По-ли-то-лог! — выразительно прокомментировал аргументы друга Аксель.— Я и не заикался об уничтожении всей информации.

— Тогда я отказываюсь тебя понимать! — саркастически заметил Блэкфилд, театральным жестом разведя руками.

— На самом деле, все просто. Ты не пробовал просчитать суммарную стоимость проведенных сделок? — Он вопросительно посмотрел на Блэкфилда. Тот закатил глаза и зашевелил губами.— Ага,— насмешливо прокомментировал действия друга Аксель,— у меня получилась примерно такая же сумма. Теперь следует удвоить ее, а еще лучше — утроить. Не забывай,— пояснил он,— что большинство продавало свое имущество без желания, а это значит, что им предложили кусок, которым подавилась бы и лошадь.

— Ну, а дальше-то что? — Алекс по-прежнему не понимал, куда клонит Соломон, и не скрывал этого.

— Экономист! — с чувством сказал Аксель, правда, без прежнего воодушевления и смерил друга сочувственным взглядом.— Золото, деньги — тлен! Они — всего лишь удобный в обращении эквивалент труда. Подумай о другом: сколько поколений должны будут отдать свой труд лишь для того, чтобы вернуться к прежнему — нынешнему! — уровню развития, да еще в условиях острой нехватки продуктов питания?! А теперь представь, что произойдет, если в этот период у нас возникнут трудности... вызванные внешними причинами.

— Внешними причинами? Что ты имеешь в виду? — насторожился африканец.

— Откуда мне знать? — Аксель легкомысленно пожал плечами.— Наши портативные противники тоже ведь не местного производства... Представь для удобства, что мы завтра одерживаем победу, но они предусмотрели и запасной вариант устранения человечества со своего пути...

— Пора бы дать им какое-то название,— проворчал Мтомба, не испытывая желания комментировать предложенный другом вариант. Быть может, потому, что сходу согласился с ним.

— Крысы! — мгновенно отозвался Аксель.— Они, как и крысы, избегают показываться, но загнанные в угол не считаются ни с чем.

— Ну что ж, Крысы так Крысы,— не стал спорить африканец.— Так ты считаешь, что их активность вызвана осознанием ими шаткости своего положения?

— Уверен,— убежденно кивнул Аксель.— Я ведь первым столкнулся с ними. И в чем я убедился уже давно, так это в том, что они слабо разбираются в человеческой психологии. Они позволили обнаружить себя именно поэтому.

— Так ты уверен, что и Токадо?...— В отличие от Акселя, Мтомба знал директора МЕБЛИПа давно, они даже успели достаточно близко сойтись и сейчас ему было непросто

свыкнуться с мыслью, что старый приятель превратился в механическую куклу, в башке которой сидит Крыса-оператор и отчаянно пытается выправить положение. Он представил, как во время их утренней беседы корчилась в своем операторском кресле, как изгалялась треклятая Крыса, чтобы вызвать у него, человека, чувство испуга... Чувство испуга, долженствовавшего склонить его к желательным для Крыс шагам. А ведь по сути Аксель прав. Быть может, Токадо и остался человеком, но сегодня утром он, Мтомба, говорил с загнанным в угол человеком, с человеком у последней черты, с... готовым на все человеком... В очной или заочной беседе, но он разговаривал с Крысой! — Токадо в ультимативной форме потребовал от меня предоставить в его распоряжение все материалы по клинике,— мертвым голосом сообщил Мтомба то, что говорить ему очень не хотелось. Ох как не хотелось! Причем он и сам не мог понять, почему.

— За все сегодняшнее утро это самое приятное известие,— неожиданно заявил Аксель, и, увидев изумление на лице друга, добавил: — Да что там за утро — за все последние дни! Фактически нам прямым текстом сообщили, что добытая в клинике информация убийственна для наших противников! Разумеется при правильном ее использовании.

— Надеюсь, он как-то подкрепил свое требование? — вставил свое слово Алекс.

— В случае неподчинения он пригрозил бойкотом любых решений Совета Директоров со стороны Ассоциации за Свободу Воли,— подтвердил догадку друга Оварунга.

— Это просто праздник какой-то! — ухмыльнулся Аксель. Чем мрачнее становился Мтомба, тем веселее выглядел его друг.— Значит, уже и Ассоциация существует...— Правда, при последних словах Сол посерьезнел.— Послушай, Мтомба. Насколько я понимаю, ты такой же директор, как и Токадо? — Африканец согласно кивнул.— Значит, он не имеет ни малейшего права приказывать тебе или требовать отчета? — задал он вопрос, призванный окончательно расставить все по своим местам.

— Нет, конечно... Да нет же! — спохватился Мтомба.— Все мы требуем друг от друга солидарной ответственности; можем попросить познакомить с деталями интересующего нас дела, но эти требования носят дружеский, никак не приказной характер. Ты все-таки настаиваешь на утверждении, что Токадо уже не человек?

— Да,— сказал Аксель.— Вспомни, что мы говорили о Крысах? Они профаны в области нашей, человеческой, психологии. Теперь вернемся к твоему утреннему разговору: каждый знает, что грубое категоричное требование — верный способ получить отказ! Человеку нравится ощущать свою значимость, чувствовать уважение со стороны окружающих. Похоже, Крысы этого не понимают.— Сол ненадолго задумался.— Впрочем, тут я не специалист,— самокритично заметил он.— В их поведенческих структурах пусть разбираются психологи.

— И все-таки?...

— Решусь предположить, что на Крыс эмоциональность мотивации оказывает гораздо большее воздействие, чем на людей. У нас на первом месте стоит аргументированность доводов.— Тут Сол вновь на секунду задумался.— Впрочем, у людей ведь тоже есть такой способ, как «брать на испуг». Думаю, у Крыс он возведен в ранг непреложного закона. Дальше все проще. Похоже, как и людям, им свойственно приписывать собственные приоритеты окружающим.

— Похоже, похоже.— Мтомба задумчиво запустил пятерню в каракуль волос.— Он походил на закусившего удила скакуна, не разбирая дороги несущегося к одному ему известной цели.

— Что касается цели, скрытой сути вашего разговора,— Аксель усмехнулся,— думаю, что смогу тебя просветить и в этом вопросе. Токадо пытался узнать, что удалось выяснить, исследуя вывезенное из клиники оборудование.

— Верно,— согласился африканец.— Он потребовал отчета.

— Могу даже уточнить,— продолжил Аксель,— он намеревался выяснить, не обнаружили ли мы НЕЧТО, для них УБИЙСТВЕННОЕ?

— И что удалось узнать? — поинтересовался Алекс.

— Достаточно много и в то же время ничего полезного,— задумчиво откликнулся Оварунга. Он воскрешал в памяти отчеты техников, электронщиков и собственных оперативников в поисках чего-то, убийственно вредного для «крыс», и не находил искомого.— Подвал оказался мини-заводом по производству двойников, а так называемая диагностическая аппаратура на первом этаже служила для снятия с жертвы необходимой информации. Своего рода стенографирование памяти, из которой они впоследствии отбирали необходимую для деятельности двойника информацию.

— Ты хочешь сказать,— всполошился Аксель,— что за те четверть часа, что я провел в кресле, они считали с мозга всю информацию?!

— Не всю, не всю! — Оварунга усмехнулся. Эк, как тебя проняло! — Вся информация им не нужна, так что можешь успокоиться. Я просто неточно выразился. Спецы говорят, что они возбуждали определенные центры мозга и уясняли для себя характерные личностные реакции на основные раздражители, снимали с подкормки стойкие ассоциативные клише и так далее... Была найдена обширная библиотека — досье на всех ПЕРЕДЕЛАННЫХ клиентов. Согласись, муж не может, вернувшись в семью и не узнать домашних, или расплакаться в ситуации, прежде неизменно вызывавшей у него смех.

— Не слишком много для того, чтобы скопировать личность,— заметил Соломон, и Блэкфилд кивнул, соглашаясь.

— Тем не менее, этого хватало для грубой аппаратной имитации личности.— Мтомба недовольно поджал губы.— К тому же, вы забываете о досье. Похоже, Крысам вполне хватало суммарной информации.

— Ладно. Пес с ними,— отмахнулся Аксель. В конце концов в целом схема работает, а это единственное, что сейчас имеет практическое значение.— Ты мне скажи о главном: удалось найти способ, позволяющий отличить человека от пластиковой куклы?

— Нет.— Мтомба помрачнел. Вот оно, убийственное оружие, которое должно повергнуть противника. Пока все держится на обмане, и Токадо, конечно же, пытался выяснить, в каком они положении... Ведь по сути досье, при всей их неоспоримости для него и его сторонников — всего лишь бумага для оппонентов. Другое дело — прибор, ясно показывающий: вы — человек, а вы, мистер, простите, всего лишь дубль... И тогда бери — как там Аксель говорил? Консервный нож? — и...

— Так ты хочешь сказать, что все, что мы сделали, оказалось ни к чему? — Теперь и Сол помрачнел. Похоже, он явно рассчитывал на результативность работы научной группы.

— Даже хуже.— В свою очередь, и Мтомба помрачнел еще сильнее.— Токадо ведь знает о результатах расследования не больше, чем широкая публика, а информации мы — ты и сам знаешь — старались лишней не давать.

— Тем не менее, наш друг всполошился не на шутку, а это само по себе наводит на мысль, что ему не просто известно то, чего он знать не должен, а даже больше нашего.

Соломон выразительно посмотрел на друга. Плохо работают твои технари, Оварунга. Медленно. Работали бы лучше — и нам не пришлось бы гадать на кофейной гуще, кто друг, а кто враг.

— Верно.— Мтомба и не собирался спорить.— Только нам от этого толку — чуть. Мы знаем, что куклы представляют собой некий симбиоз механизма и организма, но вместо крови в их...— Мтомба поколебался, подыскивая наиболее подходящий случаю термин,— гидравлической системе циркулирует многофункциональный жидкостный агент.— Он усмехнулся, поймав на себе удивленный взгляд Акселя.— Так выражаются наши спецы. Агент переносит кровь к органическим тканям, смазку к механическим узлам, и, ко всему прочему, имеет свойства фреона. Жаль, толку от этого мало...— Он помолчал.— Не станешь же вскрывать всем вены. Просто так, на предмет проверки.

— Хорошая идея...— усмехнулся Аксель, но тут же посерьезнел. Ему живо припомнился поединок с доктором Фуджи на винтовой лестнице и лужа странно и неприятно пахнущей жидкости, обнаруженная им на полу вместо тела.— Ты знаешь, мне сейчас пришла в голову мысль... Когда я вышел на ведущую в подвал винтовую лестницу,

меня поразил непривычный цвет освещения. В тот миг я отмахнулся от возникавшего вопроса. Впрочем, даже не отмахнулся. Я успел сделать всего несколько шагов, как на меня накинута доктор Фуджи.

— Жаль, я не видел вашего поединка,— не к месту хмыкнул Алекс.

— Наверное, жаль,— задумчиво согласился Аксель.— Кстати, мне было не до смеха.

— Стоп, стоп, стоп...— Мтомба поднял перед собой ладони, призывая обоих друзей к вниманию.— Я не понимаю, Сол, к чему ты клонишь?

— А ты сложи то, что я уже рассказывал, с тем, что сказал только что. Готов? Во-первых,— начал перечислять Соломон,— странное освещение. Во-вторых,— загнул он второй палец,— необыкновенно быстрое появление Фуджи. И, наконец, в-третьих,— почему-то на счет три Аксель сложил все пять пальцев в чудовищный по размерам кулак,— странный облик доктора. Я ведь говорил, что тело его выглядело черным расплывчатым силуэтом, а лицо бесформенной белой маской. Уверяю тебя: все остальное время он выглядел совершенно нормально.

— Ты хочешь сказать, что эта лестница — некий шлюз? — сделал Мтомба очевидный вывод.

— Ага,— ухмыльнулся Аксель.— Или, если хочешь, КПП — Контрольно Пропускной Пункт. Если уж я начал давать советы... Доставь светильники в лабораторию и посмотри, что они собой представляют,— подсказал он напоследок.

— Опять светильники,— заметил Алекс.— Как на Яне.

— Верно.— Хук не скрывал удовлетворения.— Похоже, у Крыс извращенная любовь к свету. Кстати, но должны там же найтись и какие-то датчики... Я сейчас подумал...— Он посмотрел другу в глаза.— А не из-за них ли всполошился Токадо?

— Я сейчас же пошлю спецгруппу в клинику.— Мтомба порывисто вскочил. Опять друг обскакал его по всем статьям, но разве это имеет значение?!

— Надеюсь, ты не оставил бранные останки клиники без охраны? — вслед ему поинтересовался Соломон.

— Ты что? — бросил через плечо Оварунга.— Там еще трудятся технари.

— Вот и хорошо,— кивнул Аксель.— И смотри, чтобы твои люди не облажались.— Последняя фраза поймала африканца уже в дверях.

— Ты что имеешь в виду? — Он остановился и даже позволил себе обернуться.

— Сам не знаю.— Аксель пожал плечами. Традиционная для него фраза всего лишь озвучивала очередное, выданное подсознанием предостережение.— Пусть лучше ходят парами, а еще лучше — тройками.

Алекс беззвучно рассмеялся и покачал головой, недвусмысленно показывая, какого он мнения о предложенных Акселем мерах предосторожности.

— Лучше выглядеть перестраховщиком в настоящий момент,— назидательно заметил Соломон,— чем дураком немного позднее, когда изменить ничего уже не удастся.

Мтомба кивнул и стремительно унесся, торопясь претворить решение в жизнь, а Алекс, глядя ему вслед, ослабил.

— Эх, как проняло нашего друга! — прокомментировал он увиденное.— Словно ветром сдуло.

— Чем зубоскалить, лучше бы просветил меня относительно результатов твоих поисков таинственного перекупщика,— заметил Аксель.

Алекс победно улыбнулся, взял со стола свою роскошную кожаную папку и, открыв ее, достал листок гербовой бумаги, исписанный ровным убористым почерком. Аксель понял, что другу есть чем похвастаться, но молчал, не желая портить тому удовольствия.

— Скупленные фирмы продолжают объявлять о своем банкротстве, и конца этому не видно,— просмотрев свои заметки, сказал он.— Все банкроты, как ты понимаешь, недавно сменили владельцев,— повторился он.— Существует и второй поток деловой активности — эти объявляют о купле-продаже.

— С тем, чтобы через пару-тройку дней объявить о банкротстве,— добавил от себя

Аксель.

— Похоже на то,— смущенно согласился Блэкфилд. Только что он едва ли не обвинял друга в перестраховке, а теперь вынужден согласиться, что мир, по сути, летит под откос.

— Удалось выяснить, кто за всем этим стоит?

— Да,— твердо отозвался Алекс.— Правда, поначалу мы попали в тупик, но поскольку как процесс банкротств, так и заключение сделок по купле-продаже продолжались, постепенно удалось установить всю цепочку.

— А ведь сейчас перепродается лишь всякая мелочь.— Соломон удовлетворенно кивнул и насмешливо посмотрел на Алекса.— Мелочь и в финансовом выражении и с точки зрения производственной значимости. Все значительное давно уже съедено. Не кажется ли тебе, что разумнее для них было бы затаиться...— подвел он собеседника к уже высказанной мысли о незнании Крысами человеческой психологии, хотя в данном случае правильнее было бы говорить об элементарной логике.

— Мы все равно проследили бы всю цепочку,— возразил Алекс.— Это лишь вопрос времени и упорства.

— Правильно,— не стал спорить Хук.— Но не забывай, что наша главная проблема именно в этом — как раз времени у нас и не хватает. Твоя информация может понадобиться завтра. Сдается мне, что послезавтра от нее уже не будет толку.

— Ты так говоришь, как будто завтрашняя Сессия — своего рода Рагнарёк,— недовольно заметил Алекс,— и что, проиграв битву, нам останется только бессильно грозить противнику кулаками.

— А кто, кстати, конкретно занимается скупкой? — Соломон кивнул, показывая, что согласен с другом в его оценке ситуации, но предпочитает вести разговор в практическом ключе.

— Я думал, ты и не спросишь,— усмехнулся Блэкфилд.— Существует некая финансовая группа, о которой никто не слышал прежде. Фирма называется «Наш дом — Земля». Самое странное то, что, при полной своей неизвестности в финансовых кругах, они существуют давно и занимают огромное здание в Старом Городе.

— Скромно и со вкусом,— усмехнулся Аксель.— Тебе не кажется, что в названии звучит злая ирония, я бы даже сказал: неприкрытая насмешка над людьми? — Он вопросительно посмотрел на друга.

— Да, признаться...— Алекс задумчиво потер переносицу.— Если знать о сути их деятельности, то... Хотя прежде мне это в голову не приходило,— признался он.

— Вот именно! — воскликнул Аксель.— Крысы все просчитали и заранее уверены в успехе. Я не могу отделаться от впечатления, что они знают нас давно и так же давно ненавидят. Они долго вынашивали свои планы, и теперь, когда решились на практические действия, не смогли удержаться от того, чтобы не потешить свое самолюбие. «Наш дом — Земля»! А?! Каково?!

— Да, признаться,— неуверенно повторил Блэкфилд,— то, как ты об этом говоришь...— Он поморщился и неопределенно покрутил ладонью в воздухе.— Почему я сам об этом не подумал? Наверное, ты прав...

— Наверное?! — Аксель с жалостью посмотрел на друга.— Да я так и вижу на эмблеме фирмы развесистый кукиш и ухмыляющуюся крысиную морду, произносящую на чистейшем инт-линге: «Сидите, дылды, на своем шарике, а о Большом Космосе забудьте»! У тебя есть адрес их офиса? — Блэкфилд коротко кивнул.— Отлично. Думаю, настала пора наведаться к ним и на месте посмотреть, что да как.

— И думать об этом не смей.— Алекс обернулся в сторону двери и удивленно посмотрел на вернувшегося Мтомбу, о существовании которого оба приятеля успели счастливо забыть. Африканец прошел мимо умолкнувших спорщиков и опустил в недавно покинутое кресло.— Наверняка твоя бородатая, волосатая морда известна даже последнему клерку в их конторе.

— Благодарю за комплимент.— Аксель яростно оскалился.— Только напрасно ты

надеешься напугать меня — я уже большой мальчик.

— Но до сих пор продолжаешь путать трусость с осторожностью,— веско возразил Мтомба.

— Я их не путал даже в детском возрасте,— беззлобно огрызнулся Соломон.

Оварунга всплеснул руками.

— Да ты хоть можешь осознанно сформулировать, что надеешься там узнать?!

— Конечно, нет,— невозмутимо ответил Аксель, и, помедлив, веско добавил:— но вот в чем я уверен наверняка, так это в том, что, сидя в этом удобном кресле, многого не высидишь!

— Ну, не знаю...— Мтомба порывисто пожал плечами. Иногда он просто не понимал Акселя.— По-моему, у нас навалом работы и здесь. Твоя помощь очень пригодилась бы технарям.

— Я не технарь,— справедливо возразил Аксель.

— Именно,— согласился Мтомба и, подумав, повторил,— именно поэтому. Они мыслят иначе, и твой нестандартный взгляд на вещи оказался бы весьма кстати.

— Да перестань.— Аксель недовольно поморщился.— Пойми одно: завтра состоится Сессия Совета Директоров, и если мы не сумеем совершить маленького чуда, болезнь перейдет в хроническую форму, и все полетит в тартарары. А ты продолжаешь трогательно заботиться о моей драгоценной шкуре! — Оварунга смерил приятеля возмущенным взглядом, и ноздри его затрепетали от густо замешанного на обиде возмущения.— Успокойся, дружище,— смягчился Соломон.— Они не посмеют накануне столь важного и для них мероприятия на кардинальные меры, ведь случись что в их конторе, и Служба Безопасности Лиги просто наложит арест на имущество фирмы, в офисе которой пропал ее полномочный представитель... Нет! — Он тряхнул длинными волосами.— Они не станут рисковать. Раз всем способам воздействия на нас они предпочитают пошное запугивание, значит, и сами в первую очередь подвержены страху...

— Страх страхом, но ведь ты сам говорил о резком различии в мотивации Крыс и людей, а рассуждаешь, как человек. Пусть, как человек, пытающийся понять противника, но, согласись, по сути ничего не знающий о нем!

— Верно, все верно,— не стал спорить Аксель.— Но и ты забыл кое о чем. Они действуют, строго соблюдая наши человеческие законы и только когда законные действия неспособны привести к цели, с легкостью нарушают их.— Он выразительно посмотрел на друга.— Я сыграю на этой их черте. Не стану лезть на рожон, буду старательно сглаживать острые углы, воздержусь от категоричных формулировок, бесповоротных отказов и резких суждений...— Он едва ли не просительно посмотрел на друга.— Я буду пай-мальчиком.

— Что-то я не верю твоей хитрой роже,— все еще недовольно проворчал африканец, но в следующий момент не выдержал и рассмеялся.— Ладно, дружище! Все равно ведь тебя не удержишь...

— Ну вот и славно.— Соломон облегченно вздохнул, и ему, в свою очередь, захотелось высказать что-то приятное другу.— Если я могу сделать для твоих людей что-то полезное, ты только скажи.

— Да ладно,— усмехнулся африканец.— По большому счету, ты прав — каждый должен заниматься своим делом. В первый же день у нас возникли серьезные трудности. Управляемые Крысами марионетки, или работающие на них люди, предъявив накладные, попытались вывезти захваченное в клинике оборудование, а мои сотрудники растерялись. К счастью, растерянность их не длилась излишне долго, и визитеры ретировались ни с чем. Мы сразу раскидали оборудование по разным точкам, и теперь готовы к любым неожиданностям.

— Значит, Крысы начали печатать липовые документы...— Услышанное признание оказалось для Акселя откровением.

— В том-то и дело, что документы были настоящие.— Лицо Мтомбы вновь сделалось озабоченным.

Аксель вздрогнул, словно от удара. А вот это еще хуже, чем то, о чем он подумал!

— Но кто имеет право отдавать приказание Службе Безопасности Лиги? — произнес он вслух.

— Совет Директоров, — усмехнулся Мтомба. — Прежде мог Председатель Совета, но ты сам знаешь, что должность недавно упразднили за ненадобностью.

— Ну и кто же решился взвалить на себя нелегкое бремя власти? — не без иронии поинтересовался Соломон.

— Угадай с трех раз, — усмехнулся Мтомба.

— Ассоциация за Свободу Воли!

— С тобой не интересно, — вздохнул африканец. — Я же просил с трех раз! — Он насмешливо посмотрел на друга. — Только это и спасло нас. Крысы ведь старались действовать тайно, и вполне естественно, что о существовании Ассоциации никто не знал...

— А кто, кстати, явился с требованием? — перебил друга Соломон.

— Директор Бюро Планирования и, как оказалось, Исполнительный Директор Ассоциации Ален Уорд.

— Это не тот ли, что потребовал передать принадлежащую Лиге промышленность в частные руки? — уточнил Аксель.

— Он самый, — кивнул Оварунга.

— Значит, Крысы не отказались от избранной тактики: засветили одного своего прихвостня, а существование остальных предпочитают пока не афишировать... А ведь приди они более внушительной командой, и замысел бы удался.

— Похоже на то, — кивнул Мтомба. — Уорд долго доказывал дежурному офицеру, что Ассоциация утверждена единогласным голосованием директоров...

— ...входящих в Ассоциацию, — ухмыльнулся Аксель.

— Именно, а офицер колебался, не зная, как поступить. Наконец, ему надоело бессмысленное препирательство. Он сказал, что немедленно позвонит Директору Службы Безопасности, и если тот подтвердит законность требования, то он это требование удовлетворит.

— И что Уорд? — поинтересовался Сол.

— Уорд явно не ожидал такого поворота, — усмехнулся Мтомба. — Для начала он пригрозил, что будет жаловаться. А когда угроза не подействовала, развернулся, и был таков.

— Да, — заметил внимательно прислушивавшийся Алекс, — не зря говорят, что нахальство — второе счастье. Чуть побольше напористости в поведении или убедительности в голосе, и мы остались бы «с носом».

— Насколько я понимаю, состав Ассоциации неизвестен? — Сол, как всегда, в первую очередь интересовался практическими подробностями.

— К сожалению, нет, — подтвердил Мтомба.

— Жаль. Значит, придется твоим технарям очень хорошо потрудиться, разбить в кровь носы, но диагностический тестер к утру собрать. Мы ведь не можем препарировать всех подряд, — повторил он ранее уже сказанное. — Нас посчитают гнусными маньяками... И медосмотр для директоров организовать мы не можем, не говоря уже о том, что ни один из них и не подумает явиться для добровольного разоблачения.

В этот момент в кабинет постучали, и все трое обернулись на звук. На пороге появился уже знакомый Акселю по сравнительно недавним событиям в гостинице сотрудник Мтомбы, представленный им, как Грин.

— Господин директор, вы просили утренние газеты. — По-военному четко он шагнул в кабинет и протянул шефу внушительную кипу покрытого текстом пластика.

— От посланной в клинику группы известий нет? — машинально принимая прессу, поинтересовался Мтомба...

— Пек сообщил, что они благополучно прибыли на место, — отрапортовал Грин.

— Хорошо. Можешь идти. — Мтомба жестом отпустил офицера и начал быстро перелистывать страницы, останавливаясь взглядом лишь на помеченных помощником

статьях.— Похоже, Крысы решили сменить тактику,— через минуту заметил он.— Умения им не хватило, так они решили действовать числом, так...— перелистывая страницу за страницей, проворчал он.

— Тебе не кажется,— хитро прищурившись, обратился Аксель к Алексу,— что наш обремененный заботами друг выражается несколько путанно?

— Я бы даже высказался сильнее: несвязно выражается,— поддержал его Блэкфилд.

— И что самое странное,— подхватил Соломон,— внешне он, заметь, остается совершенно нормален.

— Трепачи! — Мтомба со злостью швырнул на стол кипу газет.— Полубуйтесь лучше, что там пишут.

— Я никогда не читаю газет,— несколько театрально проинформировал друзей Аксель.— От того, что в них пишут, портится цвет лица, а еще случается несварение. К тому же, ты сам знаешь, что таких, как я, суперагентов набирают сплошь из неграмотных.— Он благожелательно встретил разъяренный взгляд друга и улыбнулся.— Ты не мог бы, как это сказать, озвучить прочитанное?

— Дурак ты, Сол.— Мтомба выразительным взглядом окинул товарища.— И шутки у тебя дурацкие, не к месту и не ко времени. У здания мэрии, между прочим, собралась десятитысячная толпа.

— И чего хочет толпа? — примирительно произнес Аксель.

— Люди напуганы грядущими массовыми увольнениями.— Африканец стиснул челюсти.— Толпа требует немедленного оглашения принятых Лигой мер.— Глаза его сузились, прицеливаясь в Соломона.— Толпа требует немедленной материальной компенсации морального ущерба. Толпа требует предоставить в ее распоряжение все гиперпространственные звездолеты, с тем, чтобы желающие могли покинуть планету, переставшую быть для них домом.— Он стиснул подлокотник кресла так, что кожа обивки закрипела под пальцами.— В случае невыполнения требований толпа грозит серией массовых самосожжений! — выкрикнул Мтомба, яростно клацнув зубами, и хотя последнее получилось непроизвольно, Аксель воспользовался моментом, чтобы с опаской поглядеть на друга и неуютно поежиться в своем роскошном пуленепробиваемом упсаволовом костюме. Демонстрация возымела должный эффект — Мтомба умолк и обиженно засопел.

— Брось злиться,— примирительно произнес Соломон.— Стоит нам только поддаться эмоциям, и мы превратимся в таких же, как на площади, придурков. С иными целями, с иными нравственными устоями, но столь же недалеких и так же скверно ориентирующихся в окружающей действительности.

Мтомба молча посмотрел на Соломона, выдержал его взгляд, перевел свой взгляд на Алекса, и тот кивнул, давая понять, что согласен с Акселем.

— Ты пойми, Крысы действуют логически здраво. Их план во многом провалился. Они понимают, что находятся на грани разоблачения. Наверное, они заранее готовили себе запасной вариант, но действовали в этом направлении вяло, не сомневаясь, что основной план удастся. Однако случилось так, что пришлось прибегнуть к крайним мерам. Группа подкупленных подонков оболванила еще большую группу не привыкших мыслить самостоятельно, склонных к истерике обывателей. Именно сейчас наступил самый удобный для их выступления момент. Слишком многие на Земле не понимают, что происходит. Но так уж устроена человеческая натура, что эмоциям необходим выход, даже если неизвестно, чем вызваны изменения и куда их проявление ведет. Зачинщики указали возможное для выплеска эмоций направление...— Аксель демонстративно пожал плечами, показывая, что дальнейшее ему неведомо.— Пусть себе тешатся. Конечно, самосожжение, да еще массовое — это не эстетично и не экологично, но если такова их последняя воля...— Он вновь выразительно пожал могучими плечами.— Как бы там ни было, меня эти дураки не интересуют.

— Но если они и вправду...— Мтомба сделал хорошо продуманную паузу, и остальные прекрасно его поняли.

— Ну что я могу тебе сказать? — Сол выразительно посмотрел на друга. — В конце концов в подчинении мэра находится полиция города — пусть работает. На твоём месте я беспокоился бы о зачинщиках беспорядков, о членах Ассоциации за Свободу Воли, с которыми нам завтра предстоит столкнуться.

— Завидую я тебе, — усмехнулся Мтомба после того, как все трое некоторое время просидели молча. — Когда тебя слушаешь, все кажется таким простым и понятным, проблемы — такими мелкими и незначительными, даже когда события складываются явно не в твою пользу...

— Ты мне не веришь... — Аксель совершенно искренне огорчился. — Ну, хорошо. Давай прикинем все «за» и «против». Промышленность на грани краха — это раз. Почти половина директората на стороне противника — это два.

— Почти половина? — переспросил Алекс.

— Припомни результаты последнего голосования. Мы знаем, что с тех пор к Ассоциации присоединился Токадо. Это серьёзная потеря, но не решающая. И, наконец, начавшиеся волнения — это три. Теперь, что мы имеем в активе... К сожалению, все положительные моменты носят неявный характер.

— То есть? — потребовал уточнений Мтомба.

— Они неубедительны для тебя... — не без сожаления отозвался Аксель. — Ну или не до конца убедительны, поскольку носят вероятностный характер. Например, я абсолютно уверен, что похоронить яньские разработки Крысы решили неспроста. Для тебя это очень вероятно, для меня вероятно абсолютно.

— Так ты считаешь, что и Стенсен — не человек?

Мтомба вопросительно уставился на друга. Похоже, до сих пор подобные соображения просто не приходили ему на ум.

— Я так не считаю, — задумчиво молвил Аксель. Похоже, его, в отличие от Мтомбы, этот вопрос занимал постоянно. — Нет, — повторил он уверенней. — Это было бы слишком.

— Тогда не понимаю... Ты только что сказал, что Ян именно Крысам встал поперек горла.

— Я уверен, что финансовая группа, стоящая за массовыми скупками и банкротствами, — это Стенсен со своими людьми. Не забывай, что Крысы стараются не высовываться без необходимости. Вспомни Ян. Там ведь и роботы были наши, земные. А кукла доктора Фуджи — это уже чужое производство. Он и запрятался подальше в пустыню, чтобы не проколоться случайно до тех пор, пока колония псевдолюдей не наберёт критической массы.

— Ты хочешь сказать, что нам придется биться на два фронта? — Мтомба привык верить другу. Именно привык, потому что советы его всегда попадали точно в цель. — Но ведь это еще хуже, чем мы предполагали! Почему ты ничего не говорил раньше?

— Ты торопишься с выводами, — жестом остановил друга Соломон. — Крысы и Стенсен — одна команда.

— Ты хочешь сказать, что человек предал людей? — недоверчиво протянул Алекс. — Но ради чего? И богатство, и власть теряют смысл, если остаешься в одиночестве.

— Ну, — Сол поморщился, — не все так просто. — Чтобы понять, как Стенсен попал в упомянутую ситуацию, следует его знать. Этот человек относится к породе хищников-победителей, причем вполне заслуженно. Уж не знаю, как он на самом деле снюхался с Крысами, но наверняка относился к ним, как к весьма удачно подвернувшемуся инструменту. Уверен также, что и сейчас, когда ситуация начинает выходить из-под контроля, он не теряет присутствия духа и продолжает верить, что сумеет поставить на место союзников, в крайнем случае, ужить. Крысам ведь все равно потребуются ставленники!

— Но ведь и ты веришь в победу, — справедливо заметил Мтомба. — Иначе к чему все эти жертвы?

— Верю, да, но вижу лишь два пути к цели: тотальное уничтожение Крыс, либо полное их изгнание. Он же, похоже, считает, что сможет использовать их и впредь.

— Ты действительно веришь, что можно полностью избавиться от них. Но где

гарантия, что уже сейчас они не позаботились о создании тайных убежищ?!

— Достаточно выявить всех кукол, провести расследование по деятельности каждой подмененной человеческой особи, скажем, за последний год и объявить Крыс вне закона. Дальше все просто. Следует лишь не терять бдительности, потому что вряд ли наши четвероногие друзья так просто смирятся с поражением. Но это в будущем, а сейчас перед нами стоит задача избавить планету от уже обосновавшегося на ней крысиного поголовья.

— Легко,— с чувством произнес Алекс.

— Твоя ирония великолепна, дружище,— парировал Аксель.— Но я говорю серьезно. Вы видите ситуацию словно в кривом зеркале — все, вроде бы, узнаваемо, но картинка получается непривычной, и это сбивает с толку. Я еще раз предлагаю взглянуть на ситуацию трезво. Не Крысы, а мы хозяева на планете! Крысы лишь готовятся к решающему удару, причем, в отличие от вас, прекрасно осознают шаткость своего положения. Они боятся буквально всего. Они боятся, что человечество начнет-таки разработку янского месторождения, они боятся, что мы нашли надежный способ идентификации человеческого организма, они не без оснований опасаются, что Лига просто объявит состоявшиеся сделки недействительными, и вся их крысиная возня пойдет насмарку! — Он победно посмотрел на друзей.— Они боятся завтрашнего заседания — того, что не сумеют провести нужных решений, что будут разоблачены... И они панически, до судорог, боятся огласки! Представляете, что произойдет, если все люди узнают, что какие-то залетные Крысы убивают их сограждан, воссоздают их точные подобию, забираются внутрь и внедряются в семьи, вникают в профессиональные секреты... Уверяю, что после короткого периода паники начнется всеобщая кампания по отстрелу инопланетян, в которой примет участие все население, начиная от вооруженных рогатками мальчишек и заканчивая врачами, по собственной инициативе проверяющих пациентов, так сказать, на достоверность.

— Тебя послушаешь, так не о чем беспокоиться.— Мтомба сокрушенно покачал головой.

— Совершенно верно,— согласился Аксель.— Нам бы только завтра дурака не свалить. Оперативно опознать всех нелюдей и вывести их на чистую воду.

— Не так-то это просто,— заметил Алекс.— Вряд ли они не понимают, что завтрашняя Сессия для них — поворотный пункт.

— Конечно, понимают,— согласился Соломон.— Поэтому предлагаю начать наступление уже сегодня.— Он испытующе посмотрел на Мтомбу, но тот оставался спокоен, как памятник.— Прямо сейчас. Какой фактически подтвержденной информацией мы располагаем? Информацией, до сих пор неизвестной широкой публике? — Он обвел приятелей вопросительным взглядом и остановил его на Директоре Службы Безопасности Мтомбе Оварунга.

— О событиях на Яне сказано лишь, что комиссия работает над доставленным на Землю материалом, и результаты своей работы представит на ближайшей Сессии.

— Прекрасно! -Аксель загнул палец.— Продолжай.

— Ну,— Мтомба пожал плечами,— мы дали коротенькое сообщение о том, что клиника знаменитого доктора Фуджи временно закрыта в связи,— африканец недовольно поморщился, формулировка ему явно не нравилась,— с внезапно возникшими техническими проблемами. Журналисты пытались дать развернутые статьи, некоторые даже поперлись в клинику, но наткнулись на охрану...

— И это лишь усилило их интерес,— заметил Аксель.

— И это лишь усилило их интерес,— подтвердил Мтомба.— Они обращались в пресс-службу Лиги, но получили лишь неуклюжий ответ, что информация закрыта... Пришлось наказать ляпнувшего такое головотяпа,— нехотя признался Мтомба.

— Наоборот! Следовало его поощрить! — с энтузиазмом воскликнул Сол.— Это же просто великолепно! Оказывается, и глупость человеческая способна приносить пользу! — Он демонстративно загнул второй палец, совершенно не обращая внимания на обескураженные лица приятелей.— Что еще у нас есть?

— А ничего у нас больше нету,— хмуро ответил Мтомба.

Его начал раздражать этот разговор. В отличие от Соломона он не видел причин для оптимизма, а восторженности друга и вовсе не понимал. Сам он не считал создавшееся положение безнадежным, но трезво осознавал всю серьезность ситуации.

— У нас есть еще биржевой обвал! — сообщил «новость» Аксель.

— И это тоже хорошо? — саркастически вставил Оварунга.

— Нет худа без добра,— философски заметил Соломон и погрозил кулачищем неизвестно кому.— Раз уж беда случилась, следует и ее использовать во благо. По крайней мере, такой ход с нашей стороны окажется неожиданным для противника.

— Ну, хорошо,— Мтомба уже устал от хождения вокруг да около.— Что конкретно ты предлагаешь? — подавив раздражение, спросил он.

— Я думаю, нужно сказать правду,— как-то весомо произнес Сол.— У Лиги есть опытные журналисты? — Он поглядел на Мтомбу.

— Ас чем мы завтра выступим на Сессии? — в свою очередь, поинтересовался тот.— Я уж не говорю о том, что и подумать страшно, что сделают со мной за несанкционированное директором разглашение в прессе конфиденциальной информации!

— Я разве предложил тебе выступить по головизору с открытым заявлением? — усмехнулся Аксель.— Еще раз повторяю: пусть твои люди напишут несколько статей и через третьих лиц передадут их редакциям. Статьи должны содержать конкретные факты и ни в коем случае не носить расплывчатого характера. Одна статья должна быть посвящена обвалу на бирже. Пусть напишут, что группе независимых журналистов удалось установить участников большинства сделок. Пусть тщательно избегают упоминания Стенсена и его партнеров, но пусть открыто назовут стоящую за скупкой финансовую группу, пусть назовут адрес ее офиса, но не называют конкретных владельцев, а намекнут, что ими является некая группа злоумышленников и опишут ее таким образом, чтобы узнавались наши друзья-манифестанты. Уверяю, им сразу расхочется париться у мэрии на такой жаре...

— Люди озлоблены,— заметил Алекс.— Могут начаться погромы.

— Вот и пусть перестанут придумывать для нас проблемы, пусть лучше позаботятся о себе. Это станет наброском ответа на вопрос — кто виноват? Теперь — что делать?...— Аксель на миг задумался.— Понадобится еще одна статья. В ней следует коротко и однозначно сообщить, что в связи с появившимися данными о том, что за потрясшими деловой мир сделками стоит малочисленная группа финансистов, юристы Лиги проводят масштабную проверку приведших к банкротствам сделок на предмет их соответствия антимонопольному законодательству.— И Аксель отер со лба несуществующие капли пота.— Пусть, кстати, упомянут, что в ближайшее время начнется проверка происхождения превышающих все мыслимые размеры капиталов входящих в финансовую группу дельцов.

— Ты хоть представляешь, что вслед за этим начнется? — простонал Оварунга.

— Ага.— Соломон с готовностью кивнул.— Представляю. Вышеупомянутая финансовая группа скоропостижно свернет свою деятельность, а входящие в нее индивидуумы оперативно убудут в неизвестном направлении. Значит с одним пунктом разобрались. Теперь, Ян. Следует дать утечку достоверной информации. Пусть дадут качественные снимки останков роботов и лишнего мотиватора содержимого черепной коробки с подробными объяснениями. Журналист может аккуратно задаться вопросом: кому это выгодно? Главное — не следует давать ответа. Даже намекать на него. Те издания, которым не посчастливится опубликовать эту информацию, быстро разнюхают, что к чему. '

— А ведь младенец-то прав,— съехидничал Алекс.— Стенсену надолго хватит забот о сохранении своей шкуры.

— Сказать по правде, он — единственный из противников, к которому я испытываю симпатию,— заметил Сол.— А жаль...

— Перестань, Аксель.— Мтомба недовольно поморщился.— Он — вовсе не козел отпущения. Он — тот крокодил, что подавился куском.

Соломон кивнул, хотя по-прежнему оставался невесел. Что ни говори, а Анна — дочь

Стенсена. Не то, чтобы он проникся к возможному тестю родственными чувствами, но мысль о том, что невольно огорчит возлюбленную, приводила его в скверное расположение духа.

— Ладно. Остается клиника. Впрочем, о том, что произойдет, когда люди узнают правду о блистательном кукловоде Фуджи, я уже говорил. Можете сослаться на меня, как на единственного выжившего пациента гениального психотерапевта.

— Ты хоть подумал о том, что произойдет, если все, что ты тут только что наговорил, чохом вывалится на страницы дневных и вечерних газет?— рявкнул разъяренный Мтомба.

— Небольшое принудительное харакири для тех, кто не успеет смыться,— равнодушно прокомментировал Аксель.— А ты что, всерьез надеялся, что все пройдет тихо и незаметно? И в нужное время всех злодеев провезут по Космополису в клетках, чтобы люди смогли посмотреть на тех, кто доставил им столько волнений?! Смотри, как бы ты сам завтра не обнаружил, что решением Ассоциации за Свободу Воли лишен своего поста, да и решать по сути уже нечего, потому что все, кто еще сегодня против, завтра скажутся больными, с тем, чтобы послезавтра вступить в Ассоциацию...— Он хмуро посмотрел на друга.— Думаю, до сих пор они этого не сделали лишь потому, что сил у них маловато, но сегодняшнее утро показало, что они перешли к решительным действиям.

Мтомба молчал. Его друг прав, черт возьми! Прав, когда треплется, прав, когда обретает серьезность... И все-таки...

— Я опасаясь,— заговорил он,— что, обострив ситуацию сегодня, завтра мы не выдержим ответной атаки. Я так и слышу обвинения в грубой подтасовке фактов, а именно в том, что клейма роботов вытравлены в лабораториях Лиги, что куклы из клиники — не более чем бутафория, что сама мысль о крысоподобных инопланетянах не заслуживает серьезного обсуждения в силу очевидной абсурдности выдвинутой идеи. Слишком малый объем мозга столь мелких существ, как крысы, просто не позволит вместить огромный объем информации, хранящейся в человеческом мозгу. Что же касается финансовой группы, то если их офис оснащен системой коммуникаций, как в клинике, то мы обзаведемся лишь новой партией брошенных кукол и, как следствие, новой порцией обвинений!

— Может быть, так оно и случится,— Соломон оставался совершенно спокоен,— но мы, во-первых, выиграем время, а во-вторых, покажем, что сильны и капитулировать не собираемся. В отличие от тебя я думаю, что завтра членам Ассоциации придется вести себя предельно осмотрительно. Предельно! — со значением добавил он.— Если же твои люди сумеют собрать определитель «кукол», тогда вообще все проблемы снимаются. Мы просто явимся на заседание и протестируем директорат на предмет подлинности его членов. Главное — пригласить журналистов, но так, чтобы их присутствие на совещании оставалось для всех тайной до тех пор, пока не начнется Сессия, и они не заявятся в зал.

— Сразу видно, что ты не читаешь газет,— хмыкнул Алекс.— Сессии Совета всегда освещаются в прессе.

— Значит, следует позаботиться о благонадежности аккредитованного корпуса.

Мтомба слушал и только качал курчавой головой. В отличие от друга, он все видел в несколько ином свете, густо подкрашенном стоящими на пути препятствиями — может быть, мелкими, но неприятными; ответными шагами противника — быть может, импульсивными, но болезненными; и прочими моментами, предусмотреть которые не в силах никто. Тем не менее, он понимал, что иного, чем предложенный Акселем, пути к победе просто не существует.

— Любишь ты показуху,— наконец вздохнул африканец.

— Так ты согласен?

— А что мне еще остается? — с видом обреченного пробормотал африканец. Аксель кивнул, посмотрел на наручные часы и ненадолго задумался. Странное для создавшейся ситуации ощущение удачи возникло совершенно неожиданно.

— Если твои люди поторопятся, статьи появятся еще в дневных газетах,— как бы мимоходом заметил он.

— Ты с ума сошел! — От неожиданности Оварунга не сдержался. — Через два-три часа дневные выпуски поступят в продажу! Тираж наверняка уже в работе.

— Вот и пусть твои люди расстараятся! — Аксель по-прежнему оставался деловит и спокоен. Когда рушится дом, не до стрелок на брюках — останешься в живых, обзаведешься новым гардеробом, нет... не все ли равно, в чем тебя похоронят? Или ты считаешь, что предлагаемая информация не стоит того, чтобы ради ее публикации задержать тираж? Нет? Ну, вот и славно. — Он встал, давая понять, что сказал все, что намеревался. — А мне пора.

— Ты куда собрался? — Озабоченность на лице Мтомбы сменилась искренней тревогой за друга.

— Навещу финансовых гениев, — лаконично пояснил свои намерения Аксель.

— Я думал, что ты забыл... — подал со своего кресла голос Алекс.

— Ну, вот еще, — усмехнулся Сол. — Я желаю лично полюбоваться на субъектов, что обретаются в их офисе. — Он вновь начал трепаться, а это означало только одно — даже думать о попытке отговорить его от затеи не имеет смысла.

Мтомба вздохнул — ну вот, опять начинается... Как он не понимает, что именно он — главный свидетель. Да что там свидетель! Он — локомотив состава, в котором находятся все они, все, кто с ним, все, кто против...

— Возвращайся скорее, — не закончив мысли, сказал он вслух.

— Да, парень. — На прощание Аксель улыбнулся — как умеет лишь один он — и вышел из кабинета.

* * *

Аксель покинул здание директората Лиги через выходящий в парк служебный вход и направился по аллее к поджидавшему его гиромобилю. Несмотря на возражения, Мтомба выделил другу не только машину, но и шофера.

На аллеях парка было немногочленно, но Аксель не удивился. Иные заняты на работе, а те, кто уже освободился, предпочитают проводить досуг на пляже, в лесу или спортзале — подальше от зажатых в тиски небоскребов улиц Космополиса. Все верно. Человек — дитя природы и, сам того не сознавая, тянется к общению с ней.

Аксель припомнил, сколько яростных споров вызывала в прежние века проблема урбанизации, срастания крупных городов в гигантские мегаполисы. Пессимисты предсказывали повсеместную смерть дикой природы и рисовали мрачные картины жизни человека в едином для всей планеты пространстве искусственных джунглей из бетона и пластика.

К счастью, такого не произошло. Человек оказался мудрее... а может, и не оказался. Как знать? Так или иначе, но когда гипотетическая угроза обрела черты реальности, человечество ушло под землю, что поначалу вызвало многочисленные протесты граждан, которые, впрочем, очень скоро стихли, когда все увидели, что первый из построенных городов больше походит на цветущий сад с разбросанными по нему живописными порталами. А через сто лет человечество всерьез заявило свои права на космическое пространство, и проблема перенаселения отпала.

Одиноким садовник мерно клал огромными ножницами, выравнивая геометрию снежно-цветника на аллее. Заслышав шуршание песка под ногами одинокого прохожего, садовник прервал работу и с интересом посмотрел на незнакомца. Аксель дружески кивнул ему — испещренное глубокими морщинами загорелое лицо старика сложилось в приветливую улыбку. Он, в свою очередь, кивнул Солу и вернулся к прерванному занятию.

Что может быть лучше открытой, приветливой улыбки? Хороший человек. А может, и не человек... Невольная мысль заставила Акселя оглянуться, но старик продолжал сосредоточенно заниматься своим делом, не обращая больше внимания на удаляющегося по садовой дорожке Соломона Хука. Не оборачивается, значит, не желает лишний раз

демонстрировать растрескавшийся на лице пластик. Ясно — затаился и ждет, когда он, Аксель, уберется восвояси... Соломон усмехнулся и тряхнул длинными волосами — похоже, медленно, но верно он превращается в параноика. Сол усмехнулся еще раз и двинулся дальше. Если всех и каждого подозревать в «ненатуральности», недолго превратиться в цепного пса, без разбора кидающегося на каждого встречного. Тогда ему лучше сразу повесить на шею табличку с лаконичной надписью: «Осторожно! Злой Хук!»

Дорожка привела Сола на обширную площадку, посреди которой высился величественный монумент покорителям космоса. Прищурившись от яркого солнца, Аксель посмотрел на скульптуру. Устремленный в небо поток энергии символизировал жизни миллиардов поколений людей, поначалу, глядя в звездное небо, лишь мечтавших о далеких мирах, а позднее и реально устремившихся к ним. Говорят, именно в этот момент на вершине стелы появилось стилизованное изображение космического аппарата будущего, как зримое напоминание о том, что жизнь не стоит на месте и, хотя сделано много, сделать предстоит еще больше.

— Сол! — прожурчал рядом нежный голос, мгновенно заставивший Акселя забыть о подвиге космопроходцев и стремительно обернуться. — Я здесь... И я уже устала ждать! — Девушка старательно демонстрировала обиду: надула губки и нахмурила брови.

— Прости, Анна.

Он сделал виноватое лицо и склонился к своенравной искусительнице, но та шустро откатила кресло-каталку, на которой сидела, в зону недосягаемости. Сопровождавшая ее молоденькая санитарка смешливо покусывала губки и, вроде бы, старательно смотрела в сторону, но Соломон прекрасно понимал, что это далеко не так. Аксель ловко перехватил «экипаж» возлюбленной за спинку и подогнал к ближайшей скамейке. Он расположился на скамье, а коляску намертво зафиксировал перед собой.

— Перестань, милая. Мы выглядим комично, а я не хочу, чтобы надо мной смеялись, — тактично заметил он.

— Надоела мне эта инвалидная тележка, — сменив гнев на милость, пожаловалась Анна. — Я прекрасно могу обходиться и без нее.

— Потерпи, радость моя. Ты прекрасно понимаешь, что все, что делают врачи, они делают для твоего же блага.

— Но без нее лучше! — упрямылась девушка.

— Конечно, детка. — Аксель не спорил. — Но согласись и ты: лучше провести два лишних дня в этом кресле, чем, быть может, на две недели вернуться в постель.

— Если с тобой, то я согласна, — неожиданно заявила она.

— Ты просто сексуальная маньячка, — не без удовольствия констатировал он.

— И это говоришь мне ты?! — Девушка смирив мужчину гневным взглядом, придавшим ее лицу особую пикантность. — Ты старый развратник! — Она яростно ударила Сола кулачком и еще сильнее рассердилась, когда он рассмеялся и склонился для поцелуя. — О сладком и не мечтай! — выкрикнула она и вновь попыталась покинуть каталку, но Аксель мягко усадил ее на место.

— И вовсе я не старый, перестань. У нас еще будет время пошалить, — попросил он шутливо.

— Ты обещаешь? — мгновенно оттаяла она.

— Клянусь! — Его глаза озорно сверкнули. Ого! Будет дело!

— Мне так плохо без тебя, — пожаловалась Анна и, воспользовавшись рассеянным от приятных мыслей вниманием Акселя, легко перепорхнула к нему на скамью. — Знаешь, как я боялась... Вокруг ходили какие-то люди... Вроде бы люди, но какие-то странные. На вопросы они не отвечали, даже между собой не разговаривали, словно имели возможность общаться без слов. Меня они попросту игнорировали до тех пор, пока во мне не появлялась практическая нужда, но и тогда обращались со мной, словно с вещью, даже кормили, будто заправляли гиromобиль.

— Досталось тебе. — Соломон ласково тронул золотые кудри девушки. — А зачем ты

вообще сбежала от отца? Да еще через трое суток после ранения! Как тебе такое удалось?

— Зачем? — Лицо девушки невольно помрачнело. — Видишь ли, милый, — с горькой иронией начала она свой рассказ, причем несколько издалека, — в один прекрасный день мой внимательный родитель решил, что я вступила в брачный возраст, и не захотел ждать результатов моего собственного выбора. В общем, он подобрал мне достойного, на его взгляд, партнера для спаривания, но забыл при этом поинтересоваться, согласна ли я с его выбором. Именно тогда я подняла все свои связи и сумела попасть в экспедицию на Ян. Я надеялась, что мой поступок отрезвит отца, но ошиблась. Знаешь, что собой представляет клиника доктора Токагавы? — Она испытующе посмотрела на Акселя, но тот отрицательно покачал головой. — Это закрытое лечебное учреждение для высокообеспеченных клиентов, страдающих тяжелыми психическими расстройствами. — Девушка выразительно посмотрела на Сола. — О да! Там сплошь президентские номера, а охранников заметить практически невозможно. Мне повезло только в одном. Доктора знали, что я здорова, и люди отца охраняли меня, не таясь. Я ведь психически здорова, а значит, вооруженная стража должна мне нравиться! — воскликнула она с горечью.

— Как же тебе удалось бежать? — повторил Аксель свой вопрос. Анна улыбнулась и окинула собеседника лукавым взглядом.

— Я уже знала, что для всех умерла, а потому на твою помощь — да и вообще на чью-либо помощь — не рассчитывала. Ранили меня, к счастью, неопасно. Крови я потеряла много, но меня быстро привели в чувство — антибиотики, биогенное облучение... Так или иначе, но уже на второй день я смогла вставать. Правда, рана могла открыться, но я рассчитывала, что все пройдет по-моему и надеялась избежать неприятных моментов. Говоря проще, я решила бежать, и бежала самым простым и древним способом — соблазнила моего тюремщика. Откровенно говоря, я начала строить глазки опекавшим меня охранникам папы, как только пришла в себя. К чести мужчин должна сказать, что оба пытались сопротивляться. Не подумай только, что причина тому — высокие моральные качества особей! Просто оба знали, что отец голову свернет посягнувшему... — Она насмешливо посмотрела на Акселя, и тот кивнул, показывая, что понимает и принимает ее рассуждения. — Дежурили они по очереди, и на третий день мой сторож раскис самым позорным образом, за что получил по голове пресс-папье — надеюсь, он хоть жив остался — и повалился на пол. Я связала его, забрала ключи от гравилета и вернулась в Космополис. Целый день я звонила в тебе в гостиницу, но безрезультатно...

— Ты извини, но ведь я там только ночевал... — сконфуженно заметил Аксель.

— Я понимаю, — согласилась Анна. — Как сумели меня найти люди отца, до сих пор не понимаю, но только к вечеру того же дня я опять оказалась в заточении и обращались со мной на этот раз как с бездушной вещью.

— Они не были людьми твоего отца... — нехотя заметил Соломон.

— Тогда, кем же? — Анна выглядела искренне удивленной.

— Они вообще не были людьми, — пояснил он, запоздало сообразив, что она совершенно не в курсе событий.

— Как это?! — продолжала добиваться ответа Анна, теперь уже не скрывая волнения. Ничего себе объяснил! Не люди! А кто?!

— Мы называем их Крысами. — Сол понял, что от рассказа — хотя бы в общих чертах — ему не отвертеться. — Твой отец замыслил опасное дело, девочка, и ради достижения цели пошел на союз с ними.

Соломон рассказал ей все. Все, что знал сам или о чем догадывался. Он рассказал все, за исключением того, чему еще только суждено было случиться. Тут вошедшая в плоть и кровь осторожность заставила его остановиться. Он мог позволить себе верить ей, но не имел права рисковать... А она слушала с замиранием сердца и округлившимися от полунедоверия-полуизумления глазами. — Извини, — закончил рассказ Аксель, — я думал, ты знаешь.

— Не может быть, — прошептала она, потрясенная рассказом. — Отец всегда желал людям только добра.

— Он и сейчас желает людям счастья,— согласился Соломон.— Только путь ко всеобщему благоденствию предлагает вымостить трупами не перенесших тягот пути слабаков. Цель оправдывает средства,— Сокрушенно констатировал он.— Ради достижения высокой цели — все средства хороши. А ведь обещанного счастья достоин каждый из нас...

— Страшные вещи ты говоришь.— Анна смотрела в сторону остановившимся взглядом. Фривольные мысли выветрились из ее хорошенькой головки со стремительностью тающего под лучами солнца утреннего тумана.

— Действительность куда страшнее,— веско произнес Хук.— Впрочем, сейчас не время об этом говорить. Скоро многое изменится и — я на это надеюсь — прояснится. Не забудь, что на завтрашнем заседании тебе, возможно, предстоит выступить и рассказать обо всем, что тебе пришлось пережить.— Аксель искренне надеялся, что до этого не дойдет, но сейчас предпочел высказать худший из вариантов.— Конечно, во многом твой рассказ лишь повторит мой, но слова двух человек вдвое весомей показаний единственного свидетеля. Тем более что меня попытаются обвинить в авантюризме, лжесвидетельстве, а может быть, и в других грехах.

— Не бойся, милый, я с тобой,— с улыбкой молвила Анна. Она уже успела оправиться от неожиданности.— Уж меня-то они не посмеют обвинить в склонности к авантюризму.

— Прошу простить, мисс Стенсен, но вам пора на процедуры.— Смешливая сестричка возникла словно ниоткуда и остановилась за спинкой кресла-каталки, взглядом недвусмысленно предлагая пациентке занять свое место.— Прошу вас,— повторила она, видя, что Анна проявляет все признаки непослушания — на голос ее не отзывается, выполнять команду не спешит.

— Мне тоже пора, милая,— пришел девушке на помощь Соломон. Анна недовольно посмотрела на него, потом на сестричку, но улыбнулась, на этот раз решив не сердиться.

— Пока я здесь, ладно,— она подарила Солу выразительный взгляд,— но после...

* * *

Аксель велел водителю остановиться на стоянке у небольшой площади в центре Старого Города. Старый Город представлял собой обширный район построенных из серого камня зданий — серых, чопорных и унылых; район, который в народе не слишком уважительно называли Кладбищем, но которым тем не менее гордились как одним из немногих сохранившихся до наших дней памятников прошлого. Лет сорок назад развернулась широкомасштабная дискуссия по поводу того, сносить его или оставить в качестве образчика расточительной философии старого градостроительства. Совершенно неожиданно на защиту последнего из оставшихся на планете пяточков полностью надземного градостроительства встало значительное число общественных организаций и фирм, никак не проявлявших себя прежде, и муниципалитету, скрепя сердце, пришлось уступить.

Только что перевалило за полдень, короткий рабочий день большинства фирм закончился, служащие спешили убраться из каменной печи исторического центра, и места на стоянке освобождались одно за другим. Соломон вышел из машины и не спеша побрел по прожаренному тротуару мимо многочисленных летних кафе и маленьких лавочек, торгующих чем попало. Остановившись на противоположной стороне площади, он полез в нагрудный карман и вытащил раздобытую Блэкфилдом визитку с адресом. Любопытно. Фирма «Наш дом — Земля!» располагалась в двадцатизэтажном здании серого гранита с двухметровыми стенами, способными выдержать артиллерийский обстрел несовершенных орудий древности. Название фирмы и внешность приютившего ее мрачного строения, больше всего походившего на склеп, настолько не гармонировали друг с другом, что Соломон невольно покачал головой.

Кому могли прийти по вкусу эти мрачные дома, не вызывающие иных чувств, кроме

уныния? Он буквально услышал поскрипывающие в недрах мастодонта лифты, позволявшие клиентам не ходить по мраморным лестницам с бронзовыми, покрытыми патиной перилами, а напрямик переноситься к цели. Почему-то ему представились покрытые дубовыми панелями стены, которые он видел в клинике доктора Фуджи. Он усмехнулся своим мыслям и пошел дальше, вдоль потока гириомобилей, стремительно уносивших своих владельцев в загородные зоны отдыха. Он машинально взглянул на часы — без четверти час. Самое время. Судя по надписи на визитке, он должен успеть к закрытию конторы.

Аксель не спеша шел, перелистывая в голове конспект событий последних дней, пытаясь сформулировать в осмысленную фразу бурлящее облако неприятных ассоциаций. Итоговый вопрос не желал принимать окончательной формы, и это обстоятельство действовало на нервы. Он чувствовал себя как разведчик перед заброской на вражескую территорию, отдающий себе отчет в том, что должен раздобыть важные сведения, но представления не имеющий о том — какие? И вдруг он понял, что мучает его последние дни. ОНИ ДОЛЖНЫ «ВЗЯТЬ ЯЗЫКА»... Без живой крысы в клетке или хотя бы ее трупа, любой их аргумент, любой вещдок, включая захваченных в клинике кукол, на завтрашней Сессии окажется немедленно подвергнутым сомнению. Посеянная неуверенность в отношении достоверности присутствия на Земле Крыс, неизбежно породит сомнение и в остальных утверждениях Мтомбы, Анны и его самого... Ситуация — хуже не придумаешь... Поздновато пришло понимание. Хорошо хоть не слишком поздно — можно еще постараться что-то сделать.

Зачем он приперся сюда? Аксель остановился у стены близлежащего дома и задумался. Быть может, разумнее будет вернуться и попытаться получше подготовиться к завтрашней Сессии? С другой стороны, он уже здесь. Как-то глупо возвращаться ни с чем. Он огляделся, словно забыл, как оказался в этом месте. Поток машин поредел, зато людей на тротуарах прибавилось. Мимо, переговариваясь и хихикая, прошли две девушки. Они явно не имели ни малейшего представления о нависшей над миром угрозе, и на миг Аксель невольно позавидовал их беззаботности. Он еще раз машинально взглянул на часы и заторопился. Если он решил, то самое время поторопиться. Иначе может оказаться поздно. Аксель пошел — почти побежал — навстречу людскому потоку, машинально думая о том, что мир катится в тартарары без всяких внешних признаков умирания.

Соломон перешел улицу, толкнул тяжелую дубовую дверь с массивной бронзовой ручкой и очутился в просторном холле, заполненном мелкими лавчонками и торговыми автоматами. Часть магазинчиков уже закрывалась, но большинство продолжало работать. Аксель поднялся на лифте на одиннадцатый этаж — лифт оказался именно таким, каким он себе его и представлял: древним и скрипучим — и, пройдя по коридору, обнаружил табличку на одной из дверей с надписью: «Генеральный менеджер»... и так далее, со всеми полагающимися атрибутами, вплоть до имени и фамилии — Эшли Форд. Аксель потянул на себя дверь — такую же дубовую и тяжелую, как и входная — и, очутившись в приемной, мгновенно поймал на себе профессионально испытующий взгляд секретарши. Больше всего секретарша походила на сверхсексапильную модификацию куклы Барби. Она имела непропорционально длинные ноги, сногсшибательные бедра, непомерно объемный бюст — процентов на шестьдесят открытый для обозрения посетителей, так что Сол даже удивился, как оставшаяся закрытой минимальная часть его не вываливается из лифа, — огненно-рыжие волосы и невинное личико девочки-тинейджера. Через некоторое время Аксель поймал себя на том, что непозволительно долго «купается» в ее влажном призывном взгляде, словно кричащем: «Я безумно рада, что пришли именно вы!»

— Я бы хотел повидаться с мистером Фордом, — несколько запоздало, неожиданно для себя самого хрипловатым голосом, изложил цель своего визита Соломон.

— Вам назначено? — томно поинтересовалась она столь же низким грудным голосом.

— Нет. Я сам по себе, — чистосердечно признался Сол, — и если мне откажут, тотчас исчезну, — легкомысленно пообещал он.

Несколько секунд секретарша колебалась, глядя на нежданного визитера, потом

поднялась со своего места, и у посетителя вновь перехватило дыхание.

— Как о вас доложить? — проворковала она похожим на шелест павшей листвы голосом.

— Соломон Хук.— Аксель и на сей раз решил не лукавить.

— И все?

Странный вопрос... Чего же тебе еще, детка?

— Просто — Соломон Хук,— подтвердил он, чувствуя себя несколько... ущербным.— В нашем мире этого вполне достаточно,— с достоинством добавил он, запоздало осознав, что для «посвященного» ответ прозвучал несколько двусмысленно. Ну и пес с ним!

Мимолетная тень — или это только показалось Хуку? — промелькнула в ее взгляде, после чего Супербарби переместила свое роскошное тело в кабинет шефа. Он выругался про себя и раздраженно бухнулся в кресло. Что-то в этой девице не так. Не существует на Земле таких женщин. Две руки, две ноги — еще не видовой признак. Уж больно в ней — несмотря на высочайший эстетизм мясного натюрморта — всего много: и вымени, и бедер, и всего остального, при почти явно стремящейся к нулю окружности талии.

— Мистер Форд ждет вас.

Неожиданно прозвучавший голос вывел его из оцепенения. Аксель встал, поблагодарил секретаршу взглядом и прошел в кабинет, вновь почувствовав лицом прохладное дуновение, о котором уже почти успел забыть. Мать твою! Да что тут происходит?! В следующий миг внимание его переместилось на хозяина кабинета, вытеснив и раздражение, и предшествовавшее ему физиологическое восхищение обитательницей приемной. За письменным столом сидел сухонький горбоносый старичок с тонкой, полупрозрачной, словно папиросная бумага, кожей. Он не сказал ни слова, и лишь когда гость встретился с ним взглядом, изрек:

— Прошу садиться, мистер Хук.— Он деликатно выждал, пока гость устроится в кресле.— Итак, мистер Хук, я весь — внимание.

— Не стану ходить вокруг да около,— без лишних слов заявил Соломон.— Я здесь потому, что мне стало известно, что ваша фирма скупил всю высокотехнологичную промышленность планеты.

Соломон умолк, справедливо посчитав, что для начала сказал вполне достаточно и вопросительно посмотрел на хозяина кабинета, но тот не торопился отвечать. Наконец, видя, что гость явно не собирается превращать их беседу в собственный монолог, произнес:

— Я так и не услышал вопроса, мистер Хук.

— По-моему, я сказал вполне достаточно, но если вы придерживаетесь иного мнения, извольте. Ваша фирма скупил промышленность планеты,— повторил он.— Это противоречит антимонопольному законодательству, в чем еще полбеда. Вы принялись банкротить приобретенные компании — это никуда не годится. На что вы рассчитываете? — Что ж, если в конце фразы должен стоять вопросительный знак, извольте! — Неужели вы всерьез рассчитываете, что подобные дела сойдут вам с рук? — дополнил он первый вопрос весьма внушительным довеском.

— Теперь вопрос мне понятен, но должен вам сказать, что вы ошибаетесь, мистер Хук,— произнес он старичок тоном, своей напыщенной невозмутимостью сделавшим бы честь и Королевскому Прокурору.— У нашей компании больше сотни акционеров — таких же физических лиц, как мы с вами — и ни одного из них вам не удастся обвинить в монополизации какой-либо отрасли. Они вовсе не совладельцы общего целого, но каждый из них владеет частью того, что вы называете целым. Вполне определенной частью. Так что с точки зрения закона мы чисты.

— Хитро придумано,— кивнул Аксель. Он не назвал противника его собственным именем, лишь намекнул секретарше, что знает о нем, и сейчас оба говорили практически открыто, но не называя при этом вещи своими именами.

— Наша фирма существует сорок лет и лишь к настоящему момента обрела нынешнее свое могущество, так что благодарю за комплимент,— с легким оттенком издевки произнес

старичок, и на его восковой физиономии мелькнуло легкое подобие улыбки.— Что же касается банкротств, то извините, но это дело нового владельца — наверняка на месте старого появится что-то новое. Если других претензий вы не имеете...

— Я вижу, вы хорошо изучили наши законы,— стиснув зубы, заметил Хук,— но вам не приходило на ум, что, наряду с юридическими установлениями, люди пользуются и неписаными законами?

— Что вы имеете в виду? — Впервые за время разговора тень тревоги легла на восковое личико старикашки, и красноватые прожилки под полупрозрачной кожей его щек зримо налились кровью. Если это имитация человека, то имитация очень качественная...

— Когда на человека нападают, он защищается...— угрожающе провозгласил Сол.

— Это укладывается в рамки закона,— парировал старичок.

— ... нанося удары, как придется,— продолжил Аксель,— в том числе и ниже пояса. Так что не питайте иллюзий.

Посчитав, что сказал все, что собирался, Соломон встал и, коротко кивнув, вышел. Старичок ни словом, ни жестом не попытался остановить посетителя, и это как нельзя больше устраивало Акселя. От дальнейшего разговора толка он не видел, а тратить время попусту не хотелось. Главное, он окончательно удостоверился, что за массовой скупкой стоят Крысы, что цель скупки — банкротства, и что от своего замысла они отказываться не собираются. Как он сказал? Наша фирма существует уже сорок лет и лишь к настоящему моменту достигла нынешней мощи? Интересно. Акселю невольно пришло на ум недавнее воспоминание о Старом Городе. Решение о его сносе попытались провести тоже сорок лет назад. Что это? Совпадение? Соломон не верил в совпадения, хотя не мог отрицать, что время от времени случаются и они, но чтобы очередное из них оказалось именно ТАКИМ, и дало о себе знать именно СЕЙЧАС, когда, похоже, настало время откровений... Эмоции, как всегда, бежали впереди мыслей, и, еще не подкрепив свои смутные догадки логическими выкладками, Аксель уже знал, что находится на верном пути. Что такое Старый Город? Компактная кучка низкорослых небоскребов в двадцать-сорок этажей и БЕЗ подвальных уровней. Он почувствовал, что стоит на пороге открытия, и сердце застучало сильнее. **КРЫСЫ ЖИВУТ ПОД ЗЕМЛЕЙ.** Он даже не удивился, когда эта фраза всплыла из подсознания. Все верно, крысы живут под землей, и если предположить, что уже сорок лет назад Крысы начали свое дело, и центр города избег перестройки благодаря их стараниям, то под Космополисом может оказаться целый крысиный город. Аксель представил себе масштабы крысиного проникновения, и ему сделалось нехорошо. Похоже, завтра предстоит не потасовка, завтра предстоит драка.

Все эти мысли вихрем промелькнули в голове Соломона за то небольшое время, что он выходил из кабинета. Секретарши на месте не оказалось, и Аксель втайне порадовался этому. Вид ее кукольной красоты и возбуждал, и раздражал его одновременно, порождая в душе странную и скорее неприятную смесь чувств. Что-то вроде изуверского коктейля из виски, хрена и ванильного мороженого — этакий хреновый коктейль. Десерт для любителя-извращенца. При этой мысли Хук почувствовал настоящее желание выпить, и память услужливо нарисовала перед ним несколько картинок с фасадами баров на площади, по дороге сюда. Наметив следующую цель, Аксель вернулся к прерванным размышлениям. Как вообще могло такое случиться, что никто из них не подумал оценить хотя бы приблизительно силы противника? А подумать есть о чем. Форд проболтался, что фирма существует уже сорок лет, а это значит, что уже сорок лет назад Крысы представляли собой значительную силу. А ведь когда-то произошел первый контакт. Корабль с этими тварями тайно приземлился, и Крысы завладели первым человеческим телом. Аксель невольно задумался. Нет, слишком сложно, а значит, и неверно. Скорее всего, они привезли с собой куклу или две — несуществующих граждан Лиги. С их помощью завладели недвижимостью. Наверное, это оказался самый сложный момент, потребовавший соблюдения множества формальностей. Скорее всего, они изготовили липовые документы на умерших граждан... Теперь это вряд ли установишь. Так или иначе, Крысы сумели добиться своего, а дальше все

оказалось значительно проще. Оборудование для производства кукол доставили на Землю, и процесс тайной колонизации начал развиваться по нарастающей.

Аксель попытался осмыслить истинные масштабы вторжения, и тут же перед ним встала дилемма: обосновались Крысы только в Космополисе или протянули свои лапы и хвосты по всей планете? Некоторое время он проворачивал в голове все препятствия, что пришлось преодолеть противнику на пути к провозглашенному мистером Фордом могуществу. Во-первых, гигантские средства, которые в течение последнего полугодия оказались впрыснутыми в экономику. Каково бы в конечном счете ни оказалось их происхождение — янское или иное, — заработаны деньги не на Земле. Что они везли? Наверняка что-то, что очень ценится людьми и по возможности компактно — золото, платина, драгоценные камни. На Земле все это лишь преобразовывалось в принятые к хождению внутри Лиги кредиты. Судя по словам Форда, на это у Крыс ушло сорок лет. Если принять во внимание, что перед этим им пришлось подкупить городских чиновников и выложить кругленькую сумму за принадлежащее им и донине здание, даже чуть больше. Для ровного счета, пусть будет полвека. Итак, все эти пятьдесят лет они постоянно привозили на Землю нечто ценное, что затем превращали в деньги. Причем действовать им приходилось предельно осторожно, чтобы ни у кого не возникло изумленного вопроса: откуда такое богатство? Нет, вряд ли у них хватило сил одновременно с наращиванием финансовых мускулов заниматься распространением ареала на другие города... Наверняка все сосредоточено здесь, под Старым Городом. Лишним подтверждением тому может служить клиника доктора Фуджи, возникшая меньше десяти лет назад, когда колония Крыс окрепла, материальная база оказалась накопленной, и твари перешли к последней стадии вербовки высоких должностных лиц.

Нет, это невозможно. Не могли Крысы расселиться по всей планете. Для этого у них просто не хватило бы ни времени, ни ресурсов. Да и зачем? Какова вообще цель их деятельности? До сих пор Аксель не задавался этим вопросом. Он не имел для размышлений достаточно времени, да и проблема носила слишком абстрактный характер — какую бы цель ни преследовали захватчики, в данный момент людей интересует, как избавиться от них планету, а уж после все остальное. Однако, сейчас, кажется, настал момент, когда стоит ответить и на этот лишний вопрос, хотя бы для того, чтобы проще стало отвечать на остальные.

Итак, почему именно высокие технологии пришили не по вкусу братьям по разуму? Современные средства связи, пищевые синтезаторы, космические перелеты, производство вычислительных систем сверхвысокого быстродействия и сверхмалых размеров, таких, как его Мэри-Эн... Что конкретно пришлось им не по вкусу? Аксель задумался. Пятьдесят лет кропотливой крысиной возни позволили тайным агрессорам подвести Землю к нынешнему кризису. Что же произошло полсотни лет назад? Что конкретно? Крысиный космический патруль напоролся на планету под названием Земля, населенную развитым в технологическом плане человечеством, весьма подходящую для крыс по климатическим условиям? Или люди совершили нечто, выходящее за границы дозволенного? Какой же из двух вариантов верен? Аксель постарался рассуждать логически.

До сих пор Крысы подменяли людей поодиночке. Для истребления расы — путь малоэффективный. Быть может, они надеются, что именно теперь, лишив людей синтезаторов пищи, они добьются первоначальной цели? Вряд ли. Человечество успело расселиться на другие планеты системы. К тому же они не скупали предприятия по производству стационарных пищевых установок, их интересовали только аппараты, применяемые на современных звездолетах — сверхкомпактные космические системы. Нет. Скорее уж верен второй вариант, об этом говорит логика, о том же нашептывает и подсознание. Так что же все-таки произошло пятьдесят лет назад? Что заставило маленьких агрессоров перейти к активным действиям? Чутье подсказывало Соломону, что ответ следует искать в космопроходческой деятельности человечества. Но все, что люди имеют сейчас, они имели и пятьдесят, и сто лет назад, но имели в меньших количествах и, быть

может, несколько худшего качества. Люди свободно перемещались внутри Солнечной системы и изредка летали к звездам. По сути, тоже самое мы делаем и сейчас. Аксель добросовестно напрягал мозги, но никаких технологических прорывов припомнить не сумел. Маленькими шажками человеческая цивилизация семенила вперед по пути прогресса. Зачастую люди петляли и возвращались назад, но резких рывков вперед предпринять не удалось — каждый шаг давался упорным трудом и не более того.

Как ни прикидывай, зацепиться не за что. Он понял, что в своих предположениях зашел в тупик. Привычно обвиняя себя в тупости, он отмахивался от обломков мыслительных конструкций, роившихся в потяжелевшей голове, ибо чувствовал — разгадка где-то рядом. И тут Хука осенило — Ян! Тогда экспедиция к Нептуну обнаружила пару странных планет, вращающихся по очень странным орбитам... Пострадавшее было чувство собственного достоинства вновь вернуло себе прежние позиции. «Какая тонкая работа ума, Соломон», — похвалил он себя. — «Ты снова оказался на высоте положения: проник в сердце гнусного заговора. Ничто не укроется от твоего острого взгляда и не избежит всесокрушающего возмездия! Соломон неподкупный и неуступчивый!» Входя в затененное помещение бара, Аксель почти физически почувствовал, как потеплело на душе, словно он не сам только что нахваливал себя, а выслушал восторженную тираду из уст хорошенькой девушки. Он подошел к скрывавшейся в глубине зала стойке и взгромоздился на высокий табурет.

— Что будете заказывать? — будничным тоном поинтересовался бармен.

— Виски со льдом. — Аксель сделал небольшую паузу и добавил: — Да, двойное виски со льдом. — Потом подумал еще раз и поправил себя: — Два двойных виски со льдом и в один стакан. — И в ответ на изумленный взгляд бармена пояснил: — Жажда замучила, а времени в обрез.

Наконец он расслабился, отстранено наблюдая, как бармен поставил на стойку бара высокий стакан, насыпал в него порцию льда, достал из холодильника за спиной початую бутылку виски и принялся переливать ее содержимое в стакан. Наметанным глазом определив, что затребованная порция находится внутри стакана, Аксель выхватил посуду из-под руки бармена и одним махом выглотнул содержимое.

— Повторите, — выдохнул он, с наслаждением чувствуя, как разливается в желудке озеро холодного пламени.

— Я чувствовала, что найду вас здесь.

Аксель сразу узнал этот голос и развернулся. На соседнем табурете восседала Порнобарби с наивным детским личиком и холодным, как лед, оценивающим взглядом опытной профессионалки.

— Добрый день, мисс, — поздоровался бармен. — Что-нибудь выпьете?

— «Бурбон», пожалуйста.

— Мне кажется, я вас где-то видел, — «сориентировался» Соломон, но собеседница восприняла пошловатое начало разговора как должное. Сол увидел на девушке то же платье, что и в офисе, но сейчас, в неофициальной обстановке, оно выглядело еще более вызывающе. «Пожалуй, если постричь мне бороду, сырья хватит на нечто гораздо более пристойное», — с усмешкой подумал он.

— В этом не может быть сомнений, — ответила девушка на брошенную им фразу. — Меня зовут Эмма, — произнесла она и выжидательно уставилась на Акселя великолепного тона изумрудными глазами.

— Соломон, — с мягкой улыбкой представился он, ловя себя на мысли, что всего пару месяцев назад почувствовал бы себя польщенным, а сейчас... а сейчас испытывает к Эмме скорее технический интерес. Какой прогресс в индустрии секс-услуг ожидает заинтересованную часть мужской половины человечества! Когда он представил себе, что маленькое серое создание сидит в миловидной головке этой длинноногой куклы и холодно планирует залучить его в постель, его едва не стошнило. — Рад познакомиться. — Он сделал над собой героическое усилие и кисло улыбнулся. Получалась какая-то нездоровая клоунада, но в этот момент Солу вдруг стало интересно узнать ответ на вопрос: а зачем она здесь? Что

собирается предложить? В том, что встреча неслучайна, он не сомневался.

Бармен налил в стакан Сола повторную суперпорцию виски, поставил перед Порнобарби наполненный бокал и равнодушно отвернулся. Сколько таких вот физиологических романов завязалось на его глазах? И все-таки что-то показалось Акселью странным в его равнодушии, а Аксель привык доверять инстинктам. Он внимательнее присмотрелся к Эмме — роскошное тело, прекрасное лицо и... скучающий взгляд. Он перевел взгляд на бармена, и тот поспешно опустил глаза. Нет, тут что-то не так... Ба! Да ведь он до сих пор в Старом Городе! Неужели его догадка верна до такой степени?

— За ваше здоровье, Сол.— Она подняла бокал и выжидательно посмотрела на Акселя поверх его края.

— Нет, нет, Эмма! — запротестовал Аксель.— Первый тост непременно за даму!

— Нет, Сол,— возразила она.— Непременно за вас. Тем более, что именно к вам у меня деловое предложение. Как насчет того, чтобы перейти на службу в «Наш дом — Земля!»? — Она пригубила напиток и поставила бокал на стойку.— Соглашайтесь, и вы станете просто неприлично богаты.

Завершив свою речь, она посмотрела на собеседника и впервые за время разговора улыбнулась уголками губ. Аксель понял, что, несмотря на весь свой жизненный опыт, в данной ситуации оказался не на высоте положения. Это что — акт отчаяния или тонкий расчет? Он поймал себя на том, что несколько глуповатым взглядом пялится на сидящую рядом с ним красотку и заставил себя улыбнуться.

— Боюсь, я вам не по карману, милая,— скромно заметил он. Так-то вот. Аксель остался доволен. Первый удар он, пожалуй, пропустил, но сумел собраться и ответил вполне достойно.

— Начнем с должности представителя нашей фирмы на Марсе и годового содержания... ну, скажем, в пять миллионов в год,— ничуть не смутившись, продолжила она, поймала на себе насмешливый взгляд Соломона и поспешила поправиться.— Впрочем, человеку вашего размаха мы будем рады увеличить сумму в два-три раза.— Она вновь вопросительно посмотрела на Акселя.

— И чем мне придется заниматься на своем посту? — поинтересовался он.— За любые деньги скупать самые современные предприятия и пускать бесценное оборудование на слом?

— Я лично никогда не сомневалась в вашей проницательности,— сделала новый глоток из бокала, сказала она.— Я понимаю, что работа непростая, и потребует от вас немалого терпения. Как насчет того, чтобы увеличить первоначальную сумму пятикратно?

— Не все продается за деньги, мисс Эмма,— заметил Аксель. Он уже понял, что она станет увеличивать первоначальный коэффициент до тех пор, пока он не согласится. Проблема состояла в том, что Сол не собирался соглашаться. Быть может, именно поэтому ему внезапно сделалось скучно.

— Повторяю, я не сомневалась в вашей проницательности,— кивнула она.— Именно поэтому на встречу с вами пришла именно я. Аксель поднял на нее вопросительный взгляд.— Как насчет того, чтобы обсудить иные формы оплаты?

А вот это уже откровенно пошло! Они за кого его принимают, за сопливого мальчугана, впервые остановившегося у дверей публичного дома и теперь лихорадочно ломающего голову над вопросом: что он может себе Позволить на зажатую в потной ладонке заветную банкноту?

— Должен признаться, что несколько растерялся.— Сол с сожалением отказался от первоначального желания нахамить. Не привык он грубо разговаривать с женщинами, даже если стоящая перед ним не более чем искусная имитация.— Мне нужно подумать.

— А я вас не тороплю.— Она порылась в сумочке, достала визитку и пихнула ее Хуку.— Все, о чем мы говорили, остается в силе. Если решите согласиться, найдете меня в конторе или по этому адресу.

Она растворилась в толпе быстрее, чем Аксель успел отозваться. Он взял в руки визитку и прочел адрес. Все верно, здесь же в Старом Городе. Аксель сунул визитку в

нагрудный карман пиджака и задумался. Неужели Крысы всерьез намереваются перенести свою деятельность на Венеру и Марс? И это после того скандала, что завтра разразится на Земле? Он посмотрел на часы и поправил себя: сегодня. Совсем скоро в продажу поступят дневные газеты и Крысам станет не до интриг. Им придется всерьез задуматься над тем, как сохранить свои шкуры... шкурки! Аксель невольно усмехнулся. Каких только монстров не насылали на человечество фантасты прошлого, да и настоящего тоже! Кому могло прийти в голову, что реальную угрозу принесут небольшие крысоподобные зверьки, настолько жалкие в своей физической немощи, что даже не помышляют открыто противостоять людям. В кармане зазвонил коммуникатор. Аксель достал аппарат и активировал голосовую связь.

— Мистер Хук? — Аксель сразу узнал голос Стенсена, несмотря на то, что впервые разговаривал с ним по портативному коммуникатору. — Мы плохо расстались в прошлый раз. Как насчет того, чтобы еще раз встретиться и попытаться исправить неприятное впечатление?

— Сказать по правде, у меня и самого возникало схожее желание, — согласился Аксель.

— Прекрасно! — с воодушевлением отозвались на другом конце. — Что скажете, если через полчаса у меня в офисе?

— К сожалению, не получится. — Аксель постарался придать голосу максимум искренности. — Вот если бы через час в моем гостиничном номере? — осторожно предложил он.

Визит к Стенсену действительно оставил у него в душе неприятный осадок. В каждом взгляде сквозила неприкрытая неприязнь, что же касается Богомира, так тот и вовсе попытался убить его. Не то чтобы Соломон испугался Гризли, но сейчас не тот момент, чтобы бравировать глупой отвагой. К тому же он плохо знал здание, в котором размещался офис Стенсена. Неудачная рекогносцировка ведет к поражению.

— Прекрасно! — Стенсен старательно демонстрировал благодушие. — Значит, через час в гостинице! — И, не дожидаясь ответа, он дал отбой.

Хм. Что бы мог означать этот звонок? Однажды Стенсен уже пытался купить его, теперь Эмма заявила о своем желании «приобрести» Акселя, а сейчас, похоже, швед решил повторить попытку? Надо же, как бойко в последнее время идут Соломоны Хуки. Он скептически усмехнулся и, кинув на стойку кредитку, вышел из бара. Гиромобиль поджидал его на своем месте. Водитель сидел и читал дневную газету.

— Вы только почитайте, мистер Хук, что тут пишут! — не удержался он, когда Аксель плюхнулся на заднее сиденье.

— Уже! — лаконично откликнулся Хук.

— Нет, что делается, — проворчал водитель, вдавливая в пол педаль акселератора. — Если то, что пишут, правда... — Он покачал головой и умолк, сосредоточившись на дороге.

Все верно. Если то, что пишут в газетах, правда — то становится не по себе. В особенности, людям, привыкшим считать катастрофой несбывшийся прогноз погоды. Впрочем, Акселя мало волновало то, что пишут газеты. Он вновь принялся сопоставлять полученные сведения. Итак, пятьдесят лет назад люди узнали о существовании Яна. Сорок лет назад муниципалитет Космополиса принял решение сохранить в неприкосновенности исторический центр города, и в то же самое время образовалась фирма «Наш дом — Земля!», выкупившая под офис одно из зданий, единственным достоинством которого являлось отсутствие подвала, да, пожалуй, наличие толстых стен... Все верно. Аксель готов был побиться об заклад, что и в офисе фирмы установлена столь же экзотичная система кондиционирования, что и в клинике доктора Фуджи. Около десяти лет назад организовал доктор свою клинику, и Аксель голову дал бы на отсечение, что именно тогда в состоятельных семьях начали появляться выздоровевшие со странностями. Исцеленные, неожиданно ощутившие отсутствующую прежде тягу к финансовой и деловой активности. Надо бы проверить список акционеров фирмы «Наш дом — Земля!»... Едва возникла эта мысль, как Аксель понял, что все они — клиенты доктора Фуджи. Иначе просто быть не могло!

Итак, что у нас получается? Пятьдесят лет назад человечество открыло пару планет, еще не подозревая, что на одной из них обнаружатся неисчерпаемые запасы золота, платины, радия, иридия и так далее, причем не в рудных залежах, а в виде металлов лабораторной чистоты. То есть все то, за чем люди все глубже закапываются в землю, тратя на добычу невероятные усилия, в скором времени окажется возможным черпать с поверхности открытым способом. К чему это приведет в техническом плане? Аксель даже не брал в расчет экономические моменты, которые так или иначе можно обойти. Золото применяется в ювелирной промышленности, в электронике, в точном приборостроении, но в мизерных по сравнению даже с земными масштабами добычи количествах. Другое дело — гиперпривод. Здесь содержание драгметаллов исчисляется тоннами, если не десятками тонн на единицу продукции. А тут — дармовые миллионы тонн! Гиперпривод станет из сверхдорогого оборудования продуктом массового потребления, а результат один — экспансия человечества в Большой Космос! Маленькие странные планетки... Только это могло не понравиться Крысам!

Они оперативно разрабатывают план тайного противостояния. Отбросить людей назад в развитии: когда речь пойдет о том, как прокормиться, станет не до космических изысканий! На первый взгляд, план совершенно дикий в своей абсурдности, и, тем не менее, он едва не сработал. А если завтра они промахнутся, так и сработает!

* * *

Аксель взялся за ручку двери своего номера и на миг остановился. Все последние дни Мтомба не переставал настаивать, чтобы он переехал в гостевой номер Службы Безопасности Лиги, но он упорно отказывался. В какой-то мере он даже испытывал не слишком сильные угрызения совести по поводу того, что Мтомбе пришлось установить круглосуточное наблюдение за его номером. Так или иначе, но сейчас он порадовался возможности принять Стенсена «на своей территории», а не в гостевом блоке исполинского здания Лиги. Он отворил дверь и вновь ощутил на лице слабое дуновение. Вот черт! Пару дней назад он думал разобраться с непонятным явлением сразу вслед за окончанием Сессии, но только сейчас он решил, что медлил непозволительно долго. Он никак не мог отделаться от впечатления, что нечто эфемерное проскальзывает мимо него в помещение, в которое он намеревается войти. Почему он прежде не удосужился разобраться с назойливым «нечто»? Потому, что спецы Мтомбы и без того перегружены работой? Но что теперь делать с опекающим его «сквозняком»? Память услужливо подсказала, что впервые его «продуло» в клинике прежде доброго, а ныне покойного доктора.

Аксель прикрыл за собой дверь, не задерживаясь прошел к спальне, и вновь мимо его лица просквозило нечто неуловимое... Словно девичья ручка ласково коснулась щеки. Вот дерьмо! Сама собой возникшая ассоциация разозлила Соломона. Он резко закрыл дверь и провернул в замке ключ — вот там и сиди! С сознанием выполненного долга он плюхнулся в кресло и посмотрел на часы. Скоро должен пожаловать Стенсен и времени у него как раз, чтобы собраться с мыслями.

Что ему нужно? Ответ прост — ему нужна Анна. Только чем он может помочь? Анна — полноправный, совершеннолетний гражданин Лиги. К тому же важный свидетель и находится под неусыпным наблюдением Службы Безопасности. При чем здесь он?

— Сол! Выпусти меня!

В голоске прозвучали жалобные интонации, и на мгновение Акселем овладело злорадное удовлетворение, тут же уступившее место неподдельному удивлению. Анна? Откуда она здесь? Он пулей выскочил из кресла, ноги помимо воли пронесли его через холл и в следующий миг он отворил дверь спальни.

— Анна... — прошептали его губы. — Ты?... — Девушка стояла в дальнем углу спальни и смотрела на него странным взглядом. Именно странным, потому что в нем смешались и

настороженность, и обида, и недоумение, и насмешка, и еще что-то, чего он определить не сумел. Аксель почувствовал, что в который раз за этот день оказался не на высоте положения, и постарался взять себя в руки.— Откуда ты здесь? — задал он первый осмысленный вопрос.

— Откуда...— ворчливо повторила она.— Оттуда! — И кивком указала на входную дверь. Едва заметно Аксель усмехнулся. О Боже, какой я тупица! Мог бы и сам догадаться!

— Но как ты вошла? Номер ведь охраняется!

— Охраняется...— вновь повторила она его слова.— Плохо охраняется! Она капризно надула губки.— И вообще — долго ты меня собираешься здесь держать?!

— Да, конечно! — Он отступил в глубь холла и сделал приглашающий жест.— Я приготовлю чего-нибудь выпить, на улице такая жара...

Говоря, он попытался обнять проходившую мимо девушку, но она ловко увернулась и проскользнула едва ли не между его рук, словно в насмешку обдав его потоком прохладного воздуха. Аксель невольно насторожился, потому что подсознание, как всегда, значительно быстрее его самого разобралось в ситуации, хотя результаты выкладывать, по обыкновению, не торопилось. Девушка обогнула низкий столик и остановилась, теперь уже откровенно насмешливо глядя на Акселя.

— Ну, милый? Никак, признал? — нежный голосок окрасился неприкрытой иронией.

— Мэри-Эн?...— неуверенно произнес он.

— Мери-Ен! — язвительно передразнила девушка, и насмешка на ее лице сменилась маской гнева.— Вы поглядите, люди добрые! — неизвестно к кому апеллировала она.— Я его охраняю денно и ночью, а он меня — под замок. Надо понимать — это такая благодарность с твоей стороны,— пришла она к однозначному, хотя и малоприятному выводу.— Мужлан!

— Мэри-Эн...— не обращая внимания на ее эскападу, повторил Аксель. Он никак не мог прийти в себя от изумления. Да, конечно, он попросил Мтомбу оснастить Сукомп гравитатором. Попросил и забыл...

— Она самая! — Она яростно тряхнула золотыми кудрями.— Выпивку мне предложь!

Прекрасное лицо ее пылало гневом, обыкновенно сияющие глаза, казалось, искрились от избытка эмоций.

— Так это ты ударила одного из медбратьев в солнечное сплетение?

— Кто ж, кроме меня? Ведь просила дать мне пушку! — Она с вызовом посмотрела на Акселя.— Нет, говорят, Сукомпу не положено! Слово-то какое измыслили — Су-компффф! — с отвращением выговорила она.— Нет, ты скажи! — Она вновь обратилась к Акселю.— Я что, похожа на мыслящую тачку?! Защищай, говорят, Соломона Хука! Да я всю жизнь только тем и занимаюсь! А чем защищать-то? — Она просверлила Соломона гневным взглядом, словно подозревала, что запрет исходит непосредственно от него. М-да, тогда она, пожалуй, сделала единственное, что смогла, но сейчас Аксель невольно порадовался, что взбалмошной Мэри-Эн не дали пистолета...

— Ты извини, замотался,— честно признался он, опускаясь в только что покинутое кресло.— И спасибо за все.

— Я думала, и не догадаешься,— проворчала Сукомп и, к немалому удивлению Акселя, уселась в кресло напротив.— Мог бы сделать это и раньше.

— Да я ведь не знал, что ты рядом. Мтомба сказал, что подгонка гравитатора займет несколько дней...— Он посмотрел на собеседницу, но та хранила молчание. Лицо ее приняло умиротворенное выражение, и Аксель решил, что она по крайней мере больше не сердится на него.

— Они подобрали модель с гравитационным эмиттером, позволяющим мне становиться невидимой. Конечно, это не тело, но все-таки.— Она придирчиво осмотрела себя — словно прихорашивающаяся перед первым своим балом девочка-подросток.

— Ты прекрасно выглядишь! — решил «прогнуться» Хук.— Без твоей подсказки я бы не отличил тебя от Анны.

— Спасибо, милый! — мгновенно просияла она, но тут же вновь посерьезнела.— К сожалению, это,— она окинула взглядом свое тело,— всего лишь картинка, хоть и искусно выполненная. Первое же прикосновение разрушит иллюзию,— с грустью пояснила она.

Именно в этот момент в дверь постучали. Аксель хотел попросить Мэри-Эн укрыться в спальне, но, обернувшись, обнаружил, что девушки в кресле нет.

— Войдите! — крикнул Соломон и поднялся, чтобы встретить в дверях гостя, к которому испытывал довольно необычное сочетание чувств. Сквозь закрывающийся дверной проем он увидел занявшего свое место у двери Гризли. Похоже, памятуя об их предыдущей встрече, Стенсен все необходимые инструкции дал телохранителю заранее. Вот и славно. Бо не тот человек, с которым приятно общаться.

— Желаете выпить? Сигару? — Аксель жестом предложил гостю садиться.— К сожалению, не могу предложить вам настоящую «Гавану», но мои также неплохи.

— Нет, благодарю,— опускаясь в кресло, сказал Стенсен.— Собственно, я мог бы переговорить с вами и по телефону, но тема...— Он явно испытывал проблемы с формулировками.— Так или иначе, но я предпочел переговорить лично.

— И о чем же пойдет речь? — Фраза прозвучала не вопросительно, а, скорее, учтиво.

— Я думаю, вы понимаете...— Похоже, сегодня привычным однозначным формулировкам Стенсен предпочитал намеки, что выглядело несколько странно.

— Об Анне,— уточнил Аксель, и гость подтвердил «попадание» кивком.

— Вы знаете, в тот день, когда мы с вами беседовали...— Он избрал именно такую формулировку и вопросительно посмотрел на Хука. Тот, в свою очередь, кивнул.— Так вот, в тот же день Анна сбежала. Мне сообщили, что ее похитили и держат взаперти. Я попытался освободить ее, используя свои...— он вновь запнулся, формулируя окончание фразы,— связи, но очень скоро узнал, что в клинике произошли странные события, свидетелем которых неожиданно стали и вы. Я вас очень прошу...

Соломон видел, с каким трудом этому сильному человеку даются его слова. Что ни говори, а нелегко просить, когда привык брать, причем брать, не спрашивая. Брать по праву сильного.

— Анна жива и здорова. Вам не о чем беспокоиться,— произнес Аксель.— Что же касается остального, то увольте. Она давно не ребенок, и ей решать, видаться с вами или нет.

Каких бы взглядов ни придерживался Стенсен, но он оставался отцом, а для отца самое дорогое — его дитя. Соломон понимал, что вряд ли его слова прозвучали утешительно, но не знал, что добавить к сказанному, ведь, кроме родственных уз, этих двух человек связывали и иные, не слишком понятные ему отношения любви-противостояния.

— Я бы хотел, чтобы дочь вернулась домой,— тихо произнес швед, и Аксель мгновенно понял, что так или иначе тот намерен добиваться своего. Даже силой, если того потребуют обстоятельства.

— Я понимаю, что не мне давать вам советы, мистер Стенсен, и все-таки...

— Прежде чем обмениваться поверхностными мыслями, быть может, стоит прислушаться и к моему мнению? — Неожиданно для обоих мужчин Мэри-Эн появилась в двери спальни и смерила их насмешливо-возмущенным взглядом.

— Анна? — Стенсен вскочил с кресла и изумленно уставился на неожиданно вступившую в разговор дочь.

— Сядь, папа, и не волнуйся — со мной все в порядке. Я вижу, ты удивлен моим появлением? — спросила она.— Напрасно. Мистер Хук сообщил мне о предстоящем разговоре, и я поспешила сюда.

— Как... как ты себя чувствуешь? — опускаясь в кресло, спросил Стенсен.

— Вполне прилично, если ты имеешь в виду мое ранение,— ровным, без оттенка эмоций, голосом сообщила она.— Так вот, я поспешила сюда, потому что хотела лично избавить тебя от иллюзий.

— Что ты имеешь в виду, дочка?

— Сейчас объясню.— Мэри-Эн скрестила на груди руки и в упор посмотрела на

«отца». — Так вот, слишком часто за последнее время мне на пути попадались мужчины, пытавшиеся посадить меня под замок. — Она подарила каждому по возмущенному взгляду, показав тем самым, что недовольна обоими, хотя полностью ее понял только один из двоих. — Я поразмыслила над этим и пришла к выводу, что ситуация меня не устраивает. Мне не нравится, когда мой собственный отец, не спросив моего согласия, пытается выдать меня замуж. Мне не нравится, когда меня против воли помещают в охраняемую клинику. Мне не нравится, когда врачи насильно принайтавливают меня к больничной койке... — Ее взгляд потемнел от сдерживаемой пока ярости. — Надеюсь, перечисленного достаточно?

— Анна... — Стенсен явно испытывал чувство вины. Как бы там ни было, но его люди — или его сообщники — ранили его собственную дочь, и осознание этого факта связывало его по рукам и ногам. — Раньше ты вела себя сдержанней, и что это за матросский жаргон? Принайтавливают... Не нравится мне все это.

— Не нравится? — С тихой яростью переспросила она. — Мне тоже, но если ты хочешь, чтобы все стало по-прежнему, вспомни, что я не только твоя дочь, но и живой человек, со своим мировоззрением, со своими желаниями, наконец! Я — личность, — неожиданно весомо произнесла она, и Аксель нутром почувствовал, что последняя констатация предназначена им обоим, — а не инструмент твоих финансовых операций. Когда-нибудь я соберусь и замуж, но сама выберу себе спутника жизни. — Она сделала непродолжительную паузу. — Тебе придется смириться либо с этим, либо с моим уходом из твоей жизни!

Здорово она уладила семейные проблемы своего прототипа. Аксель с трудом удержал на лице выражение отрешенной сосредоточенности. Во многом она, конечно, права. Пожалуй, даже во всем. Что ни говори, а ее машинная логика безупречна! Аксель и сам мог бы повторить все, ею сказанное, но вправе ли она брать на себя подобную ответственность? Человек — не машина! А Мэри-Эн — не Анна.

Стенсен побагровел от гнева. Похоже, никогда прежде ему не приходилось выслушивать от дочери ничего подобного. В первый миг это показалось Акселю странным. Анна вовсе не выглядела забитой, скованной условностями девушкой, но через секунду он понял, что так и должно быть. Стенсен не тот человек, который готов стерпеть сопротивление. Пусть даже оно исходит от его любимой дочери. Он станет ломать сопротивление и скорее предпочтет сломать личность, нежели видеть ее независимой. Анна наверняка понимала это и со свойственной ее натуре умной тактичностью предпочитала сглаживать углы и избегать открытого противостояния отцу. По крайней мере, до поры до времени.

— Мистер Стенсен, — видя, что пауза затянулась, заговорил Аксель, — не подумайте, что я вмешиваюсь не в свое дело, но мне кажется, Анна высказалась вполне определенно. Я знаю, какого труда ей стоили ее слова, и не сомневаюсь, что не меньших усилий вам стоило выслушать их. Мне кажется, что вам обоим следует на этом остановиться и сделать паузу, пока вы не наговорили друг другу лишнего. Пока все поправимо. К тому же, я — невольный свидетель...

— Вы правы, мистер Хук. — Стенсен шумно выдохнул и посмотрел на Акселя тяжелым взглядом. Он по-прежнему говорил медленно, с трудом держа себя в руках, избегая встречаться с «дочерью» взглядом, но все-таки держался. — Я думаю, сейчас мне следует вас покинуть, иначе я действительно сорвусь. — Он поднялся со своего места и вдруг, заколебавшись, остановился. — Ты действительно намерена выступить на завтрашней Сессии Лиги? — Он в упор посмотрел на строптивую «дочь».

— Эти люди четырежды пытались убить меня, — негромко, но веско произнесла Мэри-Эн, — не говоря уж о тех, кого им убить удалось. Неужели ты думаешь, что я стану молчать? — Аксель недовольно поморщился. Она говорила излишне резко, и он опасался, что Стенсен не сдержится. По сути, это ничем не грозило, кроме разоблачения ее псевдочеловеческой сущности, но именно этого Соломону хотелось избежать.

— Мистер Хук, — Стенсен не ответил «дочери». Он обернулся к Акселю и теперь

говорил с ним.— Постарайтесь, чтобы пятая попытка также не удалась... если она случится.— Вслед за этим он развернулся и стремительно вышел.

Вот так, так... Аксель озадаченно поскреб в затылке. Что это? Предупреждение? Или в такой странной форме проявляется любовь этого человека? Уж больно к месту его предостережение. А главное, как хорошо оно укладывается в канву происходящего! В любом случае, игнорировать сказанное он не имеет права.

— Мэри-Эн, за что ты накинулась на Стенсена? — мирно поинтересовался он.

— За то, что он — Стенсен.— Славно сказано, а главное — свежо. За пять минут до этого она нападала на него самого. Видимо, за то, что он — Соломон Хук.

— Тебе не кажется, что это слишком? — не удержался он от замечания.— В любом из нас можно найти что-то неприятное... Кстати, твоя агрессивность произвела на мистера Стенсена именно неприятное впечатление. Знай он, что ты — не его дочь, и тебе пришлось бы несладко. Подумай об этом, а сейчас — идем.

— С тобой — куда угодно, милый,— проворковала Мэри-Эн.

Акселя так и подмывало расхохотаться, но он лишь сдержанно улыбнулся. Если спецам Лиги и не удалось воссоздать полноценное человеческое существо — возможно, они и не пытались этого сделать,— то создать личность им удалось вполне. Как там сказала Мэри-Эн? Я — личность! Похоже, так оно и есть на самом деле.

* * *

— Я рад, мистер Хук, что вы решили переночевать в конторе,— заметил водитель, когда Аксель устроился на заднем сиденье роскошного лимузина.— Если то, что пишут газеты, — правда, ночью может случиться все, что угодно.

— Газеты пишут правду,— откликнулся Аксель.— Сомневаешься, заверни к мэрии. Бьюсь об заклад, толпа уже рассосалась. Остались лишь зеваки да журналисты.

— Идет! — кивнул водитель.— Оттуда и до конторы добираться удобнее.

Громоздкая машина начала петлять по улицам Старого Города, медленно подбираясь к его границам. К счастью, подавляющее большинство контор и офисов уже закончило работу и люди разъехались, так что машин им встречалось не так уж много. Наконец, не столь долгий, сколь извилистый путь остался позади, и машина остановилась на боковой улочке, как раз напротив ратуши.

Аксель открыл дверь и выбрался наружу. Вокруг раскинулось обширное пустое пространство. Здание ратуши выглядело вымершим. Стены его покрывали уродливые надписи. Требуем информации... Требуем свободы... Требуем гарантий... Требуем, требуем, требуем... Соломон усмехнулся. Что у никчемных индивидуумов неизменно хорошо получалось, так это требовать. Легкий ветерок носил по асфальту обрывки газет, разноцветные бумажные ленты, пластиковые стаканы из-под прохладительных напитков. Пустые бутылки из-под напитков горячительных также валялись здесь и там.

— Похоже, совсем недавно здесь погуляли на славу,— заметил остановившийся рядом с Акселем водитель.

Соломон кивнул, взглядом выражая согласие и одновременно ища консультанта, могущего просветить их относительно происходящего. Такой вскоре отыскался в виде бесцельно пинавшего ногами мусор юноши с остекленевшими глазами.

— Эй! Парень! — крикнул Соломон.— Что тут произошло?

— Сам не пойму,— неожиданно ответил тот.— Было так весело,— с обидой произнес он.— Играла музыка. Люди смеялись. Я познакомился с девчонкой, а потом вдруг все кончилось... — Он начал растерянно оглядываться, словно всерьез надеялся, что чудовищная несправедливость ему лишь пригрезилась, и стоит лишь повнимательней присмотреться, как все вернется обратно.— А ведь было так весело,— повторил он и вдруг требовательно уставился на Акселя.— Куда все подевалось? Куда ушла моя девушка?!

Аксель подумал, что сейчас с мальчишкой случится истерика, и ему совсем не улыбается утирать перебравшему спиртного сосунку сопли. Он развернулся и пошел к машине. Мальчишка попытался переадресовать вопрос водителю, но тот последовал примеру Сола и через секунду поравнялся с ним, поминутно оглядываясь и не без интереса наблюдая за тем, как парень висит на плече такого же, как он, бедолаги, и оба поливают друг друга слезами по поводу несправедливости жестокого мира.

— Как тебе картинка? — не останавливаясь, поинтересовался Хук.

— Я думаю, следует ужесточить возрастные ограничения на продажу спиртного, — откликнулся водитель.

— Не поможет, — отозвался Аксель, вглядываясь в безоблачное небо. — Этот и через десять лет не поумнеет.

— Так что же делать?

— М-да. Извечный вопрос, в поисках ответа на который безуспешно ломало головы не одно поколение философов. Рецептов они измыслили множество, но ничего действительно достойного породить так и не сумели.

— Один мой знакомый сказал, что человечество давно пора ухватить за шиворот и хорошенько встряхнуть, — откликнулся Аксель, — и я сейчас подумал, что он не так уж и не прав...

— Может быть, может быть... — задумчиво согласился водитель. — Что вы там высматриваете?

— Вертолет, — не отрывая взгляда от медленно барражирующей пространство над площадью винтокрылой машины, откликнулся Соломон. — Что он делает над Старым Городом?

— Быть может, наблюдает за демонстрантами? — высказал предположение водитель.

— Так они давно разошлись, — не согласился Хук. — Сразу поняли, что сами стали объектом внимания, и предпочли не искушать судьбу.

Напарник Сола недоуменно пожал плечами. Ну, летает, и пусть себе летает. В молчании они вернулись к машине и так же молча забрались внутрь. Лимузин плавно тронулся с места, аккуратно пересек опустевшую площадь и, набирая скорость, понесся по автостраде.

Как всегда, когда судьба готовила ему неприятный сюрприз, Аксель ощущал некое предчувствие. Он посмотрел на водителя — его явно не мучили никакие тревоги. Тогда он обернулся и посмотрел в заднее окно, кажется, специально для того, чтобы убедиться в реальности собственных предчувствий. С неба стремительно пикировала винтокрылая машина...

Определить конечную ее цель, казалось, невозможным, но Аксель не сомневался, что это — их лимузин.

— Эй, Майкл! — крикнул он водителю, жалея, что не сам сидит за рулем. — За нами погоня!

— Не вижу! — откликнулся тот, бросив быстрый взгляд на экран прибора внешнего обзора.

— Сверху! — подсказал Сол. — Вертолет над площадью помнишь?!

— Вот черт! — выругался тот, быстро подкрутив ручку настройки видеоискателя. — Вы совершенно правы.

— Прав, прав! — раздраженно согласился Аксель. — Ты можешь ехать быстрее?

— Не беспокойтесь, мистер Хук! Наша машина не слишком быстра, зато броня на ней — отличная!

— У меня нет ни малейшего...

Договорить Аксель не успел. Град пуль, выпущенных мощным шестиствольным пулеметом, ударил по броне крыши, прогрохотал по ней свинцовым дождем и обрушился на заднее бронированное стекло, перемолов его в мелкую крошку. Аксель повалился на пол — благо, места для человека его габаритов в огромной машине оказалось достаточно — как раз

в тот момент, когда вертолет рванул вверх, заложив крутой вираж перед следующим заходом.

— Гони, тысяча чертей! — гаркнул Соломон, инстинктивно посмотрев на потолок салона. Две широкие вмятины пересекли верхнюю броню от лобового стекла до заднего. Аксель не знал, выдержит ли материал кузова следующую атаку, но сильно сомневался, что ему выдастся возможность узнать ответ на этот вопрос. На месте пилота он повторил бы атаку иначе и, выйдя лоб в лоб и, аккуратно расстреляв водителя, спокойно разобрался бы с пассажиром. Если пилот — профессионал...

Похоже, никто из окружающих даже не заметил обстрела. Громоздкий лимузин задержался, безуспешно пытаясь проложить себе путь среди не слишком интенсивного в это время потока менее массивных, зато более стремительных гиомобилей. Аксель понял, что Майкл не относится к людям, способным прокладывать себе путь в толпе. Шум снаружи стремительно нарастал. Аксель понял, что вариантов выжить у них практически нет. Остановиться — значит, превратить себя в неподвижную мишень. Единственное, что может их сейчас спасти, — это скоростной маневр, то есть как раз то, на что его водитель не способен. Проклятье! Аксель выдрал из кобуры бластер, на миг даже вспыхнув добрыми чувствами к поделившемуся с ним запрещенным оружием Гризли.

Как всегда перед дракой, ярость поднялась в нем всепоглощающей волной. Он не знал, откуда бралась эта ярость, но когда кто-то угрожал ему или близкому ему человеку, в душе Акселя поднималась неистовая волна гнева, словно древние боги войны переселялись на время битвы в его душу. Прижавшись к правому борту кузова, он направил ствол в разбитое заднее окно и осмотрелся. Вертолет как раз заходил для новой атаки. Еще секунда, две — и новый шквал свинца обрушится на беглецов. Аксель нажал на спуск как раз в тот момент, когда свинцовый шквал начал коверкать крышку багажника. Синеватое в ярком солнечном свете пламя с глухим уханьем вырвалось из укороченного ствола бластера.

— А-а-а! — страшным голосом закричал водитель. Машина вильнула, но почти сразу выровнялась. Аксель понял, что попал, лишь когда шквал огня захлебнулся, а винтокрылая машина резко ушла в сторону.

— Что с тобой?! — мгновенно обернувшись, Аксель понял, что, к сожалению, попал не только он.

— Плечо! — крикнул Майкл. — Если можешь, перебирайся на мое место! Меня надолго не хватит!

Аксель бросил быстрый взгляд назад и вверх. Вертолет набрал высоту и начал очередной боевой разворот. Черт! Как все не вовремя! Сол быстро перекинул свое тренированное тело на водительское сиденье — Майкл уже сидел рядом, придерживая руль левой рукой. Черт! Как все неудачно складывается! Сол мельком взглянул на водителя. Тот откинулся на спинку сиденья, зажимая левой рукой правое плечо, и кровь продолжала сочиться между пальцев. Похоже, стрелка из него не получится.

— Ты как? — все-таки спросил он, хотя вопрос и казался излишним. Как может чувствовать себя истекающий кровью человек с раздробленным плечевым суставом?

— Обо мне не заботься, — ответил Майкл и, устало прикрыв глаза веками, пробормотал: — Кто бы мог подумать...

Да, кто бы мог... Парень абсолютно прав. Аксель стиснул зубы и вдавил до отказа в пол педаль акселератора, и машина рванулась вперед как раз в тот момент, когда свинцовый дождь вновь забарабанил по корпусу. Уходя из-под обстрела, он резко вывернул руль, протиснулся между двумя юркими экипажами и понесся дальше. На их счастье, и пилот вертолета оказался не слишком хорош, а может быть, единственный выстрел Соломона достиг цели и повредил одну из систем. Хук посмотрел в зеркало панорамного обзора — так и есть. Из правого борта машины тянулся рассеянный шлейф сизого дыма. Немного странно, если учесть, что карбюраторные двигатели давно вышли из употребления, но от этого не менее приятно. Правда, на пожар не похоже, скорее, повреждена одна из гидравлических магистралей, но в их положении и это можно считать удачей.

Сейчас Аксель не мог стрелять, зато мог управлять машиной, и неповоротливый лимузин с вовсе не свойственной ему виртуозностью стал обгонять, казалось бы, более шустрые легковушки. Бледный от потери крови, Майкл обескураженно смотрел то на дорогу, то на своего пассажира, волею судеб превратившегося в водителя, то на машины за окном, которые по сравнению с ними, казалось, едва передвигались.

Пули вновь осыпали сталепластовый корпус лимузина. Сейчас они свистели совсем рядом, по временам врываясь в проем разбитого окна, и тогда лишь спинки передних сидений защищали продолжавших бороться за жизнь людей от неминуемой смерти. Вырвавшись на относительно свободный участок магистрали, Аксель выхватил из кобуры бластер и, мгновенно развернувшись, выстрелил, прекрасно сознавая, чем в тесном салоне грозит ему промах из этого оружия. С привычным уже уханьем заряд унесся в открытое окно, но прошел мимо цели. Вертолет вильнул, едва не столкнувшись с идущей слева машиной, водитель которой также шарахнулся в сторону, очумело глядя на втиснувшуюся между легковушек винтокрылую машину.

Аксель машинально поднял воротник своего упасоволового костюма, хотя и сознавал условность его защиты. Если пуля попадет в шею, ему конец. В этом случае он не отделается сломанными ребрами, ему просто раздробит позвоночник... Майкл взглянул на экран прибора внешнего обзора и, словно впервые, осознал весь ужас происходящего. Вертолет стремительно падал, казалось, прямо на них. Словно в дурном сне, он наблюдал, как разворачиваются закрепленные по бортам машины мощные шестиствольные пулеметы, отыскивая в толчее машин ту единственную, которой и предстоит стать целью. ОТЫСКИВАЕТ ИХ. И что-то внутри Майкла подсказало ему, что этой атаке Предстоит стать последней. Он беспомощно посмотрел на Хука, словно тот мог хоть что-то изменить.

Поймав на себе взгляд раненого, Аксель оглянулся на него, почти сразу перевел взгляд на экран и понял все. Опытным глазом он определил, что пулеметы нацелены, осталось лишь занять оптимальную позицию и слегка подкорректировать прицел.

— Держись!

Он всем весом навалился на педаль тормоза. Пронзительно взвизгнули тормоза, и стремительно настигавшая их боевая машина начала приближаться еще быстрее. Майкла бросило на лобовое стекло, он сдавленно чертыхнулся и зашипел от боли, но сейчас это не имело значения. Прозрачный колпак фюзеляжа вертолета разлетелся на тысячу осколков. Хвост винтокрылой машины задрался, подобно хвосту изготовившегося к удару скорпиона. Словно в последнем предсмертном порыве, лопасти разбитой машины ударили по кабине непокорной жертвы, но броня выдержала и этот отчаянный удар.

Аксель понял, что должно произойти в следующий момент, и вдавил в пол педаль акселератора. Машину занесло и развернуло, но огненной каши они сумели избежать. Вертолет рухнул на тут же опустевшую мостовую, перевернулся несколько раз, завалился на бок, окончательно превращаясь в грудку искореженного металла, и взорвался.

Аксель тщетно пытался удержать на трассе лимузин, который от мощного удара сильно занесло и развернуло. Нажав на тормоз, он до отказа вывернул руль, но избежать столкновения не сумел. В следующий миг они влетели в разделительное ограждение путепровода. Словно ножом по стеклу, сверхпрочный сталепласт капота отвратительно проскрежетал по бетону ограждения, и тяжелый лимузин, словно мячик, отбросило назад. «Только бы гироскоп не сорвало с опоры», — молил Аксель. Если такое произойдет, они оба превратятся в кроваво-стальную кашу. Но гироскоп не сорвало. Все-таки броневик... Ход машины понемногу выравнивался. Пространство вокруг них опустело — невольные попутчики вовсе не страдали склонностью к суициду. Аксель понял, что теперь все зависит только от него, а это значит, что он выкрутился и на сей раз. Машина вильнула раз, другой и выровнялась. Что ни говори, но у гиромобиля есть одно очень важное качество — он не может перевернуться. По крайней мере до тех пор, пока маховик под днищем остается на своем месте...

В последний раз вильнув, они покатали по шоссе, как вполне пристойные граждане.

Если бы не разбитое заднее стекло, исполосованный пулеметными очередями корпус, да носивший следы мощного удара капот, они ничем не отличались бы от остальных участников дорожного движения. Тут Аксель вспомнил о Майкле и покосился на раненого водителя. Тот глухо постанывал, держать за раненое плечо и с лицом серым, словно кусок застиранного полотна.

— Майкл! — тихо позвал Соломон.

Тот медленно повернулся на звук голоса, но Аксель так и не смог ответить на вопрос, соображает ли он, кто обратился к нему, а главное — зачем. Это ничего. Они оба живы. Остальное — образуется. Он посмотрел на экран перископа. Они стремительно удалялись от пылающей посреди шоссе груды металлолома, когда-то называвшейся вертолетом. Он видел, как дымящиеся останки боевой машины аккуратно объезжают спешащие к месту отдыха люди. Все они притормаживали, разглядывая непривычную картину.

Откуда взялся этот вертолет с бензиновым двигателем, какие давно уже не применяются? Где раскопали такую древность, другой разговор. Гораздо интереснее тот факт, что машина выглядела вполне современно. Говоря проще, этот способный гореть и взрываться реликт замаскировали под вертолет Воздушного Патруля... Но машины Патруля не оснащаются навесным оружием... «А чего ты ожидал?» -спросил он сам себя и усмехнулся еще мрачнее, чем в начале рассуждений. Похоже, сбылось предсказание Стенсена. Крысы решили, не тратя времени понапрасну, одним ударом избавиться и от Анны, и от него самого... Что ж, им это почти удалось.

* * *

— Итак, — Токадо поднялся с председательского кресла, — мы выслушали представителей всех сторон, заявленных для выступления в летней Сессии Совета Директоров сторон.

Он обвел надменным взглядом собравшихся в зале журналистов, и поднявшийся было в зале говор утих. Впрочем, причиной тому был не суровый взгляд председательствовавшего на нынешней Сессии директора МЕБЛИПа, а неподдельный интерес аудитории.

— Директора соответствующих комитетов пришли к положительному решению всех вопросов, за исключением двух, не входивших в единоначальную компетенцию ни одного из директоратов, а, следовательно, требовавших коллегиального решения: по предложению мистера Стенсена о денационализации принадлежащего Лиге сектора промышленности и претензии генерального менеджера фирмы «Наш дом — Земля!» Эшли Форда к налоговой инспекции. По первому из вопросов мнение совета разделилось пополам, причем в немалой степени в связи с неясными предостережениями Директора Службы Безопасности Лиги, — недовольно сообщил он. — Директорат надеется, что при открытом обсуждении вопроса мистер Мтомба дополнит свои туманные предостережения соответствующими фактами. Суть второго вопроса, как мы поняли, относится к области права и, как и первый, требует дополнительных разъяснений со стороны именно Директора Службы Безопасности. Мистер Мтомба, — он обернулся к занимавшему кресло в конце правого края протянувшегося вдоль авансцены стола Директору Службы Безопасности, — насколько я понял, именно вы владеете информацией по обоим вопросам. Прошу.

Токадо грузно опустился в председательское кресло и хмурым взглядом обвел относительно небольшой, но уютный конференц-зал директората. Его раздражало обилие журналистов именно на этой сессии — сессии, от которой так много зависит, которая призвана поставить точку в их долгой и кропотливой работе по окончательной нейтрализации неожиданно проснувшегося от долгой спячки и становящегося все более опасным конкурента — Лиги. Обычно на заседаниях присутствовал лишь минимум представителей печати, по большей части прикармливаемых, а потому освещавших происходящее в нужном свете. Японец с трудом удержался от мрачной усмешки. В перерыве

он просмотрел аккредитационные документы каждого и с сожалением обнаружил, что придаться не к чему — на каждой официальной бумаге стоит виза пресс-службы Лиги и допуск Службы Безопасности. Похоже, после серии поражений Мтомба впервые взял маленький реванш. Что ж, такое должно было рано или поздно произойти. Плохо, что момент оказался, словно специально выбран, самый неудачный. Теперь, на виду у десятков телекамер, перед сотней объективов фотокорреспондентов, перед наострившей уши армией пишущей братии, придется тщательно подбирать, кропотливо обдумывать все ответы, проговаривать в уме каждую фразу, взвешивать каждое слово.

— Господа! — Высокий и сухопарый африканец с густым барашком коротко стриженных седых волос поднялся со своего кресла и обратился не к членам совета, а именно к находившимся в зале журналистам, чем вызвал дополнительное раздражение Токадо, наконец-то понявшего, кому нынешняя Сессия обязана небывалым вниманием прессы.— С вашего позволения я начну с ответа на второй вопрос. Требование различных общественных групп, в частности, так называемых Фаталистов, разобраться в сложившейся в деловом секторе сложной, не побоюсь этого слова, предкраховой ситуации не могло остаться без внимания. В течение нескольких предшествовавших заседанию суток экономическому отделу Службы Безопасности пришлось работать круглосуточно, зато нам удалось собрать заслуживающую внимания информацию, на основании которой инициирован целый ряд расследований, послуживших причиной жалобы со стороны мистера Форда. Я хочу попросить начальника экономического отдела Службы Безопасности мистера Блэкфилда кратко рассказать о результатах проведенного расследования.

— Что еще за экономический отдел, мистер Мтомба?! — неожиданно резко запротестовал Токадо, мгновенно забыв о собственном намерении тщательно продумывать все, что собирается произносить вслух.— И кто такой этот Блэкфилд? Я его не знаю!

— Мне непонятно ваше недоумение, мистер Токадо,— сдержано произнес африканец.— Думаю, для вас не явится откровением тот факт, что Служба Безопасности Лиги давно уже не занимается отлавливанием карточных шулеров, перебравших спиртного дебоширов и прочих нарушителей спокойствия граждан,— под сдержанный смешок зала пояснил он.— К счастью, Всемирное Полицейское Управление успешно справляется с охраной общественного порядка, но к величайшему моему сожалению, вынужден проинформировать собравшихся, что отныне Служба Безопасности вынуждена заниматься проблемами глобальной угрозы человечеству.— В зале поднялся ропот.— При чем угрозы реальной! — повысив голос, добавил он.— Мы имеем дело со впервые возникшей угрозой извне! — Ропот перешел во встревоженный гул.— Прошу терпения, господа! Обещаю: вы все узнаете! Мистер Блэкфилд! Прошу вас!

Перед тем как сесть, Мтомбе удалось бросить мимолетный взгляд на Токадо. Японец выглядел мрачно. От самодовольной ухмылки, с которой он пожимал утром руку Мтомбе, не осталось и следа, да и немудрено. Всего лишь два часа назад он не сомневался, что полностью владеет ситуацией, а теперь оказалось, что он жестоко ошибался. Возможно, догадайся он, чем дело обернется после перерыва, и попытайся перенести обсуждение на другой день, все обошлось бы, но сработал план Акселя. В перерыве африканец удачно сыграл не слишком хорошо разбирающегося в своем деле человека, чем вызвал снисходительную усмешку Токадо и его соратников по Ассоциации, неодобрительные взгляды их противников и возможность открыто огласить полученную в ходе расследования информацию. Тем временем Блэкфилд пересек зал, поднялся на сцену и занял свое место за кафедрой.

— Прошу внимания, господа! — заговорил докладчик.— Я постараюсь изложить суть дела максимально кратко.— Он сделал паузу, выжидая, пока не утихнет шум в зале.— Итак, корень возникшей проблемы заключается в банкротстве ряда только что скупленных неизвестными лицами предприятий. К настоящему времени уже полтора миллиарда служащих получили от новых работодателей уведомления о скором — в течение двух-трех месяцев — увольнении, и этот процесс продолжается. Люди возмущены и требуют

объяснений. В этой ситуации Служба Безопасности, как ей и полагается, предположила самое худшее — экономическую диверсию со стороны группы неизвестных нам лиц, направленную не на отдельные фирмы, а на человечество в целом! — Последние слова Алекс почти прокричал, так как по мере того, как он произносил их, сдержанный поначалу шумок превратился в бурю неконтролируемых эмоций. Что и говорить, не каждый день узнаешь о том, что тебя пытаются уничтожить. Причем не просто тебя одного, а все человечество.— Мы начали расследование,— переждав взрыв возмущения, продолжил Алекс,— и вычленили довольно значительную группу лиц, занимавшихся перекупкой и последующим банкротством фирм.— Согласитесь, что бизнес, приносящий резко отрицательную прибыль,— заметил он не без ехидства,— довольно-таки странный бизнес. По крайней мере, в нашем, человеческом понимании. Естественно, мы не могли не заинтересоваться личностями этих людей, происхождением их капиталов и выяснили, что все они без исключения в недалеком прошлом — рантье, жившие безбедно, но отнюдь не богато. Причем, все без исключения отказались объяснить происхождение неожиданно обнаружившегося в их распоряжении огромного капитала. В результате у нас не оставалось иного выхода, кроме как передать дело в налоговую полицию. Теперь в течение ближайших суток все они обязаны документально прояснить свое финансовое положение.

— Имена! Назовите имена!

— Я прошу прощения,— сконфузился Блэкфилд,— но в настоящее время имена фигурантов — тайна следствия. Если окажется, что капиталы, хотя бы части из них, нажиты преступным путем, мы огласим имена подследственных.

— Корреспондент «Дейли Экспресс»! — выкрикнул со своего места молодой человек в клетчатом пиджаке.— Вы назвали этих людей фигурантами, или статистами. Сознательно ли вы применили именно такую формулировку? Это первый вопрос, и второй: означает ли ваша формулировка то, что за странным бизнесом не оглашаемой вами пока группы лиц стоит некто, до настоящего времени неизвестный даже вам?

Зал мгновенно притих. Все поняли, что прозвучавший вопрос — ни больше ни меньше как домашняя заготовка, но это лишь добавило ему значимости. До перерыва вяло протекавшая Сессия не привлекала внимания журналистов. Многие задавались вопросом, зачем их вообще сюда пригласили? Часть даже собиралась свернуть аппаратуру и убраться восвояси, но что-то их останавливало. Дернись кто первым к выходу, и зал опустел бы в считанные минуты, но каждый из недовольных опасался остаться в проигрыше, если выяснится, что после их ухода произошло расплывчато обещанное «нечто», и окажется, что они по собственной глупости предоставили конкурентам возможность монополизировать новость. И вот, наконец, густо запахло сенсацией...

— Именно так! — подтвердил Блэкфилд.— Ведь, кроме гражданского, налогового и уголовного права, существует и такая вещь, как здравый смысл. И здравый смысл подсказывает, что если человек всю жизнь существовал на семипроцентную ренту от заработанного предками капитала, то ему просто неоткуда взять мало-мальски значительной суммы. В нашем же случае размеры даже средних по значимости сделок исчислялись десятками миллиардов кредитов.— В зале вновь зашумели, и Алекс замолчал, выжидая, пока эмоции поуменьшатся.— К сожалению, это все, что я могу сказать. Разве что обратить ваше внимание на следующее обстоятельство — как вы, наверное, уже догадались, все фигуранты являются акционерами компании «Наш дом — Земля!». Тот факт, что сверхбогатые совладельцы компании отказываются прояснить происхождение своих капиталов, настраивает мысли на вполне определенный лад. Впрочем, вполне может статься, что я ошибаюсь, и завтра исчерпывающая документация будет передана в руки инспекторов, или еще сегодня мистер Форд, столь недовольный действиями налоговой полиции, разъяснит ситуацию. Благодарю за внимание,— закончил он, поклонился и, не дожидаясь новых вопросов, вышел из зала.

Мтомба поднялся со своего места и окинул бурлящий от возбуждения зал оценивающим взглядом. Реакция журналистов оказалась как раз такой, на которую они

накануне и рассчитывали. Если даже каким-то волшебным образом Токадо и его друзьям удастся выйти сухими из воды и стянуть ему руки удавкой служебных инструкций, то от своры изголодавшихся по настоящему скандалу журналистов ничто не укроется.

— Мистер Токадо,— начал Мтомба,— надеюсь, вы удовлетворены объяснением причин повышенного внимания налоговой полиции к компании «Наш дом — Земля!»? Весьма сожалею, что не сумел в кулуарах связно объяснить вам всего, но я, как и вы, впервые услышал отчет мистера Блэкфилда, и, признаюсь, на меня он произвел впечатление.

— На меня тоже,— сдержанно отозвался со своего места японец.— Знай я об услышанном раньше, и нам не потребовалось бы сейчас выслушивать незрелые выкладки мистера Блэкфилда.— В зале послышались протестующие голоса, и Токадо успокаивающим жестом поднял руку.— Прошу принять во внимание, господа, что Сессия Лиги собирается для формального утверждения всесторонне проработанных указов и постановлений, а не для выслушивания пусть и важных, но скороспелых предположений и подозрений. Директорат — не следственная комиссия!

— Боюсь, что не могу с вами согласиться, господин Председатель,— возразил со своего места Мтомба.— Мы с вами — всего лишь функционеры аппарата Лиги, существующей исключительно затем, чтобы защищать своих граждан, обеспечивать им достойные для проживания условия. Сейчас мы имеем тревожную и неординарную ситуацию, результатом которой явились массовые волнения граждан и наша первоочередная задача, успокоить людей, дать им достоверную информацию, которой располагаем сами.

— Не нужно меня уговаривать, мистер Овагунга! — раздраженно откликнулся Токадо. Он вовремя понял, что чем дольше длится их «обмен мнениями», тем яснее для присутствующих становится тот факт, что именно он, Акуро Токадо, директор МЕБЛИПа, желает свернуть дискуссию.— Я всецело с вами согласен и думаю, что все поняли необоснованность претензий мистера Форда, а пока предлагаю перейти к обсуждению предложения мистера Стенсена относительно денационализации принадлежащего Лиге сектора промышленности. И обсуждение предлагаю начать именно вам, мистер Мтомба, ведь именно вы наиболее резко высказывались против и отказались объяснить причины своего протеста.

— Да, господин Председатель,— согласился африканец,— и причины, побудившие меня к молчанию, связаны с предыдущим выступлением. Если случится так, что после денационализации принадлежавшие Лиге предприятия ждет та же судьба, что и нынешних банкротов, то человечество превратится в перенаселенную аграрную планету, вынужденную забираться все глубже в землю и заниматься традиционным сельскохозяйственным производством, поскольку окончательно лишится предприятий по производству синтезаторов пищи.

Мтомба намеренно сгустил краски. В зале поднялся невообразимый шум. Именно шум, а не выкрики, потому что люди не могли еще сформулировать вопросы и обменивались недоуменно-возмущенными репликами.

— Я предлагаю наложить бессрочный мораторий на деятельность финансовой группы «Наш дом — Земля!», причем на весь период расследования.

— Пожалуй, вы хватили через край, мистер Мтомба.— Токадо изо всех сил старался держать себя в руках и, пусть с немалым трудом, но это ему удавалось.— Я, конечно, понимаю, что чрезвычайные ситуации требуют чрезвычайных мер, но я отказываюсь считать ситуацию чрезвычайной! — Последнюю фразу ему пришлось прокричать, чтобы пересилить возмущенные крики из зала.— Да, отказываюсь! К тому же советую вам не забывать о священном праве собственности, на котором основано благоденствие нашего общества!

— В том-то и дело,— возразил Мтомба,— что периодически для блага общества приходится пересматривать устои этого общества. Впрочем, речь сейчас не о переоценке столь милых вашему сердцу ценностей. Речь идет всего лишь о целесообразности. Целесообразность подразумевает под собой продуманность действий, а продуманность в свою очередь предостерегает от поспешных шагов. Именно поэтому я и предложил

наложить мораторий на передачу собственности Лиги в частные руки. К тому же все вышесказанное — не основная причина. Служба Безопасности предполагает, что некто тайно направляет действия мистера Стенсена, и что этот некто не слишком чист на руку. Впрочем, я думаю, что гораздо лучше меня вам поведает об этом мистер Соломон Хук.

Мтомба говорил осторожно, хотя его так и подмывало выложить журналистам все, что знает он сам, а там пусть Стенсен отмывается, как умеет. Однако он не давал воли чувствам, и говорил предельно осторожно. Чем он может подкрепить свои обвинения? На Яне Стенсен сделал все, как надо, наследив выше крыши, но при обилии оставленных улик, все они оказались безадресны. Что остается? Признание, сделанное в собственном офисе? Но и оно ничего не доказывает, поскольку сделано без свидетелей. Остается слово Акселя против слова Стенсена — ситуация, слишком смахивающая на банальное шельмование, так что после начального успеха им придется долго отмываться от ответных обвинений. Что же касается клиники доктора Фуджи, то и здесь ситуация схожая. Пожалуй, сейчас все будет зависеть от того, удалось ли его людям завершить сборку детектора... Он тянул, сколько мог, и пока не знал результата, а потому ждал появления друга едва ли не с большим волнением, чем любой из присутствующих в зале. Правда, в отличие от остальных, Мтомба точно знал, отчего волнуется.

Соломон Хук появился в правом боковом проходе. Разговоры мгновенно стихли, и в зале воцарилось напряженное молчание. Аксель окинул присутствующих взглядом победителя и с максимальной, какую только позволяли костыли, грацией двинулся вдоль правого края авансены, поднялся по ступеням и за спинами восседавших за длинным столом директоров направился к кафедре. Здесь движения его сделались отрывистыми — явно сказывалось отсутствие навыка продолжительного перемещения на четырех конечностях. Словно нарочно он замирал на миг за спиной каждого из директоров, рывком передвигался на шаг, делал новую паузу, пока таким вот неловким аллюром не добрался до места. Аккуратно сложив костыли у боковой стенки кафедры, он оперся о ее края руками и окинул журналистов насмешливым взглядом.

— Друзья! — бодро начал он. — Прошу простить мне мой неловкий эквилибр — вчера меня в очередной раз подстрелили, но — уверяю — говорить мне это не помешает.

— Мистер Хук! — Посреди зала вскочил щуплый коротышка в очках. — Судя по сообщениям в прессе, вчерашнее покушение — третье за последнюю неделю. Не слишком ли большую для человека изворотливость вы демонстрируете?

Шутка получилась, мягко говоря, не слишком изысканной, с явным оттенком могильного юмора. Тем не менее она вызвала в зале легкий смехок и неподдельное внимание аудитории.

— Благодарю за комплимент, — Сол улыбнулся, — но вынужден вас поправить: вчерашнее покушение — четвертое за последнюю неделю и шестое за истекший месяц. Наверное, я слишком люблю жизнь! — отшутился он, и на сей раз шутка вызвала гораздо более бурную реакцию. — На самом деле, — продолжил он, когда утих смех в зале, — ситуация слишком серьезна, чтоб обсуждать столь незначительные моменты. Я полностью поддерживаю позицию мистера Мтомбы относительно моратория на продажу имущества Лиги и сейчас скажу — почему. — Он сделал паузу, дожидаясь полной тишины. — Я прибыл на Ян с целью расследования причины происшедших там несчастных случаев и с уверенностью могу сказать, что гибель экспедиции явилась результатом диверсии, направленной на срыв яньского проекта.

— Мистер Хук, — пододвинув к себе микрофон, молвил Токадо, — надеюсь, кроме собственных выводов, вы располагаете и подтверждающими их фактами? Если так, самое время предать их гласности.

— Конечно, мистер Токадо! — бодро откликнулся Аксель.

— Мистер Хук, хочу вам напомнить, что я председательствую на данном собрании, а потому попрошу вас обращаться ко мне — господин Председатель. Вы поняли?

— Да, господин Председатель! — Хук с энтузиазмом потрянул густой шевелюрой и

радостно оскалился, словно «господин Председатель» сказал нечто чрезвычайно забавное. Зал отозвался смехом, а Токадо ограничился гневным взглядом — роль «своего парня», равного среди равных совершенно не импонировала ему. Тем не менее он смолчал, не желая устраивать из собрания шоу.— Так вот о фактах.— Хук обернулся к залу и мгновенно посерьезнел.— В ходе расследования я выяснил, что под видом двух людей, а именно Роя Спаркса и Ларри Хоупа, некто направил на Ян двух роботов, которые начали устранять одного за другим участников экспедиции, маскируя смерти под несчастные случаи. Мне пришлось вступить с ними в противоборство, в результате которого роботы...— тут он помялся, подыскивая наиболее точное определение,— пришли в негодность.

— Мистер Хук! — вновь заговорил Токадо.— Здесь уже утверждали, что для человека вы слишком живучи. Как вам удалось вывести из строя двух роботов, когда каждый из них значительно превосходил вас и в силе, и в точности расчета, и в скорости реакции?— не сдержавшись, он нервно хохотнул.

— Смею заметить, господин Председатель, что моя профессия — оставаться в живых, попутно добывая необходимую клиенту информацию,— мгновенно откликнулся Аксель. Похоже, он ждал подобного вопроса.— Посмотрите на меня — я до сих пор жив, хотя далеко и не каждый раз мне удается выжить без ущерба для здоровья. Весьма прискорбно, что вы, господин Председатель, находите в этом факте повод для некачественного юмора.— В зале кто-то захохотал, остальные поддержали его сдержанным смехом. Токадо мрачно молчал, и Хук вновь повернулся к аудитории.— Оба робота оказались стандартными андроидами-универсалами, предназначенными для шахтных работ, с пластиковой оболочкой, искусно имитирующей человеческую внешность. У обоих оказались удалены мотиваторы и вместо них вставлены стандартные армейские фугасные мины большой мощности...

— Мистер Хук! — закричали из зала.— Фирмы-производители уверяют нас, что мотиватор неотделим от мозга!

— Совершенно верно,— согласился Аксель.— Именно так и принято считать, но кому-то удалось проделать этот фокус. И увольте меня от вопроса — как? Факт есть факт! В свое время специалисты разберутся в нем и по этому поводу будет созвана пресс-конференция.

— Но разве нельзя по заводским номерам проследить путь роботов на Ян, ведь андройды выпускаются в весьма ограниченных количествах? — выкрикнул тот же голос.

— Вы абсолютно правы! Но преступники понимали это ничуть не хуже нас с вами и тщательно вывели все заводские номера и клейма...

— И на основании этого факта вы сделали вывод,— вновь вмешался в разговор Токадо,— что именно мистер Стенсен и есть тот самый злоумышленник, а, стало быть, и на предложение его следует наложить вето?!

— Я прошу прощения, господин Председатель,— вновь не заставил ждать себя с ответом Аксель,— но, по крайней мере, среди присутствующих вы первый высказали подобную версию. Не берусь с вами спорить, возможно, вы и правы,— под смех зала продолжил он,— но я имел в виду нечто иное,— сохраняя невозмутимость, продолжил Соломон,— а именно: кому-то очень не хотелось, чтобы металлы Яна попали на Землю, а поскольку земные разработки редкоземельных элементов давно стали убыточны, в числе подозреваемых остаются лишь потребители...

— К которым мистер Стенсен не относится! — закончил за него Токадо.

— Прямо — да, но не косвенно, поскольку дешевые металлы Яна могут сделать выпускаемые предприятиями Лиги гиперприводы конкурентоспособными. Мистер Стенсен не может не понимать этого, отсюда и его предложение по денационализации принадлежащих Лиге предприятий.— Аксель понимал, что аргументация его, мягко говоря, не бесспорна, но она играла на главную цель — Токадо следовало вывести из равновесия, ибо, только потеряв над собой контроль, он может выдать себя.

— Опять вы со своими нападками на «Вестерн Юнион Инкорпорейтед»! — не сдержался Токадо.

— Наоборот, господин Председатель! — мгновенно откликнулся Аксель.— Я лишь

попытался поддержать вашу версию причастности мистера Стенсена к печальным яньским событиям! — под смех зала, возразил он. — Прошу простить, если не так вас понял. Как бы там ни было, но пока не выяснится, мистер Стенсен или кто-то иной стоит за событиями на Яне, нельзя предпринимать серьезных шагов. Этого требует элементарная осторожность.

Аксель сознательно вел разговор к тому, чтобы персона Стенсена как можно чаще обозначилась в качестве центра событий и, кажется, в зале начали это понимать. Слишком уж часто звучала сегодня фамилия шведа, слишком рьяно защищал его Токадо, и больно уж акцентировал на нем внимание присутствующих Соломон Хук. Сейчас он мог поздравить себя с удачным претворением в жизнь своего замысла. Теперь имя владельца «Вестерн Юнион Инкорпорейтед» стало той осью в разговоре, вокруг которой можно запускать все остальные факты. Главное, чтобы до Токадо — или кто там засел в его башке — эта простая истина дошла с опозданием.

— Прошу заметить, господа, — вновь обратился к залу Соломон, — что, в отличие от господина Председателя, я намеренно не ограничиваю круг подозреваемых персонею мистера Стенсена и его окружения. — Он покосился на сидевшего посреди длинного стола слева от кафедры Токадо. Японец напоминал огромную пузатую бочку с порохом, фитиль которой прогорел почти до конца и до взрыва осталась одна секунда — одно неосторожно произнесенное докладчиком слово. — Дело в том, что Ян оказался всего лишь началом, первым звеном в цепи не менее впечатляющих событий. Вернувшись на Землю, нам удалось выяснить, что подмена людей носит едва ли не массовый характер. В клинике доктора Фуджи нам удалось обнаружить небольшой цех по производству псевдолюдей — и вновь никаких следов злоумышленников! То есть абсолютно тот же почерк, что до этого просматривался на Яне — при огромном количестве улик почти полное отсутствие указующих на злоумышленника фактов! — В зале зашумели, Токадо недобро покосился на Акселя, но тот поднял руки в предостерегающем жесте. — Нет, господин Председатель! Я вовсе не имею в виду мистера Стенсена!

В зале поднялось нечто невообразимое.

— Перестаньте ёрничать, Хук! — рывкнул выведенный из себя смехом зала Токадо. — Не забываете, кто вы и где находитесь!

— Мистер Токадо, — спокойно поправил его Соломон. — Я прекрасно помню, что я человек и выступаю на заседании Совета Директоров Лиги с целью разоблачения заговора, равного которому еще не знало человечество — с целью разоблачения заговора против самого человечества!

Смех оборвался, и в зале повисла напряженная тишина. Люди боялись посмотреть друг на друга... вернее, теперь у них даже не возникало такого желания. Все, как один, смотрели на огромного длинноволосого бородатого мужчину за кафедрой, желая и в то же время страшась услышать, что он еще скажет!

— По-моему, вы окончательно сошли с ума, мистер Хук... — В наступившей тишине голос Токадо прозвучал обвиняющим гласом прокурора. — Или же сами стоите в центре обрисованного вами заговора! — Похоже, вместо того, чтобы взорваться, Председатель сумел плевком погасить тлеющий кончик запала.

— Я вовсе не сошел с ума, господин Председатель, — размерено произнес Аксель, — и не я заговорщик...

— Кто же тогда?

— Вы!!! — громом прозвучало в наступившей тишине.

В следующий миг рука Акселя взметнулась, и некий снаряд, как выпущенный из пращи камень, метнулся к лицу Токадо. Толстый японец не успел среагировать, лишь глаза его расширились от ужаса, когда сидевшая в голове Председателя Крыса увидела, как мгновенно расправившаяся паутина оплела ее убежище и тугой петлей затянулась на шее. Все это происходило в полнейшей тишине, запечатлевалось в объективах телекамер и фотоаппаратов. На Акселя кинулся ближайший из сидевших за столом директоров, но, в отличие от директора Токадо, Соломон Хук оказался готов к нападению. Один из костылей,

превратившийся в его руках в грозное оружие, обрушился на голову нападавшего, опрокинув его навзничь. Среди людей началась паника, по проходам зала к сцене уже бежали охранники, и никто не мог сказать наверняка, люди они или нет. Но когда Аксель выхватил из кобуры бластер и выстрелил в лицо одного из директоров, все — и бегущие к сцене, и замершие в ступоре растерянности — одновременно остановились, и у каждого мелькнула одна и та же мысль: этот волосатый парень сошел с ума! Они молча наблюдали, как, словно при замедленной съемке, падает на стол тело убитого на их глазах человека. Падает и никак не может упасть! Наконец оно с грохотом повалилось на белую скатерть и успокоилось навек. По крайней мере всем так казалось до тех пор, пока затылочная часть черепа «убитого» не откинулась подобно крышке люка и наружу не метнулось небольшое существо неясных очертаний и цвета слоновой кости, но Аксель ждал этого, и мгновенно разрядил в беглеца бластер. Обугленный труп пилота повалился на пол, и в тот же миг среди находившихся в зале директоров началась странная эпидемия обмороков. Оставшиеся на ногах члены Совета оторопело смотрели, как между их ног шныряют крохотные существа, и только Аксель с Мтомбой, ругаясь на чем свет стоит, тщетно пытались помешать беглецам. Через минуту зрелище ограничилось трупом Токадо. В сетке затянутой вокруг его головы бесновалось голое тело Крысы, тщетно пытавшейся разорвать сверхпрочную паутину ловушки.

* * *

— Я давно начал подозревать,— подумав, произнес Аксель,— что дело здесь не ограничивается простыми экономическими мотивами, хотя поначалу все выглядело как конкурентная борьба.

— И ты так ни разу и не поколебался в своей уверенности? — Алекс насмешливо прищурился. Впрочем, он не считал, что старый друг хвастается — ни прежде, ни — насколько он сумел убедиться — теперь подобной слабости за ним не наблюдалось.

— Ну как же... — Соломон усмехнулся в бороду и отпил из стакана. — Я ведь не непогрешимый пророк Мохаммед. Когда после возвращения с Яна я разговаривал со Стенсеном, я почти поверил, что ошибался, что именно он — основной персонаж разыгравшейся на наших глазах драмы, а основной побудительный мотив — овладевшая им бредовая идея мирового господства.

— И что же тебя разуверило?

— Не что, а кто, — поправил друга Хук. — Сам Стенсен и разуверил, назвав похитителей дочери крысами.

— Ничего не понимаю. — И Оварунга потряс курчавой головой.

— А это нельзя понять, — согласился Соломон, — это можно только почувствовать.

Он выразительно посмотрел на друга.

— Наверное, каждому хотя бы отчасти знакомо состояние, когда мозг усиленно работает над проблемой, не имея в своем распоряжении фактов, беспомощно цепляясь за ничего, на первый взгляд, не значащие мелочи. Говорят, Менделеев именно таким образом увидел во сне свою знаменитую Периодическую таблицу элементов. Дураки называют это слепым везением, на самом деле все значительно сложнее. — Он посмотрел на африканца поверх кромки стакана и усмехнулся, заметив, как недоверчиво покосился на него старый друг. — Вижу, что не убедил тебя. — Он на секунду задумался. — Давай подойдем к вопросу с другой стороны. Каков Стенсен? — Он вопросительно посмотрел на друга, но на собственный вопрос сам же и ответил. — Сильный, не привыкший к излишним церемониям мужчина, неизменно получающий все, что ему нужно, потому что именно он стоит у руля и правит, куда ему заблагорассудится. И вдруг у него — почти Бога! — крадут дочь! Каково его отношение к похитителям?

— Сволочи! — подсказал Алекс.

— Верно, — кивнул Аксель. — «Ублюдки», «подонки» и прочие нелицеприятные определения, среди которых превалируют нецензурные выражения. Спрашивается: при чем здесь «крысы»? Отметьте и еще один момент. Стенсен явно знал похитителей, а в таких делах есть, конечно, исполнители, но они — всего лишь безликие статисты. Главная же фигура — заказчик. Тем не менее, Стенсен говорит о «крысах», то есть гнев его направлен не на одного человека, а на всех, причастных к похищению, лиц. Мне это показалось странным... И потом — крысы не занимаются киднеппингом! Они крадут сыр, колбасную кожуру, хлебные корки, но никак не взрослых дочерей властных претендентов на мировое господство!

— А не слишком ли ты увлекся своей теорией? — усмехнулся Мтомба. Сейчас, когда все волнения позади, он мог позволить себе поиронизировать над рассуждениями друга.

— Может быть... — Аксель сделал большой глоток и равнодушно пожал широкими плечами. — Но я привык доверять ощущениям, и, как видишь, не ошибся. Если хочешь, я просто отметил тогда эту фразу, как странность, о которой не следует забывать, — и только. Кстати, не с нее начались мои подозрения. До этого, сразу по возвращении, я отметил еще один факт, долгое время не дававший мне покоя. Это — запах Токадо.

Аксель допил очередную порцию виски, поставил пустой стакан на стол и с невозмутимым видом стерпел смех Мтомбы и нескрываемое изумление Алекса.

— Ты что же, нюхал Толстяка? — Африканец, наконец, успокоился, но, сформулировав вопрос, вновь расхохотался особенным, членораздельным смехом: «Ха! Ха! Ха!»

Соломон хладнокровно перенес повторный приступ Оварунги, и когда тот, наконец, успокоился, как ни в чем не бывало пояснил:

— Удивляешь ты меня, дружище. Ты превратился в кабинетного сыщика — это скверно. Ты привык читать газеты, выслушивать донесения агентов, рыться в рапортах и, суммируя чужие мнения, делать свои умозаключения. Ты разучился добывать факты САМ! А ведь то, что я сказал, не так глупо... если, конечно, не ржать, а поразмыслить над услышанным здраво. — Аксель выразительно посмотрел на друга. — Токадо, как и все тучные люди, страдает повышенной потливостью и, как следствие, активно пользуется дезодорантами. Не надо обладать носом спаниеля, чтобы учуять стоящий в его кабинете запах. Запах, который исчез без следа, когда я вторично посетил нашего друга после своего возвращения с Яна и его — из клиники доктора Фуджи.

— Ну и?...

— Войдя в кабинет, я просто отметил этот факт и тут же забыл о нем. Ты ведь помнишь ситуацию тех дней — смерть Анны, знакомство с очаровательной Лори...

— Ну да, — кивнул африканец. — Тебе было не до анализа обонятельных ощущений.

— Именно, — согласился Аксель, — но память постоянно возвращала меня к этому факту. Первая мысль: Токадо сменил марку дезодоранта. Я даже проконсультировался со знакомым парфюмером, но тот сказал, что дезодорантов без запаха никто не выпускает. По его словам, несмотря на все успехи парфюмерной промышленности, полностью подавить функцию потоотделяющих желез так и не удалось, поскольку это противоречит физиологии человеческого организма. Реклама лжет, выдавая желаемое за действительное, так что все дезодоранты содержат в своем составе ароматизаторы, забивающие все-таки существующий запах пота. Однако Токадо во время второй нашей встречи совсем не пах. — Аксель внушительно посмотрел на Мтомбу, но на этот раз африканец отнесся к его словам совершенно серьезно. — Не пах, — продолжил он, — несмотря на удушающую жару снаружи и не слишком хорошую работу кондиционера в его кабинете.

— А ведь верно, — неожиданно согласился Оварунга. — И мне показалось, будто у него жарковато.

— Вот-вот! — кивнул Аксель. — Как если бы человек перестал чувствовать температуру, или... сменил свои климатические пристрастия.

— Хорошо, — вмешался в разговор Алекс. — Я тогда не был с вами, но меня ты убедил

в своей правоте... Вот только в чем она заключается?

— Тогда я этого и сам не знал. Просто занес очередной необъяснимый факт в копилку замеченных странностей. Помните древнюю теорию о переходе количества в качество? Не знаю, как в других областях человеческой деятельности, но логика, на мой взгляд, в значительной мере построена именно на этом принципе.

— Ну, допустим,— повторил Алекс.— А когда у тебя впервые появилось ОСОЗНАННОЕ,— выделил он последнее слово,— подозрение, что Токадо — уже не Токадо?

— Сразу, как только я попал в клинику доктора Фуджи. Он был такой же тучный — хотя и не такой огромный — и тоже без запаха... У меня, тренированного физически человека, любое движение вызывало легкую испарину, в то время как этот толстяк и не собирался потеть! Именно тогда и произошло первое качественное переосмысление скудного набора странностей. Не могу сказать, что сразу назвал их роботами, но в непонятной нечувствительности к температуре чувствовалось что-то нечеловеческое. И тут же подсознание подкинуло мне еще один неприятный фактик — кроме тебя, Мтомба, только Токадо знал о том, что покушение на меня не удалось.

Африканец кивнул. Все верно, японец входил в число их друзей, и для него, Мтомбы Оварунги, последний факт полностью завуалировал первый, а вот Аксель отметил его...

— А дальше?

— А дальше странности посыпались как из рога изобилия. В первую же ночь меня разбудили неприятные визитеры. Что-то маленькое бегало по полу, крохотными коготками цокая по паркету. В детстве у меня был еж, и, как всякое, ведущее ночной образ жизни существо, днем он спал, а ночью делал свои дела, так что я хорошо знаю этот звук. Но в пустыне не водятся ежи! Сначала я решил, что кто-то по неосторожности завез в клинику вездесущих крыс, и они прижились в здании. Наутро я обыскал комнату и обнаружил странную централизованную систему кондиционирования. Да, из трубопроводов шел прохладный воздух, но меня не покидало ощущение, что это сделано лишь для отвода глаз, чтобы дыра в стене не вызывала удивления у вновь прибывшего, в то время как истинное назначение ее: коммуникация, теплотеплопровод. К этому подталкивало и еще одно соображение. Я специально обошел несколько соседних номеров и во всех отсутствовали решетки на выходных отверстиях. Все выглядело логичным, за исключением одного: вопрос, кто пользовался странным теплотеплопроводом, оставался без ответа. Конечно, именно им пользовались ночные топтуны, но кто они на самом деле, я в тот момент не знал, хотя, возможно, подсознательно уже тогда начал подозревать истинное положение дел.

— Да,— задумчиво кивнул Мтомба,— легко все объяснить, когда знаешь верный ответ.

— Точно,— подтвердил Аксель.— Я же тогда просто гадал, как случается, когда обладаешь набором разношерстных фактов и не в силах увязать их воедино. Единственное, что удалось соединить — странное отсутствие запаха у двух толстяков, но и здесь первая, вроде бы, зацепка ставила больше вопросов, чем давала ответов. Следующую загадку подкинули медбратья. Они возвращались с садовых работ, лопаты их носили явные признаки недавнего применения, но следов трудовой деятельности я в саду так и не обнаружил. Мне это показалось странным...

— И скоро ты догадался, что они копали могилу? — заговорил Алекс.

— Да ты что! Все мы крепки задним умом.— Аксель обреченно пожал плечами, как человек, который ясно осознает, что не все ему подвластно.— Ну как же: клиника, люди в белых халатах, не навреди, клятва Гиппократова и все такое...

— И все же, когда ты начал понимать, что они — не те, за кого себя выдают?

— Когда забрался в кладовку, хотя первые подозрения зародились чуть раньше.— Он на секунду задумался.— Юл в разговоре проболтался, что выздоровление пациентов происходит резко и сразу. Именно тогда у меня возникло подозрение в подмене людей. Разум категорически отметал его, но подсознание старательно подсовывало, возвращая к этой неприятнейшей мысли.

— Интересно,— сказал Мтомба.

— Ты начал говорить о кладовке,— напомнил Алекс.— Что ты там сумел обнаружить?

— Ты же знаешь людей...— Соломон выразительно посмотрел на Мтомбу, затем перевел взгляд на Алекса.— Все мы незаметно обрастаем никому не нужными мелочами. Поройся в карманах: портсигар, зажигалка,— он не стал ждать, когда кто-то из друзей последует его совету, и принялся выкладывать на стол содержимое собственных,— бумажник, носовой платок,— перечислял он.— Не слишком много, но лишь потому, что мелочь собрана в бумажнике, да и по характеру я человек аккуратный. И тем не менее, даже в спецовке всегда найдется что-то незначительное: тот же носовой платок — если, конечно, человек не привык сморкаться в занавески — пакетик резинки, монетка для газетного автомата, оторванная пуговица, наконец... да мало ли чего еще?! Однако, спецовки уборщиков оказались абсолютно стерильны! Словно не люди их носили, а роботы, которым ничего не требуется, кроме своевременно замененной смазки!

— Так вот когда...— протянул Алекс, дивясь тому, как причудливо порой работает мышление человека, делая совершенно неожиданные — но верные! — выводы из на первый взгляд малозначительных фактов. Отсутствие у человека запаха... Отсутствие мусора в его карманах... М-да...

— Именно тогда,— подтвердил Аксель,— я и подумал, что все они слишком напоминают мне яньских злоумышленников — туповатого Спаркса и вечно пьяного Хоупа. В клинике же я попал в колонию психов, двух неразговорчивых санитаров, а единственный нормальный человек страдал неестественным для человека клиническим отсутствием потливости. Я начал усиленно размышлять над новой версией, и опять-таки все, вроде бы, складывалось необыкновенно удачно. Приезжает клиент. Его ведут в кабинет, снимают с мозга информацию, затем изготавливают точно копирующую его внешность оболочку для робота, информацию закладывают в память киборга, и двойник готов. Тогда оригинал убивают, закапывают его труп где-то на периферии оазиса, и вместо него домой возвращается двойник, в дальнейшем готовый выполнить любое задание своих создателей.

— Как на Яне,— подсказал Алекс.

— Точно как на Яне,— подтвердил Аксель.— И братья-садовники вписываются в эту схему, как нельзя более удачно: вроде бы, ухаживают за садом, а на самом деле — прячут трупы.

— Кстати, мы нашли кладбище именно в той стороне, куда ты указывал,— заметил Мтомба.

— Много? — мрачно поинтересовался Аксель.

— Уже извлекли почти сотню тел.

Хук кивнул и потянулся за бутылкой. Он не знал никого из наспех погребенных Крысами людей, но разве это имеет значение? Все они — люди, и сейчас это слово стало для него синонимом слова — родственник. Все они люди — одна большая семья — и часть этой семьи убита гнусными Крысами, тайно творившими свое гнусное дело уже полсотни лет... а может быть, и больше. Кто знает? Сколько еще таких вот безымянных могил предстоит им обнаружить теперь, когда они знают, что искать...

— Окончательную точку поставил лысый парень, словивший черепом тяжеленную вазу, но даже не заработавший синяка. Хотя для того, чтобы все встало на свои места, мне пришлось пережить не самый приятный в жизни момент.

— Так, значит, когда ты спускался в подвал, ты уже знал все?

— И да, и нет.— Он поймал на себе недоуменные взгляды друзей и пояснил: — Была теория, но не было ее подтверждения. К тому же, я думал, что псевдолюди — киборги, а они оказались марионетками. Без знания этого последнего довершающего картинку факта я никак не мог установить связи между стройной теорией подмены людей киборгами и существованием внутренних коммуникаций непонятного назначения. Связь, в итоге, оказалась очень простой, но в тот момент — вовсе не очевидной. На это последнее озарение у меня так и не хватило времени — события начали развиваться слишком стремительно.

Обнаруженный гардеробчик стал еще одной зацепкой, но не окончательной. Зато когда я попал в подвал, в святая святых доктора Фуджи, думать оказалось уже не о чем — все разъяснилось само собой.

Некоторое время все трое молчали, осмысливая сказанное. Наконец Мтомба ожесточенно почесал каракуль волос на затылке и со странным выражением лица посмотрел на друга.

— Послушай-ка... Ведь все висело на волоске и могло запросто рухнуть в тот момент, когда ты обнаружил в соседнем номере Псевдоанну.

— Верно,— согласился Хук.— К счастью, они не успели.

— Понимаешь,— стал размышлять вслух Аксель,— я думаю, что обычно все происходило следующим образом. Поздно вечером очередного пациента вызывал к себе Фуджи, а через некоторое время в его номер приносили куклу. Обычно этого никто не видел, а если и видел, то ему объясняли, что больной спит.

— Но ведь это глупо! — не выдержал Алекс.

— Глупо, конечно,— не стал спорить Аксель.— Так же глупо, как и дурацкая система кондиционирования с дурацкими открытыми воздуховодами... Да и вообще, я, к примеру, даже сейчас не понимаю назначения странной коммуникационной системы. По-моему, гораздо логичнее было бы вернуть на место двойника, так сказать, своим ходом. Никаких вопросов, и ни к чему эти чудовищные трубы, естественные только на первый взгляд.

— Быть может, их назначение в другом? — после минутного раздумья сказал Мтомба.— К примеру, в обеспечении возможности бегства в случае внезапного разоблачения?

— И в этом тоже,— согласился Аксель,— но не все так просто. Думаю, трюк с носилками — вынужденная мера. Информация о прототипе, скорее всего, втискивается в сознание Крыс под гипнозом. Видимо, процесс этот протекает по разному у разных особей. С другой стороны, ничего страшного даже при вынужденном длительном гипнообучении не происходит. Кукла пребывает в дежурном режиме до тех пор, пока пилот не придет в себя. По сути, риска никакого.

— И полное выздоровление,— кивнул Алекс.

— Точно! Если кто-то из домашних и отмечает перемену, то относит ее на счет остаточных явлений болезни, одно только избавление от которой компенсирует все неудобства.

В дверь постучали, и Мтомба мгновенно развернулся в своем кресле.

— Войдите!

— Шеф! — На пороге появился молодой подтянутый человек с озабоченным лицом.— Им удалось сбежать!

— А-а! Черт! — не сдержался Мтомба.— Всем? — Вошедший кивнул.— Но каким образом?

— Тот, что сидел в голове директора Токадо, скончался...— молодой человек помялся.— Похоже, от испуга.

— Отравился! — подсказал Алекс и сдавленно заржал, настолько смешным показалось ему им же высказанное предположение о крысином шпионе, ревностно соблюдающем кодекс чести. Провалившийся агент не имеет права на жизнь!

— Очень похоже на то,— с облегчением согласился сотрудник Мтомбы, не рискнувший, как видно, озвучивать и ему казавшуюся абсурдной мысль.

— Ну, хорошо,— Мтомба недовольно покосился на друга,— а что стало с остальными?

— Сбежали,— сконфуженно повторил тот.— Когда паника в зале улеглась, кроме шести кукол директоров мы обнаружили и десяток покинутых кукол псевдожурналистов. Крысы же словно сквозь землю провалились. Примерно через пять минут мне сообщили, что звездолет с монумента в парке стартовал...

— Что-о?! — Мтомба выглядел, как обыкновенно выглядит человек, чьи жизненные принципы неожиданно терпят полный крах. Впрочем, и Аксель, и Алекс выглядели не

лучше.

— Да.— Молодой человек обреченно пожал плечами, словно именно себя считал главным виновником случившегося.— Постамент оказался оборудован путепроводами, а памятник на нем — не чем иным, как межзвездным кораблем. Через минуту после старта он покинул атмосферу и сразу ушел в гиперпространство. Сейчас специалисты пытаются высчитать вектор предполагаемого перехода, но не знаю... Слишком уж быстро все произошло.

— Но ведь это невозможно! — не выдержал Мтомба.— В непосредственной близости от планеты нельзя набрать сверхскорость! Однако...

— Вы нашли систему коммуникаций внутри здания? — спросил Аксель.

— Нет.— Молодой человек, видно, сразу же вспомнил клинику доктора Фуджи и понял, о чем идет речь.— Все оказалось значительно проще: двери прогрызены с таким расчетом, чтобы обеспечить беспрепятственное бегство. Конференц-зал ведь находится на втором этаже.

— Простенько и со вкусом,— одобрительно кивнул Аксель.— Между прочим, э-э-э... юноша,— он посмотрел на все еще стоявшего в дверях с растерянным лицом оперативника,— на вашем месте я бы наведался в офис компании «Наш дом — Земля!». Не исключено, правда, что и там уже все упаковали чемоданы, но чем черт не шутит...— Оперативник перевел вопросительный взгляд на шефа, и тот кивком подтвердил свое согласие.— Попадете в Старый Город, будьте настороже! — крикнул ему вслед Аксель.

— Да пропустите же меня! — Дверь не успела закрыться, а в нее уже пытались войти одновременно две Анны. Выражение лиц Алекса и Мтомбы заставило бы любого усомниться в их умственных способностях, зато на лице полулежавшего в своем кресле Акселя расплылась детски-наивная улыбка.— Я желаю знать, кто она?! — гневно сверкнув глазами, возвестила Анна, которую Аксель опознал по едва ли не буквально валившему из ноздрей дыму.— И запомни: каждое произнесенное тобой слово может быть повернуто другим концом и засунуто обратно!

Мтомба все еще изумленно смотрел на этих невероятно похожих друг на друга девиц, но уже начал приходить в себя, так как понял, что, наконец-то, встретились Анна и Мэри-Эн... Мэри-Эн пока молчала, но по тому, что она остановилась возле кресла, в котором восседал его друг, и с воинственным видом закатывала рукава, понял, что уступать своих прав она не собирается.

— Эй, девочки! — поспешил он остановить бурю страстей.— Если собираетесь убить моего друга, да еще в моем кабинете, выпейте для храбрости хотя бы по стакану!

— Убить?! — Обе «близняшки» одновременно обернулись к оратору.— Что за мрачные мысли роятся в твоей черной деревянной голове?! Я его жадно целую! — Одна из двойняшек стремительно нагнулась к Акселю и запечатлела на его устах короткий, но страстный поцелуй.— Жадно! — повторила она, мгновение спустя победно посмотрев на свою копию.

— Убери от него свои липкие губы, сучка! — возмущенно зашипела вторая.

Несмотря на неистовый гнев, она оставалась прекрасной. Алекс перевел взгляд на ее «копию» — то же самое он мог сказать и о ней. Господи! Кто же из них настоящая Анна, а кто всего лишь голограмма?! Одна из девушек остановилась рядом с ним, и Алекс ощутил слабый аромат ее духов и даже более того — близость ее красоты... Но ведь вторая только что на его глазах целовала его друга! Он понял, что ничего не понимает.

— Ты думаешь, твоя ярость — проявление любви?! Глупый набор микросхем! Это всего лишь сбой в программе! — победно вскричала одна из Анн, не сомневавшаяся в убийственности последнего своего аргумента.

— Что ТЫ можешь знать о любви?! Ты, путающая низменную похоть с высоким чувством! — вскричала другая.

— Вон отсюда! — неожиданно спокойно сказал Аксель.— Обе! — тихо добавил он.— И не возвращайтесь, пока не научитесь мирно общаться.

Алекс согласно кивнул. Ссора явно переходила в разнузданную перепалку. Мтомба также молчал. Он еще не успел забыть ответ на свою предыдущую реплику, и ему совсем не улыбалось испытывать судьбу вторично. Как говорится, толкать маятник часов — занятие доступное, только результаты его весьма сомнительны.

— Тебе не мешало бы побриться! — мгновенно отреагировала та из девушек, что запечатлела на устах Акселя жадный поцелуй.

— Постричься тоже! — поддержала ее вторая.

— Женщины! Их любят боги!

— Ты прав, Алекс! — согласился Мтомба. — Они — радость для глаз!

— Но горе для ушей! — присоединил свое мнение к предыдущим высказываниям Соломон.

— Пойдем, милая! — не обращая внимания на отповедь, сказала одна из спорщиц, и обе гордо удалились, не удостоив глядевших им вслед мужчин прощального взгляда, мгновенно позабыв о только что раздиравших их разногласиях.

— Да, дружище, — заметил Мтомба, когда дверь за двумя фуриями закрылась, — похоже, на тебя и в мирной жизни охотятся исключительно профессионалы.

— Это что — комплимент?

— Безусловно.

— Хорошо. — Аксель выглядел умиротворенным. — Согласись, было бы обидно скончаться в руках дилетанток. Думаю, теперь ты согласишься с тем, что удачно жениться — все равно, что сунуть руку в мешок с гадюками и достать оттуда ужа?

— Мне это удалось, — не без удовольствия заметил Алекс.

— Кстати, — откликнулся Мтомба, — хотелось бы присутствовать при том, как ты сообщишь одной из этих двух фурий, что подозреваешь ее отца в пособничестве Крысам.

— Точно, — поддержал африканца Алекс. — Не забудь надеть шлем.

Аксель загадочно улыбнулся и промолчал, потому что он знал — ехидство друзей бессмысленно — Анна уже все знает, а он до сих пор жив.